

ISSN 2524-0285

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Б
**Гуманитарные
науки**

3/2025

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.
Серия Б: Гуманитарные науки»**

Ответственный редактор – д-р филос. наук, проф. **Н.Н. Емельянова**.

Заместитель ответственного редактора – д-р пед. наук, доц. **Д.А. Чернышев**.

Ответственный секретарь – канд. ист. наук, доц. **В.В. Разумный**.

Члены редколлегии: д-р ист. наук, доц. **В.Л. Агапов**, д-р ист. наук, проф. **А.В. Бредихин**, д-р филос. наук, доц. **В.В. Волошин**, д-р ист. наук, проф. **А.А. Выборнов** (Самарский государственный социально-педагогический университет), д-р филос. наук, проф. **Г.В. Гребеньков** (Донецкая государственная музыкальная академия им. С.С. Прокофьева), д-р пед. наук, проф. **А.И. Дзундза**, д-р пед. наук, проф. **Е.Г. Евсеева**, д-р ист. наук, проф. **Г.П. Ерхов**, д-р филос. наук, проф. **Е.А. Капичина** (Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского), д-р ист. наук, проф. **А.В. Кияшко** (Южный Федеральный университет), д-р ист. наук, доц. **А.В. Колесник**, д-р пед. наук, проф. **М.Г. Коляда**, д-р ист. наук, проф. **Е.Ф. Кринко** (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН), д-р ист. наук, доц. **Д.С. Крысенко** (Луганский государственный аграрный университет им. К.Е. Ворошилова), д-р ист. наук, доц. **А.И. Минаев** (Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина), д-р филос. наук, проф. **Д.Е. Муза**, д-р ист. наук, проф. **Г.Р. Наумова** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филос. наук, доц. **Т.Э. Рагозина** (Донецкий национальный технический университет), д-р пед. наук, проф. **Е.И. Скафа**, д-р пед. наук, проф. **О.Ф. Турынская** (Луганский государственный педагогический университет), д-р ист. наук, доц. **Л.Г. Шенко**.

**Editorial Board of the journal “Bulletin of Donetsk National University.
Series B: Humanities”**

Editor-in-Chief – Doctor of Philosophy, Prof. **N.N. Yemelianova**.

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Pedagogy, Docent **D.A. Chernyshev**.

Executive Secretary – Candidate of History, Docent **V.V. Razumnyi**.

Members of the Editorial Board: Doctor of History, Docent **V.L. Agapov**, Doctor of History, Prof. **A.V. Bredikhin**, Doctor of Philosophy, Docent **V.V. Voloshin**, Doctor of History, Prof. **A.A. Vybornov** (Samara State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philosophy, Prof. **G.V. Grebenkov** (Donetsk state Prokofiev musical academy), Doctor of Pedagogy, Prof. **A.I. Dzundza**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.G. Yevseeva**, Doctor of History, Prof. **G.P. Yerkhov**, Doctor of Philosophy, Prof. **E.A. Kapichina** (Lugansk State Academy of Culture and Arts), Doctor of History, Prof. **A.V. Kiyashko** (Southern Federal University), Doctor of History, Docent **A.V. Kolesnick**, Doctor of Pedagogy, Prof. **M.G. Kolyada**, Doctor of History, Prof. **Ye.F. Krinko** (Institute for Socio-Economic and Humanities Research, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences), Doctor of History, Docent **D.S. Krysenko** (Luhansk Voroshilov State Agricultural University), Doctor of History, Docent **A.I. Minaev** (Ryazan State University), Doctor of Philosophy, Prof. **D.Ye. Muza**, Doctor of History, Prof. **G.R. Naumova** (Lomonosov Moscow State University), Doctor of Pedagogy, Doctor of Philosophy, Docent **T.E. Ragozina** (Donetsk National Technical University), Prof. **Ye.I. Skafa**, Doctor of Pedagogy, Prof. **O.F. Turanskaya** (Luhansk State Pedagogical University), Doctor of History, Docent **L.G. Shepko**.

Адрес редакции: ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, ДНР, РФ.

Тел: +7(856) 302-92-33

E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikB>

С 01.10.2024 г. научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК РФ) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),
- 5.6.3. Археология (исторические науки),
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки),
- 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки),
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).

*Печатается по решению Учёного совета ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».
Протокол № 12 от 31.10.2025 г.*

© ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2025

Вестник
Донецкого
национального
университета
Серия Б. Гуманитарные науки

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 1997 ГОДУ
№ 3/2025

С О Д Е Р Ж А Н И Е

История

<i>Атдаев С.Д.</i> Закаспийская область глазами итальянского принца	5
<i>Бредихин А.В., Душенко В.А.</i> Религиозный фактор войны за независимость США	11
<i>Гречихин К.А.</i> Внутриполитические преобразования в Ираке 1980-х гг.	18
<i>Ищенко В.Б., Шабельников В.И.</i> Обсуждение предполагаемой смерти Сталина на страницах региональной прессы США в 1948 году	24
<i>Колесник А.В., Данильченко А.Ю., Левченко М.Т.</i> Проблема локальных отличий в среднем палеолите Восточной Европы	32
<i>Разумный В.В., Чернышева К.И.</i> Взаимоотношения Российской Федерации и Турецкой Республики в 1992–2022 годах: историческая ретроспектива	43
<i>Янченко Д.С.</i> Палестино-израильский мирный процесс: арабская мирная инициатива 2002 года	54

Философия

<i>Бартагариева И.И.</i> Социальный контроль и качество жизни как проблемы философского осмысления	61
<i>Елхова О.И.</i> Пределы рациональности: философские основания ограниченности искусственного интеллекта	69
<i>Ковалев А.А.</i> Угроза дезинтеграции в многонациональном обществе: философское осмысление	76
<i>Мишечкин Г.В.</i> Социально-философские идеи Новороссии в творчестве Н.В. Гоголя	86

Педагогика

<i>Аникина Т.В., Шевчук Л.В.</i> Нейропсихологические упражнения как средство развития познавательной деятельности на уроках русского языка на уровне начального общего образования	94
<i>Коляда Д.М., Бугаева Е.И.</i> Сократовский метод с интеграцией искусственного интеллекта как эффективная современная форма обучения будущих юристов	104
<i>Романова О.В.</i> Домашние задания как средство организации самостоятельной работы учащихся старшей школы	114
<i>Сарычева О.В., Чернышев Д.А.</i> К вопросу о специфике профессиональной деятельности специалистов психологии служебной деятельности	120
<i>Скворцова Д.А.</i> Методическая система подготовки будущих учителей математики к организации обучения в цифровой образовательной среде	126
<i>Сирота Т.А.</i> Общепрофессиональное умение работать с информацией на основе иноязычного обучения как необходимая составляющая профессиональной подготовки журналистов	134
<i>Трошкина Ю.Ю.</i> Интегративная профессиональная подготовка студента-дизайнера	142
Правила для авторов	149

Bulletin of Donetsk National University

Series B. Humanities

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

No 3/2025

CONTENTS

History

<i>Atdaev S.J.</i> The Transcaspian region through the eyes of an Italian prince	5
<i>Bredikhin A.V., Dushenko V.A.</i> Religion factor in American revolutionary war	11
<i>Grechikhin K.A.</i> Internal political transformations in Iraq in the 1980s.	18
<i>Ishenko V.B., Shabelnikov V.I.</i> Discussion of Stalin's alleged death in the U.S. regional press in 1948	24
<i>Kolesnik A.V., Danilchenko A.Yu., Levchenko M.T.</i> The problem of local differences in the Middle Paleolithic of Eastern Europe	32
<i>Razumnyi V.V., Chernysheva K.I.</i> Relations between the Russian Federation and the Turkish Republic in 1992–2022: a historical retrospective	43
<i>Yanchenko D.S.</i> Palestino-Israeli peace process: 2002 Arab peace initiative	54

Philosophy

<i>Bartagariyeva I. I.</i> Social control and quality of life as problems of philosophical comprehension	61
<i>Elkhova O.I.</i> The limits of rationality: philosophical foundations of artificial intelligence constraints	69
<i>Kovalev A.A.</i> The threat of disintegration in a multinational society: philosophical reflection	76
<i>Mishechkin G.V.</i> Social and philosophical ideas of Novorossiya in the works of N.V. Gogol	86

P e d a g o g y

<i>Anikina T.V., Shevchuk L.V.</i> Neuropsychological exercises as a means of developing cognitive activity in Russian language lessons at the level of primary education	94
<i>Koliada D.M., Bugaeva T.I.</i> The Socratic method with the integration of artificial intelligence as an effective modern form of training for future lawyers	104
<i>Romanova O. V.</i> Homework as a means of organizing self-independent issues of high school students	114
<i>Sarycheva O.V., Chernyshev D.A.</i> On the issue of the specifics of professional activity of professional psychology specialists	120
<i>Svortsova D.A.</i> Methodological system for training future mathematics teachers to organize learning in a digital educational environment	126
<i>Sirota T.A.</i> General professional ability to work with information based on foreign language training as an essential component of journalists' professional training	134
<i>Troshkina Y.Y.</i> Integrative professional training of design students	142
Guidelines for authors	149

ИСТОРИЯ

УДК 39: 94 (575.4)

DOI : 10.5281/zenodo.17720387

EDN: YIWORB

ЗАКАСПИЙСКАЯ ОБЛАСТЬ ГЛАЗАМИ ИТАЛЬЯНСКОГО ПРИНЦА

© 2025 С. Дж. Атдаев

Институт Истории и археологии АН Туркменистана

В статье описывается поездка итальянского принца Виктора Эммануила III по Закаспийской области в 1890 г. Описана, организованная администрацией Закаспийской области и Туркестанского генерал-губернаторства, вся процедура встречи почетного европейского гостя. Указаны исторические лица, задействованные в этом мероприятии. Представленные материалы прессы той поры, позволяют визуальное прочувствовать атмосферу той исторической поры.

Ключевые слова: Закаспийская область, Закаспийская железная дорога, принц Италии, российские чиновники, туркменские ханы.

---

*Край от мира удаленный,
Принц наследный посетил,
Красоту, беспечность жизни,
Ветер вольный ощутил.
С.А.*

Представленная на рассмотрение работа посвящена поездке наследного принца Италии Виктора Эммануила III (1869–1947) в Закаспийскую область, предпринятой им в 1890 г. Целью данной работы явилось стремление автора представить осуществленные преобразования в регионе, и показать новый облик Закаспийской области, которые удалось увидеть гостю с момента полного присоединения туркменских земель к Российской империи в 1885 г. К 1890 г. в этих землях уже просматривались элементы мирной жизни, и быт туркменских сел в наступивших новых реалиях.

Российская империя, после последних территориальных приобретений на южных рубежах своих границ в XIX в., старалась вписать эти области в привычные для себя административно-правовые рамки регулирования. С момента преобразования Туркестанской области 11 июля 1867 г. в Туркестанское генерал-губернаторство, начинаются предприниматься меры по созданию имиджа данного региона как мирного и современного центра в Средней Азии. Особенно много в этом направлении было сделано первым генерал-губернатором Туркестана генерал-адъютантом Константином Петровичем Кауфманом (14.07.1867 – 04.05.1882). Он проводил масштабную коммуникационную политику, целью которой было формирование достойного образа Туркестана в глазах органов центральной власти и общественности, а также для представителей туркестанской администрации и местного населения. Для решения этой задачи организовывались разнотематические выставки как в России, так и в Европе. На этих выставках были широко представлены: экспозиция «туркестанских» картин художника В.В. Верещагина, подготовлен многотомный «Туркестанский альбом» и

составлен сборник «Русский Туркестан». Издается еженедельная газета «Туркестанские ведомости», где публикуются официальные материалы, а также новости культуры и экономики. Стремясь усилить привлекательность края, К.П. фон Кауфман уделяет внимание привлечению в край ученых, содействуя реализации их исследовательских проектов. В крае открываются театры, музеи и публичные библиотеки [4, с. 40-42].

Правопреемники Кауфмана продолжили его политику, и к 1880-м гг. Туркестан стал весьма привлекательным для российских и иностранных предпринимателей, путешественников и ученых. Реализация поставленных задач ускорилась с прокладкой новых железных дорог, соединивших центральную часть России с ее новыми владениями. В 1886 г. Закаспийская железная дорога достигла берегов Амударьи, а в 1888 г. был запущен первый рейс до Самарканда. Многие журналисты, фотографы и просто любопытствующие из России, Европы и Америки пытались проехать этим путем, и запечатлеть ранее не изведанный для них Туркестанский край. Среди европейских посетителей оказался, и наследный принц Италии Виктор Эммануил III, представитель знатнейшего французского рода Савуа.

Впервые о поездке итальянского принца писала С. Горшенина. Следующая работа статья на эту тему была предпринята С.А. Асановой. Обе эти статьи говорят о нахождении гостя на территории Бухарского эмирата [1; 2]. Пребыванию принца на территории Закаспийского края посвящена публицистическая работа Д.С. Аннаоразова [3]. Мы, в свою очередь, дополнили этот исторический эпизод данными взятыми из газет и журналов того времени, что намного обогатило источниковедческую базу рассматриваемой темы. О нахождении Принца в Закаспийской области в общих чертах сообщала газета «Закаспийское обозрение» [5], однако более точно и детально об этом событии повествуют газеты «Русский Инвалид», «Кавказ», а также журнал «Нива».

Рис. 1. Принц Неаполитанский

В поездке по Закаспийской области принца сопровождали ближайшие друзья: генерал-адъютант короля граф Морро ди Лавриано, адъютант принца майор Катанео, доктор Бокка, капитан Мальцев (Мальвецци), семь человек прислуги [2, с. 36]. Газета «Русский Инвалид» писала о том, что 5 апреля 1890 г. в час дня на пароходе «Князь Баратинский» из Баку на туркменский берег Каспийского моря прибыл наследный принц итальянского престола со своей свитой. От русского правительства принца сопровождали генерального штаба полковник Н.И. Закржевский и чиновник особых поручений при главноначальствующем Кавказа действительный статский советник М.П. Гаккель [6]. Первым пунктом прибытия гостей явился порт Узун-Ада. По причине отсутствия руководителя строительства Закаспийской железной дороги генерала М.Н. Анненкова его замещал полковник М.С. Андреев (с 1885 по 1891 гг. – командир 2-го Закаспийского железнодорожного батальона), который далее сопровождал принца до Самарканда и обратно в Узун-Ада [3]. Осмотрев в подробности порт Узун-Ада, принц выехал в 3 часа дня с экстренным поездом в Ашхабад [6].

В Ашхабад поезд прибыл 6 апреля. На вокзале гостей принял генерал-лейтенант А.В. Комаров и группа местных жителей (А.В. Комаров, назначенный начальником Закаспийской области 22 марта 1883 г. сдал свои полномочия 27 марта 1890 г. Временным начальником области был назначен генерал-майор Фишер фон Альбах. Позже начальником области был утвержден А.Н. Куропаткин (с весны 1890 г. по 1 января 1898 г. – С.А.). Принц осмотрел город, памятник героям, павшим под Гёк-депе, и четыре орудия, захваченные у афганцев под Кушкой в 1885 г. Днем в 3 часа принц присутствовал на маневре, в котором участвовали закаспийские стрелковые батальоны, артиллерия, казаки и сотня туркменской конной милиции. В ауле Кёши, под Ашхабадом, гости посетили кибитки и казармы туркменской туземной милиции. В саду, сидя на ковре, принц слушал музыку и пение текинцев, смотрел стрельбу мальчиков из лука и джигитовку текинских всадников. В 8 часов вечера, гость продолжил свое путешествие [7].

Утром 7 апреля гости прибыли в Теджен, где гостей встретил начальник Тедженского округа, подполковник милиции Махтум-Кули-хан (1854–1923). Здесь состоялась установка на каменный устой массивной железной сорокасаженной фермы для вновь строящегося железнодорожного моста через реку Теджен. Затем для принца была организована охота на диких кабанов [8].

В Мерв поезд прибыл 9-го апреля. Гостя встретили временно управляющий мервским округом начальник гарнизона и местная публика. На станции его высочеству были представлены мервские ханы «Векильского, Бекского, Сычмазского и Бахшинского родов в богатых восточных нарядах» [9]. Под мервскими ханами следует понимать следующих лиц: Сары-хан – текинское колено Багши; Майлы-хан – колено Сычмаз; Юсуп-хан – колено Векиль; Мурат-хан – колено Бег.

Были организованы маневры, которыми командовал полковник Н.П. Линевиц (с 1885 по 1895 гг. начальник 2-й Закаспийской стрелковой бригады). Перед взорами гостей предстала крепость Говшут-хан-гала. Рядом строился новый русский город [3]. Далее было посещение Байрам-Али. Здесь расположилось управление Мургабского Государева имения. Газеты писали, что осмотрев весь новый русский Мерв, принц со свитой направился на осмотр древних развалин [9; 10]. Здесь гости с интересом осмотрели памятники Древнего Мерва и посетили мавзолей сельджукского правителя Султана Санджара (1118–1153). Далее была организована встреча со знаменитой мервской ханшей Гюль-Джемал (1838–1919). Гости были приняты в большом

кирпичном доме, обустроенного на европейский манер. За чаем принц беседовал с ханшей и любовался чудными коврами [3].

Вскоре поезд уже мчался в сторону Чарджоу (современный Туркменабат). О том, что принц Неаполитанский собирается посетить владения бухарского эмира Абдулахада (Сейид Абд ал-Ахад Бахадур-хан – время правления 1885–1910), в Туркестанском крае было известно в начале марта 1890 г. Получивший это известие Туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский (с 28 октября 1889 по 17 марта 1898 года) поручает назначить доверенным лицом управляющего политическим агентством в Бухаре В.О. Клемма, который встретил принца в Чарджоу [2, с. 35]. Пресса сообщала, что принц прибыл в Чарджоу 9-го апреля. За семь верст до русского поселка Новый Чарджоу принц был встречен беком (Мир-Хайдар-бек-бий – бек Чарджоу с 1888 по 1902 гг.). После дастархана в 2 часа дня принц прибыл на ст. Аму-Дарья в русском Чарджоу, где был встречен военными, чиновниками и местными должностными лицами. Принц присутствовал на игре (байга), потом проехал по мосту через Аму-Дарью на дрезине и на пароходе «Царица» сделал прогулку по реке. 10-го апреля он прибыл на ст. Бухара, где его встретили российский временно управляющий политическим агентством Клемм (будущий российский дипломат Василий (Вильгельм) Оскарович фон Клемм (1861–1938), а также бухарские лица с великим визирем во главе. Затем принц отправился в столицу бухарского эмира. 11-го апреля гость осматривал город и его достопримечательности [11].

Газета «Русский Инвалид» сообщала, что 12-го апреля утром принц достиг Самарканда. На станции его встретили представители русского и местного населения, во главе с начальником самаркандской области. В течение 3 дней были осмотрены древности города и окрестности. 14-го апреля в 2 часа дня принц отбыл с экстренным поездом из Самарканда в обратный путь через Узун-Ада [12].

15 апреля в 4 часа утра Клемм выехал на станцию в Бухаре, чтобы встретить приезжающего из Самарканда принца, и сопровождать его до Чарджоу. В Чарджоу принц проехал в дом генерал-лейтенанта Анненкова, где встретился с местными начальствующими лицами и офицерами гарнизона. Вслед за этим поезд двинулся в Мерв [2, с. 40]. 16 апреля Экстренный поезд с принцем прибыл на туркменскую ст. Кахка, где ему поднесли несколько экземпляров огромных закаспийских ящериц [13]. Позже принц присутствовал на ученьях артиллерийской конной батареи Кубанского казачьего войска [14].

Не доезжая 12-ти верст до Ашхабада, принц остановился на полустанции Аннау, откуда в экипаже со свитой отправился к развалинам Аннауской мечети. В два часа дня принц прибыл на ст. Ашхабад, где его встретили генерал-лейтенант Комаров, временный начальник области генерал Фишер фон Альбах и избранная публика. Генерал Комаров поднес его высочеству 75 фотографических снимков собственной работы, небольшую археологическую коллекцию и шкуру тигра [13, 14].

Информация о нахождении принца в закаспийском крае встречается в книге Берты Кеннеди «Путешествие в Хорасан и Центральную Азию», которая была написана на основе ее поездки вместе со супругом Робертом Дж. Кеннеди. Супружеская пара проделала путь из иранского города Мешхед в туркменский Душак и оттуда по Закаспийской железной дороге в Мерв, Бухару и Самарканд. Обратный путь следовал в Ашхабад, каспийский порт Узун-Ада, далее в персидский порт Мешхеде-Сер (современный Бабольсер) и обратно в Тегеран.

После посещения Самарканда супруги Кеннеди отправляются в обратный путь. В Бухаре они знакомятся с Клеммом. Позже он ехал с ними в одном вагоне при

возвращении в Чарджоу. В Чарджоу он направлялся для принятия мер к прибытию наследника итальянского трона принца Неаполитанского [15, р. 75].

В Ашхабаде Кеннеди стали свидетелями прибытия принца, молодого человека 22 лет. Гость был принят генерал-лейтенантом А.В. Комаровым. Во второй половине дня для принца было организовано представление, имитирующее штурм крепости Гёк-Тепе. Российские войска состояли из двух батальонов снайперов, казачьей кавалерии, артиллерии и туркменской конной милиции. Объектом атаки было туркменское село Кёши, в 3 км от Ашхабада (то есть, описывается сценарий разыгранный при первом посещении принцем Ашхабада 6 апреля, и приведенный нами выше в данном тексте – С.А.) [15, р. 80-82]. В Гёк-депе остановка была посвящена осмотру крепости [3]. Далее принц выехал в Узун-Ада, откуда 17 апреля отбыл пароходом «Император Александр Третий» в Баку [13; 14, с. 459].

После окончательного включения туркменских земель в 1885 г. сферу влияния России, и в особенности после прокладки Закаспийской железной дороги до Самарканда в 1888 г., началась организация ознакомительных поездок в Закаспийскую область и далее в Туркестанское генерал-губернаторство. Представители элиты, писатели, журналисты, фотографы и просто любопытствующие из России и европейских стран знакомились с новым мирным бытом этого, до конца еще не изученного восточного региона. Среди них оказался, и наследный принц итальянского престола Виктор Эммануил III. При посредничестве властей и администрации Закаспийского области, он близко ознакомился с жизнью и бытом туркмен. Он встречался с туркменскими ханами и остался очень довольным своей поездкой, уезжая из этого удивительного края с богатым багажом приятных и теплых впечатлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горшенина С. Он хотел сохранить инкогнито / С. Горшенина // Звезда Востока. – Ташкент: Укитувчи, 2002. – №2. – С. 177-179.
2. Асанова С.А. Первый царственный гость эмира бухарского, или Как принц Неаполитанский путешествовал в Самарканд / С.А. Асанова // Кунсткамера. – 2023. – №3(21). – С. 33–42. DOI: 10.31250/2618-8619-2023-3(21)-33-42.
3. Аннаоразов Д.С. Путешествие итальянского принца по туркменской земле [Электронный ресурс] / Д.С. Аннаоразов. – URL: <https://www.infoabad.com/2119-puteshestvie-italjanskogo-princa-po-turkmenskoi-zemle.html> (дата обращения 21.07.2025).
4. Почекаев Р.Ю. Исторический опыт формирования имиджа региона (на примере Туркестанского края конца 1860-х - начала 1880-х гг.) // Российская пиарология-7: тренды и драйверы. Сборник научных трудов в честь профессора К. А. Ивановой. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 39-43.
5. Путешествие принца Неаполитанского в Среднюю Азию // Закаспийское обозрение. – 1902. – 9 июля. № 190.
6. Русский Инвалид. – 1890. – №74. 7 апреля.
7. Русский Инвалид. – 1890. – №75. 8 апреля.
8. Русский Инвалид. – 1890. – №76. 10 апреля.
9. Русский Инвалид. – 1890. – №77. 11 апреля.
10. Кавказ. – 1890. – №93. 11 апреля.
11. Русский Инвалид. – 1890. – №80. 14 апреля.
12. Русский Инвалид. – 1890. – №81. 15 апреля.
13. Русский Инвалид. – 1890. – №83. 18 апреля.
14. Разные известия. Придворные известия // Нива. – 1890. – №17. – С. 458-459.
15. A journey in Khorasan and Central Asia. March and April 1890. – London: Hatchards, Piccadilly, 1990. – 101 p.

Поступила в редакцию 12.08.2025 г.

THE TRASCASPIAN REGION THROUGH THE EYES OF AN ITALIAN PRINCE

S.J. Atdaev

The article describes the trip of the Italian prince Victor Emmanuel III to the Transcaspian region in 190. The entire procedure for meeting the honorable European guest, organized by the administration of the Transcaspian region and the Turkestan Governorate General, is described. The historical figures involved in this event are indicated. The presented press materials of that time allow you to visually feel the atmosphere of that historical period.

Key words: Transcaspian region, Transcaspian railway, prince of Italy, Russian officials, Turkmen khans.

Атдаев Сердар Джумаевич

кандидат исторических наук,

ведущий научный сотрудник,

Институт истории и археологии

АН Туркменистана, Ашхабад, Туркменистан.

E-mail: serdar63atdayev@gmail.com

Atdayev Serdar Jumaevich

candidate of historical sciences,

leading researcher,

Institute of History and Archeology of the Academy of

Sciences of Turkmenistan, Ashgabat, Turkmenistan.

E-mail: serdar63atdayev@gmail.com

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ США© 2025 *А. В. Бредихин, В. А. Душенко**ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»*

Статья посвящена роли религиозного фактора в войне за независимость североамериканских колоний Англии. Рассмотрены основные религиозные направления, их роль в формировании идеологии колоний и их непосредственное влияние на ход американской революции.

Ключевые слова: пуританизм, англиканство, политеизм, идеология, Просвещение.

Религиозный фактор, как правило, не рассматривается в контексте войны за независимость США, поскольку не является основным. Однако, религия сыграла большую роль, во-первых, в формировании идеологии североамериканских колоний, во-вторых, в формировании некоторых объективных расхождений между метрополией и колониями, и, в-третьих, сыграла роль в нарастании неприязни к коренному населению Северной Америки, которое тоже принимало участие в конфликте. Более того, на тему религии рассуждали «отцы-основатели» США в своих трудах накануне образования самой страны и принятия первой Конституции, а также непосредственное участие в конфликте принимали представители различных ветвей христианства, что могло повлиять на принятие некоторых решений с разных сторон.

В отечественной историографии религиозный фактор если и рассматривается, то в основном в контексте генезиса американской идеологии. Особенно выделяется статья А.В. Питина «Пуританизм и формирование идеологических предпосылок войны за независимость» [1]. Непосредственно вопросом положения англиканской церкви во время войны занялся П.Г. Космач, результаты чего опубликованы в его статье «Колониальная англиканская церковь в период войны за независимость США» [2]. Историк В.В. Согрин в своей работе «Идейные течения Американской революции» рассматривает религию как составную часть идеологии, однако не вдаётся в подробности непосредственного участия церкви в конфликте [3]. И.Ю. Хрулева и О.А. Мохова в своей работе «Религиозная полемика эпохи первого «Великого пробуждения» в Британской Америке и создание колледжа Нью-Джерси (1746)» рассматривают множественные аспекты протекания этого религиозного движения в середине XVIII в. [4].

В зарубежной историографии более всего хочется выделить труд Бернарда Бейлина «Идеологические истоки Американской революции», однако же, вновь религия рассматривается только в контексте формирования идеологии [5]. В качестве вспомогательной литературы также была использована очень популярная работа Ричарда Докинза «Бог как иллюзия», что позволяет проследить некоторые моменты касательно американской идеологии с точки зрения атеизма и агностицизма [6].

Актуальность темы заключается в том, что на протяжении многих лет религия британских колоний не рассматривалась в контексте причин войны за независимость США. Еще более редко в трудах историков можно встретить анализ локальных британо-индейских или американо-индейских стычек на религиозной почве в годы войны. Из чего вытекает малая изученность проблемы в отечественной историографии, и, сравнительно с другими аспектами этого конфликта, небольшая в зарубежной. Религия оказала заметное влияние на ход событий, и игнорирование этого влияния

лишает нас важной части картины. Религия стала одним из факторов, усиливших различия между метрополией и колониями. Англиканская церковь, тесно связанная с британской короной, воспринималась многими переселенцами как символ старого порядка, противоречащего новому колониальному опыту. В то же время, пуританизм и различные протестантские течения, активно развивавшиеся в Америке, отвечали запросам местного населения и становились идейной опорой сторонников независимости. Дискуссии о роли веры в новом государстве, вопрос отделения церкви от власти, поиск баланса между религиозным многообразием и единством общества — всё это показывало, что религия не была второстепенным явлением. Она влияла как на стратегические решения в годы войны, так и на институциональное оформление молодого государства. На данный момент США являются одной из самых религиозных стран в мире, с одним из самых высоких уровней конфессионального разнообразия. Изучение религиозного фактора на пороге возвышения британских колоний является тем самым началом, которое позволит проследить весь процесс религиозных трансформаций, приведших к современному их состоянию.

Целью работы является анализ религиозного фактора в войне за независимость США. Таким образом, можно выделить следующие задачи: проанализировать роль религиозных учений в формировании идеологии независимости в колониях, оценить степень распространенности религиозных идей среди населения североамериканских английских колоний, оценить отношение Континентального конгресса к основным религиозным конфессиям и их положение в годы войны, оценить влияние представителей религиозных течений на ход войны и их влияние на американскую революцию в целом.

В качестве методов использовались как общенаучные (сравнительный, повествовательный), так и специальные (историко-хронологический, статистический). Авторы придерживаются принципов историзма, системности и всесторонности изучения.

На формирование национального самосознания американцев повлияли этика и аскетизм первых пуританских переселенцев. Пуританизм по многим причинам стал основой идеологии колоний, но, в первую очередь, благодаря своему пристальному вниманию в отношении образования и просвещения. Благодаря такому положению дел в Северной Америке уже очень скоро после основания первых колоний появился колледж Гарвард [4, с. 20]. Образование и религия были тесно переплетены: долгое время без строгого соблюдения религиозных правил нельзя было занять никакой высокий пост, получить образование с большей вероятностью мог человек религиозный, и, наконец-то, формировалась ситуация, когда все образованные люди, родившиеся в колониях, были по совместительству религиозными [4, с. 21-22].

Именно пуританизм задает основы, в дальнейшем расширенные за счет идей французских просветителей: отрицание церковной иерархии, и отречение от монархии в целом, которая перерастает в республиканскую форму; библейское равенство трансформируется в социальное. В итоге рисуется картина состояния колоний на момент отделения от метрополии. Пуританизм вместе с идеологией Просвещения обосновывали якобы и богоизбранность американцев, что шло рука об руку с желанием пуритан после провала в Англии построить свое «праведное» государство в Новом Свете [1, с. 19].

В целом, пуританизм хорошо совмещался с французской просветительской идеологией, поскольку само просвещение было постулатом этого течения еще до начала эпохи Просвещения в Северной Америке. Но само же Просвещение и приводило к некоторому переосмыслению основных догматов. В середине XVIII в. это привело к началу «Великого пробуждения» — религиозного движения, вследствие которого в колониях появилось много различных течений протестантизма. «Великое

пробуждение» было закономерным явлением, которое не просто не ослабило позиции религии, а, напротив, привело к вовлечению в протестантизм еще большего количества людей, включая преподавателей и студентов колледжей [4, с. 32-33].

Кроме всего прочего, пуритане же стали и наиболее воинственным религиозным течением с самого начала их колонизации Северной Америки: целью было завоевать у коренного населения как можно больше территорий, основать на них поселения и закрепиться. Поскольку пуританизм во многом повлиял на формирование идеологии тринадцати колоний, большинство американцев так же были настроены агрессивно в отношении индейцев, а их идеи считались мракобесием. Индейцы считались «отсталой» расой, как и африканцы, которые массово направлялись в Северную Америку в качестве рабов. Пуританские миссионеры даже в своих писаниях оправдывали жестокое отношение к коренному населению их «мракобесием», под которым понимались политеизм и вера в духов, не свойственные монотеизму [5, с. 28-30]. Пуритане считали справедливым негативное отношение к коренному населению и активно распространяли разные басни и легенды, которые быстро рисовали в глазах переселенцев жестоких дикарей в лице индейцев. На основе таких устных рассказов даже начал формироваться полноценный американский литературный жанр «пленения» [7, с. 43].

Писания иезуитов рисовали более объективную картину. Дэвид Зайсбергер, проживший многие годы в племени делаваров, в своей работе «История американских индейцев» описывает и процесс принятия аборигенами христианства и процесс изучения им лично нескольких индейских языков [8]. В дальнейшем он даже был принят в племя. Переход индейцев в христианство описывался неоднократно у различных авторов и к моменту войны за независимость США в некоторых поселениях уже большая часть населения была обращена в новую веру [8].

Англикане прибыли в Северную Америку раньше, еще в конце XVI в. Но им не удалось завлечь большинство. Идеи пуритан были гораздо более подходящими для переселенцев, поскольку англиканская церковь управлялась метрополией. Основным фактором тут было то, что идеология англиканства в XVI - первой половине XVII вв. практически не трансформировалась под влиянием изменений, происходящих в колониях, и оставалась слишком консервативной, в то время как народный дух колонистов менялся, обстановка накалялась и пуританские идеи получали распространение. Население, бежавшее из Великобритании, не находило утешения в устаревших консерваторских идеях англиканской церкви. Наиболее «англиканскими» штатами стали Вирджиния и Мэриленд [2, с. 24]. Количество англикан к войне за независимость сокращалось, наблюдался явный кризис, который даже приводил к появлению новых деноминаций.

Таким образом, к началу войны уже более чем два века большинство населения колоний было религиозным. Но что по этому поводу думали просвещенные люди, непосредственно «Отцы-основатели» США? США не были основаны как христианская страна – это светское государство по Конституции. Были ли отцы-основатели атеистами, агностиками, деистами или религиозными людьми – сказать довольно сложно, ведь даже рассуждая на тему религии, прямо о своих взглядах они практически не заявляли.

Кристофер Хитченс в своей биографической книге «Томас Джефферсон – творец Америки» высказывает предположение, что Джефферсон, вероятно, все же был атеистом уже тогда [6, с. 59]. Такой вывод можно сделать, например, из писем Питеру Карру, где Джефферсон прямым текстом предлагает «засомневаться в существовании Бога» [9, с. 36-40]. Создатели американской Конституции как минимум были

антиклерикалами, поскольку ратовали за отделение церкви от государства, а также за религиозный плюрализм, то есть веротерпимость [6, с. 60]. Но веротерпимость в полностью религиозной стране, идеологией населения которой почти целиком построена на христианской религии в синкретизме с идеями Просвещения, вполне может расцениваться как безразличие к религии вообще. Когда все религии кажутся одинаково бессмысленными нет смысла выбирать какую сделать основной.

Джон Адамс выразил свое терпимое отношение к исламу в договоре, заключенном с Триполи в 1796 году [10]. Подобного мнения придерживались и Бенджамин Франклин, и Джеймс Мэдисон. Докинз указывает, однако, что подобное отношение к религиям могло быть вызвано не только атеизмом, но также деизмом или агностицизмом. Хотя Космач высказывает мнение, что в отличие от европейского Просвещения, американское не характеризовалось негативным отношением к религии вообще [2, с. 25]. Так или иначе, отцы-основатели вынуждены были считаться с нравами эпохи, а потому организовать США без религиозного сплочения они не могли. Религия стала большим подспорьем в консолидации населения.

Когда наступил момент войны все население относилось к тому или иному религиозному течению. Причем течения, церкви которых подчинялись метрополии и которые поддерживали корону, находились в меньшинстве. Однако же, сомнительно, что религия занимала главенствующее положение в списке причин и предпосылок к войне. Главная роль, сыгранная христианством – это идеологическая основа для основной массы населения, которое сформировало армии.

Пуританизм со своими идеями походил на полноценное патриотическое движение. Со стороны Англии таким можно назвать лишь малочисленное англиканство, часть которого, на удивление, приняла сторону патриотов, аргументируя это нежеланием навлечь беду на свои церкви. Для англиканской церкви период Американской революции стал по-настоящему кризисным, перед священниками стоял тяжелый выбор: пойти против короны, отделиться от метрополии и нарушить двухвековую консервативную традицию или пойти против своей же паствы, большинство из которой, особенно на юге, все же поддерживало патриотов. Вдобавок, до 1775 года при посвящении в духовный сан англиканский священнослужитель присягал на верность королю и обещал защищать его против любого врага, а новое правительство потребовало от англиканцев заменить эту молитву на молитву Конгрессу [2, с. 24-25].

Космач, основываясь на зарубежных источниках, предоставляет следующую статистику англиканцев по штатам: из 318 пасторов англиканской церкви 123 стали лоялистами, 88 – патриотами, 107 придерживались нейтралитета [2, с. 24]. Многие англиканцы просто выступали с речами против устанавливающихся порядков, заявляя, что безбожностью является пресвитерианский отказ от привычной церковной иерархии. Итогом тяжелого кризиса находившейся в меньшинстве церкви, стало появление так называемого Епископального направления, сформированного из оставшихся в штатах англикан. Это была новая деноминация, приспособившаяся под установившиеся условия. Основатели Епископальной церкви объявили присягу британскому монарху государственной изменой, а в 1789 году представители духовенства из девяти первоначальных епархий встретились в Филадельфии, чтобы утвердить первоначальную конституцию церкви. Епископальная церковь была официально отделена от Англиканской церкви, чтобы американское духовенство не было обязано признавать верховенство британского монарха. В 1789 году для новой церкви была создана пересмотренная американская версия Книги общих молитв. Известно, что одним из первых политических приверженцев епископального

направления были урожденный англиканец и первый президент США Джордж Вашингтон. Однако даже это направление англиканства не получило широкого распространения вплоть до конца XIX в.

И с той, и с другой стороны были сторонники лоялистов и патриотов. Трагедия выбора, стоявшего перед англиканским духовенством, хорошо отразилась в судьбе Якова Дюше, филадельфийского священника. В 1775 г. он был избран капелланом Континентального конгресса, однако в условиях начавшейся полномасштабной войны переметнулся на сторону лоялистов [2, с. 25-26]. С другой стороны, самой известной духовной фигурой революционной армии был Джон Муленберг, англиканин, ставший генерал-майором. Бригада Д. Муленберга проявила себя в битве под Йорктауном в 1781 году, он же с почетом вышел в отставку в 1783 г.

Более жестоко религиозность и фанатичность войны проявляется в контексте событий на северо-западном фронте, где патриотам противостояли англичане вместе с индейцами, причем преимущественно свою роль сыграли именно индейцы. Еще со времен Семилетней войны индейцы, проживавшие на тех территориях, выступали против колонистов и Британии. Они жили так же на территории Канады, которая до Парижского мира 1763 года еще находилась под юрисдикцией Франции.

Большинство населения ввиду распространения в его среде пуританских идей довольно жестоко обращалось с коренными жителями. Очень тяжело стало индейским племенам, оказавшимся на территории, отданной по Парижскому миру Англии. Уильям Джонсон в своих письмах часто описывает несправедливость в отношении тех или иных племен, преимущественно на религиозной почве. Например, в письме от 1763 года упоминается необходимость подписания некоторой петиции, которая должна спасти жизнь членам племени наррагенсетов: «...Их землю продают без разрешения и у них есть риск погибнуть... Не все исполняют королевский закон» [11, с. 152-154].

Жившие тут аборигены активно взаимодействовали друг с другом и, так или иначе, обменивались информацией. Такой обмен во многом ограничивался передачей устной информации. В первую очередь происходил процесс мифологизации представлений друг о друге: англичане, в силу некоторой примитивности индейцев, видели в них каких-то предков библейских времен, индейцы же, зачастую воспринимали европейцев как богов или демонов [7]. Жестокость колониальных войн способствовала развитию противоположных религиозно-мифологических стереотипов.

Манипулятивная политика Британии позволила ей заключить в ходе войны Понтиака мир, который послужил идеологической основой для вступления индейцев в войну за независимость на стороне Великобритании. Пуритане на такую дерзость ответили привычным для них образом – жестокостью. Даже не смотря на активную многолетнюю деятельность миссионеров, что повлекло за собой массовое обращение индейцев в христианство, отряды пуритан вырезали мирных племенных жителей, слепо веруя в их «неправильность». Так, например, в 1781 году американцы заставили переселиться из Гнаденхюттена местных индейцев и миссионеров, которые их крестили. Спустя год переселенцы вернулись в поисках еды. Группа пенсильванских ополченцев во главе с капитаном Дэвидом Уильямсоном прибыла, чтобы наказать их. Это событие вошло в историю как Моравская или Гнаденхюттенская резня, в ходе которой было убито около ста крещеных индейцев [7, с. 39-45]. Индейцы не оставили такую выходку без внимания – 1782 год в американской революции сами участники называли «кровавым», поскольку индейцы без колебаний уничтожали точки патриотов на фронте и организовывали партизанские вылазки [7, с. 39-45].

Другим же показательным примером жестокости колонистов является малоизвестная в широких кругах Виргино-индейская война 1774 года, начавшаяся, судя

по документам, опубликованным Мэдисоном в 1905 году, вследствие религиозных (или других идеологических) разногласий [12, с. 427]. Суть их заключалась в бойкотировании племенами шауни заключения торгового британо-индейского соглашения, в результате чего Лига ирокезов заключила мир самостоятельно, а шауни и минго тут же начали блокировать торговые пути [12, с. 427]. В 1774 году волнения огромной волной прокатились по Виргинии, Кентукки и Огайо. Кульминацией многомесячных стычек стала резня на Йеллоу-Крик, произошедшая 30 апреля 1774 года [9]. В результате стычки были жестоко убиты члены семьи индейского вождя Логана из племени минго. Резня вызвала сильный общественный резонанс.

Индейцы, таким образом, наиболее сильно и резко ощутили на себе жестокость войны: сначала участие в Семилетней войне на стороне французов закончилось для них полным провалом, новым военным англо-индейским конфликтом, а затем и участие в войне за независимость США на стороне англичан привело к северо-западной индейской войне с уже Соединенными Штатами Америки и без помощи британского монарха. На протяжении всей второй половины XVIII века Британия умело манипулировала коренным населением Америки в свою пользу, подготавливая почву для возможного конфликта со своими же колониями, а главными последствиями заключения Ниагарского договора стали многократные поражения индейцев в будущем: полное поражение в войне Понтиака, поражение в войне за независимость США и поражение в северо-западной индейской войне. Индейцев тотально уничтожали даже не прямые военные действия против них со стороны европейцев, а скорее безразличные отношения, из-за которых племена то и дело оказывались в самом невыгодном положении.

Религия сыграла гораздо большую роль в американской революции, чем может показаться на первый взгляд. Все же, если рассматривать войну как идеологическую, то именно религия стала основой конфликтующих идеологий. Причем часто враждующие стороны принадлежали к разным течениям одного направления, имея незначительные различия, однако достаточные для кровопролития. Континентальный конгресс лояльно относился к любым течениям, а в Конституции США были закреплены как светское государство. Но в условиях войны, церкви, поддержавшие Британию, становились врагами. В среде патриотов и лоялистов было очень много новых просветительских течений, сформировавшихся вследствие «Великого пробуждения», что для простых рядовых солдат могло быть чуть-ли не главным стимулом к действию, наряду с экономическим угнетением. Политические и экономические маневры Британии часто сказывались именно на образованных людях, задействованных в местных органах власти, имеющих своё хозяйство или даже рабов. В то время как для активизации части рядового населения хорошо срабатывала идеология и религиозные идеи противопоставления «язычникам» и другим христианским течениям. Фанатичность особенно ярко проявляется в контексте боевых действий с индейцами, истребление которых изначально оправдывалось их «отсталостью» и «неправильностью».

Особенно сильно война повлияла на трансформацию англиканской церкви, ведь как таковая она была искоренена. На её руинах была построена новая Епископальная церковь, отказавшаяся от присяги и подчинения монарху. Зачастую кажущиеся незначительными локальные стычки и конфликты при ближайшем рассмотрении оказываются не такими простыми. Так, например, резня при Йеллоу-Крик Гнаденхюттенская резня были спровоцированы идеологическими, в большей степени именно религиозными, факторами. Континентальная армия и армия Британии состояли из такого количества враждующих направлений, что можно было бы назвать войну за независимость войной религиозной, будь какой-либо религиозный конфликт поводом для ее начала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Питин А. В. Пуританизм и формирование идеологических предпосылок войны за независимость в США // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – С. 17-21. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puritanizm-i-formirovanie-ideologicheskikh-predposylok-voyny-za-nezavisimost-v-ssha>
2. Космач П.Г. Колониальная Англиканская церковь в период войны за независимость США. // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2008. – № 3. – С. 23-26. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/6215>
3. Согрин В. В. Идейные течения в американской революции XVIII века / В. В. Согрин; АН СССР, Институт всеобщ. истории. – М.: Наука, 1980. – 312 с.
4. Хрулева И.Ю., Мохова О.А. Религиозная полемика эпохи первого «Великого пробуждения» в Британской Америке и создание колледжа Нью-Джерси (1746) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – №. 4. – 2019. – С. 18-35. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-polemika-epohi-pervogo-velikogo-probuzhdeniya-v-britanskoj-amerike-i-sozdanie-kolledzha-nyu-dzherisi-1746>
5. Бернард Бейлин. Идеологические истоки Американской революции / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2010. – 308 с. – URL: <https://ushistory.ru/images/files/Bailyn.pdf>
6. Richard Dawkins. The God Delusion / Изд. на русском. – М: «Азбука-Аттикус», 2022. – 528 с.
7. Бредихин А.В., Душенко В.А. Влияние индейской мифологии на североамериканские колонии Англии // Журнал исторических, политологических и международных исследований: научный журнал. – Донецк, 2024. – №2 (89). – С. 39-45.
8. David Zeisberger's. History of northern American Indians 1721-1808. Columbus, O., Press of F.J. Heer. 1910. – URL: <https://archive.org/details/zeisbergerhistnaid00zeisrich>
9. Letters and addresses of Thomas Jefferson 1743-1826 / New York: A. Wessels, 1907 – 332 p. – URL: <https://archive.org/details/lettersaddresses0000jeff>
10. Treaty of Peace and Friendship between the United States of America and the Bey and Subjects of Tripoli of Barbary, was signed in 1796 / The Avalon project. – URL: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/bar1796t.asp
11. The papers of Johnson, William, Sir, 1715-1774; University of the State of New York, Olbani, 1921. – URL: <https://goo.su/ob0g2m1>
12. Documentary History of Dunmore's War – Madison: Wisconsin Historical Society, 1905. – URL: <https://archive.org/details/documentaryhist00wiscgoog>

Поступила в редакцию 27.06.2025 г.

RELIGION FACTOR IN AMERICAN REVOLUTIONARY WAR

A. V. Bredikhin, V. A. Dushenko

The article is devoted to the role of the religious factor in the War of independence of the North American colonies of England. The main religious trends, their role in shaping the ideology of the colonies and their direct influence on the course of the American Revolution are considered.

Key words: Puritanism, Anglicanism, polytheism, ideology, Enlightenment.

Бредихин Андрей Владимирович
Доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всемирной истории
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: kf.vsemir.zav@mail.ru

Bredikhin Andrey Vladimirovich
Doctor of Historical Sciences, professor,
Head of the Department of World History,
FSBEI HE «Donetsk State University»
Donetsk, DPR, RF.
E-mail: kf.vsemir.zav@mail.ru

Душенко Владислав Алексеевич
Студент-магистр,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: dushenkovlad@mail.ru

Dushenko Vladislav Alekseevich
graduate student,
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, DPR, RF.
E-mail: dushenkovlad@mail.ru

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ИРАКЕ 1980-Х ГГ.© 2025 **К.А. Гречихин***ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»*

В статье рассматриваются преобразования внутри Ирака в 1980-е года, изменения, которые проходили внутри правящей партии БААС. В работе также анализируется внутренняя политика Саддама Хусейна и трансформации, которые претерпел его режим в Ираке. В выводах проводится сравнение внутривнутриполитической ситуации в Ираке до ирано-иракской войны и по ее завершению.

Ключевые слова: Ирак, Саддам Хусейн, партия БААС, историческая память.

События внутривнутриполитической жизни Ирака 1980-х годов позволяют проанализировать опыт взаимодействия внутренних сил страны в условиях длительного вооруженного конфликта. Кроме того, для историков важно изучить методы и практические действия, которые использовало руководство Ирака для поддержания порядка в стране и укрепления своих позиций.

Цель данной работы – рассмотреть внутривнутриполитические преобразования в Ираке в 1980-е годы.

Среди отечественных исследований связанных с анализом ситуации в Ираке в 1980-е годы необходимо отметить работу Е.М. Примакова «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века)» [17], А.П. Криворучко и В.Т. Рощупкиной «Багдадский вождь: взлет и падение... Политический портрет Саддама Хусейна на региональном и глобальном фоне» [9].

Среди зарубежных исследований выделим работу Эрика Дэвиса «Воспоминания о государстве: политика, история и коллективная идентичность в современном Ираке» [15, с.176-199], в которой автор выделяет роль исторической памяти как важной части государственного регулирования от образования до общественной мысли населения.

Также для описания более полной картины внутривнутриполитической жизни страны в 1980-е годы и понимания событий предыдущих лет необходимо ознакомиться, на наш взгляд, с работой историка Фаттаха Халлаха «Краткая история Ирака» [16].

16 июля 1979 года Саддам Хусейн становится президентом. Он осуществляет внутривнутрипартийные чистки и начинает активную внешнюю политику [1]. Это было обусловлено событиями в соседнем Иране. По мнению Саддама Хусейна, для его режима возникла угроза с востока, где могли прокатиться волны восстаний шиитов, вдохновленных идеями исламской революцией.

Лидер Ирака начал реагировать быстро, пытаясь воспользоваться тем, что Иран был ослаблен революционными событиями 1978–1979 годов. Нефтеносные области Хузестана давно привлекали внимание правителей Ирака, еще со времен правления президента Абдель Керим Касема. Однако, до этого времени не было, более удачного и более легитимного момента, чтобы решить вопрос спорных территорий.

20 сентября 1980 года началась ирано-иракская война – одна из самых кровопролитных войн XX века. Историк Эдвард Мортимер отмечает, что к концу 1970-х годов Ирак стал вторым экспортером нефти в мире. Рост экспорта нефти омолодил экономику страны, почти все экономические показатели выросли до беспрецедентного уровня. С 1970 по 1980 год экономика Ирака выросла на 11,7 % [1].

Руководство Ирака заранее готовилось к вооруженному столкновению с Ираном. В Ираке уже действовала всеобщая воинская повинность. Усиленное финансирование армии позволило успешно привлекать в ряды армии большое число иракцев. Кроме того, Народная армия и молодежная организация привлекали все большее число людей в военизированные формирования, созданные режимом. Наконец, Саддам Хусейн учредил Национальную Ассамблею в марте 1980 года, создав первый парламент после свержения монархии в 1958 году. Собрание было символическим фасадом – оно было бессильным, а его члены подвергались проверке со стороны служб безопасности. Однако это должно было создать впечатление народного контроля над правительством, обеспечить еще один символ национального единства и дать Саддаму Хусейну – еще одну трибуну для представления себя в качестве национального лидера [2].

Создание и поддержание этих институтов демонстрировало двойственность политики, которую проводил Саддам Хусейн. Идеологический аппарат подчеркивал важность национальной Ассамблеи, но по факту в ней участвовали люди из всех слоев иракского общества. Существовали и инструменты патронажа, благодаря которым значительное количество людей из разных сообществ могли быть вознаграждены влиятельными должностями, особым доступом к жилью и материальным ресурсам, через их связи с руководством [3, с. 56].

Для тех, кто отказывался от такого покровительства, двери были закрыты, и единственной альтернативой для некоторых было покинуть Ирак. Именно в эти годы исход иракских специалистов и интеллектуалов начал приобретать значительные масштабы. До полумиллиона человек покинули страну к середине 1980-х годов, чтобы продолжить жизнь в других странах, где не было надзора Саддама Хусейна. Иначе говоря, политические институты при ближайшем рассмотрении оказались сетью патрон-клиент, поддерживаемой насилием, применяемым против тех, кто бросал вызов системе [4, с. 226].

В первые годы ирано-иракской войны руководство Ирака приняло меры по стимулированию распределения частного капитала от недвижимости, контрактов, торговли и услуг к легкой и средней промышленности. Были приняты некоторые меры по приватизации, особенно в сельском хозяйстве, в попытке сократить импорт продовольствия, способствовать повышению качества и регулярности поставок, а также расширить поддержку режима среди предпринимательского среднего класса. Однако по мере того, как война переходила в длительную фазу, экономическая ситуация в Ираке неуклонно ухудшалась.

В начале 1980-х годов было приватизировано 47 государственных фабрик по производству продуктов питания, текстиля, строительных материалов, алюминиевых изделий и пластмасс. Еще больше было продано государственных ферм сельскохозяйственным предпринимателям. Профсоюз работников государственного сектора был распущен [5]. Очевидным был рост влияния племенных структур в экономике. В особенности усилилось влияние клана Саддама Хусейна – объединение семей из Тикрита.

Также существовали проекты реконструкции, которые включали в себя памятники «победе» и новые президентские дворцы. Различные усилия по реструктуризации экономики привели к резкому росту цен, а инфляция к 1990 году достигла 45 % [5].

С началом войны между Ираком и Ираном Саддам Хусейн сделал все от него зависящее, чтобы последствия войны не сказывались на населении в целом. Вместо того чтобы сконцентрировать большую часть ресурсов Ирака на военных усилиях и, подобно Ирану, подчеркивать доблесть жертвы, Саддам Хусейн пытался доказать

своему народу, что он может одновременно и вести войну, и поддерживать в стране повседневную деловую атмосферу. Для того чтобы продолжать свои амбициозные планы развития, начатые до войны, он поднял расходы на социальные нужды с 21 млрд. долл. в 1980 году до 29,5 млрд. в 1982 году. Львиная доля этого расширенного бюджета (в 1980 году он составлял всего 19,9 млрд. долл.) тратилась на гражданский нужды, чтобы не допустить дефицита товаров [6].

По итогам такой политики («и пушки, и масло») крупное наступление на востоке Ирака почти не ощущалось в тылу. Напротив, в стране наблюдалось относительное процветание, экономическая активность, к восторгу многочисленных иностранных подрядчиков, особенно западных, находящихся для себя долей в растущей иракской экономике. Строительные проекты всех видов, начатые до войны, быстро осуществлялись, скорыми темпами превращая Багдад в современный город.

Война принесла высокие прибыли для верхушки правительства и приближенных президента Ирака. «Крестный отец» семьи, Хейраллах Тульфех, нажил большое состояние, заставляя землевладельцев продавать ему свою продукцию по бросовым ценам. Хусейн Камель Хасан – муж второй дочери Саддама – Раны приобрел миллионы на сделках по поставкам оружия, а старший сын Саддама Удей использовал свое привилегированное положение, чтобы собирать колоссальные прибыли. По данным лондонского еженедельника «Обсервер», в 1985 году он доставил в страну партию коров из Индии без необходимой санитарной документации, и хотя все коровы оказались больными, и их пришлось уничтожить, он все-таки получил плату за них. Утверждалось, что Удей владеет обширной сетью предприятий, включая национальную мясную компанию, фабрику по производству мороженого и многие производства пищевых продуктов. В 1988 году Удей получил больше 20 млн. долл. в одной сделке, заставив центральный банк продать ему иностранную валюту по официальному курсу и обменяв ее на черном рынке. Его коллекция автомобилей уступала только коллекции его покойного дяди Аднана [6].

С 1984 года военные цели Багдада изменились после ряда неудач на ирано-иракском фронте. Теперь Ирак всячески пытался усадить Иран за стол переговоров [7]. Боевые условия 1982–1984 годов заставили Саддама предоставить большую свободу своим подчиненным и, по большей части, сделали его более восприимчивым к их советам. Тем не менее, политическая лояльность режиму БААС и особенно его лидеру оставалась главным критерием при отборе старших офицеров [8].

С приходом Саддама Хусейна к власти проявилась решимость режима заставить шиитских лидеров Ирака занять позицию повиновения. В то же время самый высокопоставленный муджтахид, аятолла аль-Хои, был помещен под домашний арест в Наджафе. Иракское правительство усилило депортацию иранских шиитов, выслав примерно 40 000 только в течение 1980 года. Их имущество было конфисковано, а во многих случаях продано с аукциона, что фактически сделало других соучастниками их лишения собственности [4, с. 221].

Помимо влияния войны, Саддаму Хусейну пришлось принять во внимание два других фактора. Первым был вопрос о его авторитете как арабского лидера, а второй вытекал из характера его полномочий как главы территориального государства Ирак. По крайней мере, с 1978 года Саддам Хусейн маневрировал, чтобы, позиционировать Ирак под его руководством как ключевое арабское государство. После саммитов 1978 и 1979 годов, а также Кэмп-дэвидского соглашения, в феврале 1980 года последовала публикация Арабской хартии в Багдаде, под которой подписалось большинство государств, участвовавших в багдадских саммитах [9, с. 132].

Опасаясь лояльности местных шиитов, составлявших основную часть призывной армии Ирака, Багдадское правительство на протяжении военных лет поддерживало мощную пропагандистскую кампанию, в которой подчеркивалось «единство всех иракцев и арабская идентичность иракских шиитов» [9, с.133].

Помимо проникновения в культуру и политику, данная установка касалась и образования: иракских детей, как сообщалось, с начальной школы их учили тому, что цивилизация Ирака насчитывает «по меньшей мере 8 000 лет». Студенты университетов обязаны были сдавать курсы истории Ирака, которые начинались с шумеров. Более того, в отличие от конца 1970-х и начала 1980-х годов, когда эта тема звучала только на политическом уровне от Саддама Хусейна, во второй половине 1980-х годов она была подхвачена многочисленными партийными чиновниками на более низких уровнях баасистской иерархии [10]. Этими действиями правительство всячески стремилось заручиться поддержкой иракской интеллигенции

В апреле 1988 года новая скоординированная стратегия иракского верховного командования позволила иракским войскам вернуть полуостров эль-Фау, который с февраля 1986 года был под контролем армии Ирана [11]. В течение следующих месяцев иракские войска перешли в наступление на других участках фронта.

Когда прекращение огня было принято Ираном в июле 1988 года, Саддам Хусейн в одностороннем порядке провозгласил победу Ирака [11]. С его точки зрения, Ирак стал победителем в войне, поскольку он сорвал попытку Ирана свергнуть авторитарный режим багдадского руководства.

Страна пережила напряжение восьмилетней войны, и ее основные фигуры все еще оставались на своих местах. Тем не менее, имели место несколько покушений на Саддама Хусейна и сообщений о заговорах в вооруженных силах.

На наш взгляд, важно отметить три таких инцидента. Первый произошел 8 июля 1982 года, когда неизвестные боевики обстреляли кортеж президента Ирака. Саддам Хусейн чудом остался жив, но в ходе нападения погибли 11 его телохранителей. За это нападение ответили жители селения Эд-Дуджейль – эта деревня располагалась ближе всего к месту покушения. Военные арестовали сотни жителей деревни. 250 из них пропали без вести, полторы тысячи оказались в тюрьме, а 148 человек были расстреляны [9, с.146]. Второе покушение было уже после войны в конце 1988 года. Организация переворота провалилась благодаря системе охраны. Было казнено несколько десятков офицеров, участвовавших в заговоре.

Третий случай произошел на параде в сентябре 1989 года в Багдаде, в котором принимали участие и танковые войска страны. К колонне сумел пристроиться еще один Т-72 без номера с заряженной пушкой. Танк сумел проехать через заслоны, но в последний момент, когда до трибуны, на которой стоял принимавший парад президент Ирака, оставалось всего 50 метров, машину все же остановили. За покушение на главу государства и сорванный парад жизнями заплатились 19 офицеров-заговорщиков [12, с. 583].

Исходя из данных покушений можно заключить, что в некоторых ситуациях Саддаму Хусейну помог тот факт, что иракские вооруженные силы теперь настолько численно возросли, что разнородный офицерский корпус уже не мог легко действовать как единое целое, даже когда некоторым из его членов угрожали.

Используя политику «кнута и пряника», Саддам Хусейн благоволил и продвигал по службе одних, в то время как других понижал в должности и отправлял в отставку. В других случаях старшие офицеры, прославившиеся во время ирано-иракской войны, попадали в «несчастные случаи» со смертельным исходом или были помещены под домашний арест [4, с. 240].

Таким образом, Саддам Хусейн стремился к тому, чтобы разорвать многие связи, образовавшиеся за годы войны, и уничтожить институциональную память, которая могла бы создать угрозу его правлению.

Как, например, отстранение генерала Махера Абд аль-Рашида провинциального происхождения, который был женат на первой дочери Саддама Хусейна. Отставка и убийство брата аль-Рашида, также генерала, который в один момент неожиданно из общественной жизни [12, с.578]. Такие случаи служили примером для других.

В период войны с Ираном сохранились противоречия в рядах иракских курдов. ДПК, которую возглавил сын Мустафы Барзани – Масуд Барзани и ПСК, под руководством Джалаля Талабани по-прежнему враждовали между собой. Вытесняемые с территории Ирана или Турции курдские отряды, зачастую не получали поддержки от местных курдов [13]. Пользуясь этим, а также военным положением в стране, Саддам Хусейн предпринял беспрецедентные меры для подавления курдского освободительного движения. Более подробно вопросы взаимоотношений центральной власти с курдами в данный период были рассмотрены автор в другой статье [14].

Стоит отметить, что в результате операции «аль-Анфаль» погибло более 100 тысяч курдов, а курдское движение как внутривластическая сила и движение к концу 1988 года значительно ослабло.

Как итог, необходимо выделить, что по мере того, как вооруженный конфликт между Ираком и Ираном затягивался, росли расходы страны на военные нужды и учащались случаи покушения на глав правительства – режим становился все более репрессивным, реакционным и непримиримым к своим врагам. Тяжесть войны легла на плечи простых иракцев. Иракская же элита, стоявшая у власти, и военная верхушка страны, наоборот обогащалась. Чтобы не потерять свою власть действия правительства трансформировались в более решительную и радикальную форму, что видно на примере операции «аль-Анфаль», проводимой против курдов на севере Ирака.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mortimer E. The Thief of Baghdad // NY Review of Books. – 1990. – URL: <https://www.nybooks.com/articles/1990/09/27/the-thief-of-baghdad/>
2. Niblock T. Iraq, the contemporary state. – London, England, UK: Croom Helm. 1982. – 310 p.
3. Алиев А.А. «Национальное» и «религиозное» в системе межгосударственных отношений Ирана и Ирака в XX веке. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2006. – 400 с.
4. Charles R.H. Tripp. A history of Iraq // Cambridge, UK; – New York: Cambridge University Press, 2007. – P.252. – URL: <https://archive.org/details/historyiraq00trip>
5. Iraq Since 1986: The Strengthening of Saddam Author(s): Marion Farouk-Sluglett and Peter Sluglett // Middle East Report. – No. 167, On the Edge of War. – Nov. - Dec., 1990 – P. 22.
6. Апдайк Р. Дж. Саддам Хусейн (политическая биография). – М.: Феникс, 1999. – С. 111.
7. Azhary M.L. The Iran – Iraq War: an Historical, Economic, and Political Analysis. – Routledge. 1984. – 144 p.
8. Мишанин А. Ирано-иракская война и обстановка в Персидском заливе // Международная жизнь. – 1987. – №9. – С. 87.
9. Криворучко А. П., Рошупкин В. Т. Багдадский вождь: взлет и падение... Политический портрет Саддама Хусейна на региональном и глобальном фоне. – М.: Проспект, 2008. – 560 с.
10. A Case of Imported Identity: The Modernizing Secular Ruling Elites of Iraq and the Concept of Mesopotamian-Inspired Territorial Nationalism, 1922-1992 Author(s): Amatzia Baram Source: Poetics Today, Vol. 15, No. 2, Cultural Processes in Muslim and Arab Societies: Modern Period II (Summer, 1994). – P. 279-319.
11. Павлов Д.С. Проблемы мирного урегулирования ирано-иракского вооруженного конфликта (1979 - 1988 гг.): по материалам переписки президента Ирака С. Хуссейна и президента Ирана А. Хашеми Рафсанджани // Политэкс. – 2013. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-mirnogo->

- uregulirovaniya-irano-irakskogo-vooruzhennogo-konflikta-1979-1988-gg-po-materialam-perepiski-prezidenta-iraka-s .
12. Степанова Н.В. История Ирака. XX век. – М.: Институт востоковедения РАН, 2016. – 663 с.
  13. David McDowall. A modern history of the kurds. Reprinted in 2007 by I. B. Tauris & Co Ltd 6 Salem Road, London W2 4BU 175 Fifth Avenue. – New York: NY. – P. 290-294.
  14. Разумный В.В., Гречихин К.А. Борьба курдов Ирака за независимость в период ирано-иракской войны (1980-1988 гг.) // Журнал исторических, политологических и международных исследований №4 (79). – 2021. – С. 57-64. – URL: https://donnu.ru/public/journals/files/zhipmi_vol_79.pdf
  15. Davis Eric. Memories of State: Politics, History and Collective Identity in Modern Iraq. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2005. – 409 p.
  16. Fattah Hala. A Brief History of Iraq. – Checkmark Books, 2009. – 318 p.
  17. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). – М.: ИИК «Российская газета», 2006. – 384 с.

Поступила в редакцию: 12.05.2025 г.

INTERNAL POLITICAL TRANSFORMATIONS IN IRAQ IN THE 1980s.

K. A. Grechikhin

The article examines the transformations inside Iraq in the 1980s, as well as the changes that took place within the ruling Baath Party. The paper also analyzes Saddam Hussein's domestic policy and the transformations that his regime has undergone in Iraq. The conclusions compare the internal political situation in Iraq before the Iran-Iraq war and after its conclusion.

Key words: Iraq, Saddam Hussein, the Baath Party, historical memory.

Гречихин Кирилл Александрович
аспирант кафедры всемирной истории
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: grechikhin.kir@mail.ru

Grechikhin Kirill Alexandrovich
postgraduate student of the Department of World History,
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, DPR, RF.
E-mail: grechikhin.kir@mail.ru

ОБСУЖДЕНИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМОЙ СМЕРТИ СТАЛИНА НА СТРАНИЦАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ США В 1948 ГОДУ

© 2025 В. Б. Ищенко¹, В. И. Шабельников²

¹Донбасская национальная академия строительства и архитектуры – филиал ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»

²ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В данной статье представлен анализ реакции американской региональной прессы (штаты Нью-Йорк, Луизиана, Мэриленд, Огайо, Пенсильвания, Арканзас, Техас и Мичиган) на неподтвержденное сообщение о предположительной смерти Сталина. На основе локальных публикаций исследуется, как подобные «сенсации» использовались в рамках антикоммунистической риторики и медиапрактик раннего периода холодной войны. Уделяется внимание взаимосвязи между данной медийной кампанией и политическим климатом «маккартизма». Сделаны выводы о функционировании образа «ослабевшего» противника не только как сенсационного повода для обсуждения, но и как элемента самоподтверждения американской идентичности в условиях глобального конфликта.

Ключевые слова: холодная война, образ врага, Сталин, США, СССР.

Выстраивание образа врага в информационной войне занимает важное место. Особо значимую роль в формировании этого образа играет то, как преподносятся в СМИ лидеры страны-противника. Образ Иосифа Виссарионовича Сталина в американской периодике второй половины 1940-х гг. нельзя назвать однозначным: была еще жива память о союзнических отношениях времен Второй мировой войны. Однако со временем образ недавнего союзника начал вытесняться интересами ведения холодной войны между двумя сверхдержавами.

Актуальность данной работы определяется, прежде всего, стремительно меняющимися событиями современной мировой политики, в которой информационный образ лидеров продолжает играть важную, а иногда и определяющую роль.

Целью исследования является выявление того, как американская региональная пресса использовала слухи о смерти И. В. Сталина в 1948 году для конструирования образа Советского Союза как враждебной и нестабильной системы, и как это отражало медийные стратегии и общественные настроения в США времен начала холодной войны. Данная цель предусматривает следующие задачи:

1. Проанализировать характер и тональность публикаций американской региональной прессы в ответ на слухи о смерти Сталина в январе 1948 года.
2. Выявить доминирующие темы в интерпретации слухов (включая спекуляции о здоровье, возможных преемниках и внутривнутриполитических сценариях в СССР).
3. Оценить функции этих публикаций в контексте медийного дискурса как механизмов интерпретации, а не как формата достоверной передачи информации.

Источниковую базу исследования составляют печатные американские периодические издания различных штатов: газеты «Monroe Morning World», «Kingston Daily Freeman», «Cumberland News», «Marion Star», «New Castle News», «Circleville Herald», «Hope Star» и другие.

Теоретическая база основывается на концепции «друг-враг» немецкого политического философа Карла Шмитта [1], утверждавшего, что политическое общество формируется через противопоставление себя врагу, и на ряде положений

французского социолога Жака Эллюля, описавшего массовую пропаганду как системную и психологически точную практику [2].

Вопрос отражения образа И. В. Сталина в США изучался разными исследователями. Их работы можно разделить на две основные группы: 1) исследования, посвященные изучению информационного пространства периода жизни Сталина и его активной политической деятельности; 2) работы, затрагивающие образ советского лидера уже после его смерти и вплоть до наших дней.

Среди первой категории следует отметить статью В. П. Сапон, содержащую анализ представлений американской прессы об особенностях функционирования советской политической элиты в 1922–1923 гг. и, в частности, о возрастающей политической роли И. Сталина [3]. В работе О. В. Рычковой исследуются материалы ведущих аналитических изданий США по поводу борьбы за власть, развернувшейся в Кремле после смерти Иосифа Сталина в марте — июне 1953 г. Автор делает вывод о том, что американские исследователи при анализе советского фактора не были свободны от стереотипов, а качественных прогнозов было мало [4]. Также с точки зрения комплексности представляет интерес диссертационное исследование М. С. Ковригиной, в котором, помимо всего прочего, раскрывается образ И. В. Сталина в американских СМИ периода холодной войны, в том числе при помощи статистических методов [5].

Вторая группа представлена исследованиями Ф. В. Куликова, который анализирует употребление имени Сталина в текстах американского ежедневного издания «New York Times» 2010-х гг. и приходит к выводу, что оно выполняет функцию ведения политической дискуссии [6]. В коллективной статье И. В. Сулова, Д. С. Артамонова, А. Р. Файзлиева анализируется образ СССР и советских лидеров, в т. ч. Сталина в западных СМИ. Авторы доказывают, что общая эмоциональная тональность повествования о советских вождах в западных медиа является крайне негативной. Акцент в исследовании сделан на недавние публикации (2017–2022 гг.) [7].

В исследовании М. С. Ковригиной отмечает, что годом наиболее частого упоминания имени Сталина в газете «The New York Times» был 1953 год [8]. Несложно предположить, что это было, вероятно, связано со смертью советского лидера, обсуждением его достижений и возможных сценариев политической борьбы внутри советского государства. Однако еще до реальной смерти генерального секретаря тема состояния его здоровья, а также слухи о смерти периодически появлялись на страницах прессы США.

Прежде чем начать приводить в пример ссылки на конкретные заметки в газетах, необходимо подчеркнуть некоторые особенности публикаций, обсуждаемых в данном исследовании: 1) одна и та же новость могла быть опубликована в нескольких изданиях в один и тот же день (либо с небольшой разницей в 1–2 дня); 2) часто у вышеуказанных публикаций мог оказываться один и тот же первоисточник в зарубежной прессе или в прессе федерального уровня; 3) аналитику одного и того же автора можно было встретить в различных региональных изданиях.

Также важно рассмотреть общий контекст времени выхода исследуемых публикаций в США. Усиление антикоммунистических настроений в США в конце 1947 года играет ключевую роль в интерпретации реакции американской прессы на сообщение о предполагаемой смерти Сталина. Начавшаяся в этот период так называемая вторая «красная паника», предвосхитившая эру «маккартизма», сопровождалась ростом подозрительности к левым движениям, ужесточением контроля над государственными служащими и активной работой Комитета по расследованию

антиамериканской деятельности (НУАС), созданного еще в 1938 году. Советская тематика в этом контексте стала не просто внешнеполитическим сюжетом, но и инструментом внутренней мобилизации, маркером лояльности и политической благонадежности. Публикации о возможной смерти Сталина в региональной прессе, несмотря на их спекулятивный и недостоверный характер, вполне укладывались в этот новый «медиапорядок», в котором СССР и его лидеры рассматривались не как далекие фигуры, а как непосредственная угроза американскому образу жизни.

4 января 1948 года газета «Monroe Morning World» (штат Луизиана), ссылаясь на новости из Стокгольма от 3 января, опубликовала заметку «Онколог отправляется в Москву», в которой значилось, что «Доктор Элс Бервен, знаменитый шведский специалист по онкологии, сегодня отправился в Москву после звонка, который его сын назвал «фантастически загадочным». Шведская пресса предположила, что его пациентом мог быть премьер-министр Сталин, но не привела никаких оснований для своих догадок. Советские чиновники оперативно отреагировали и ускорили поездку доктора Бервена. Российское консульство без промедления выдало ему визу, и доктор Бервен улетел на финском самолете в Хельсинки, где должен был пересест на российский самолет» [9].

Продолжила обсуждение газета «Kingston Daily Freeman» (штат Нью-Йорк), 5 января 1948 года опубликовав статью, в которой также значилось, что в Москву была совершена «загадочная поездка» врача, специализировавшегося на лечении рака: «доктор Элис Бервен взял с собой набор специальных инструментов, "потому что он думал, что они могут быть недоступны в России". Ассистент, доктор Свен Хульберг, рассказал: «Он сказал нам, что четверо российских коллег вызвали его на срочную консультацию...». Доктор Бервен ушел в субботу, сказав, что не знает имен своих пациентов. Запросы, направленные в московское бюро Associated Press, не получили ответа. Шведская пресса, не ссылаясь на официальные источники, предположила, что пациентом может быть премьер-министр Сталин» [10].

Газета «Cumberland News» (штат Мэриленд) на следующий день выпустила статью с информацией о предполагаемом параличе у советского лидера. Автор ссылается на бразильского посла Марио Де Пименталь Брандао, который заявил, что «генералиссимус Сталин... по-видимому, страдает от частичного паралича одной стороны тела». Газетные полосы передавали слова посла: «Он поднимался по лестнице мавзолея Ленина во время государственного мероприятия. Он был окружен охранниками, которые помогали ему, но было легко заметить, что ему было трудно идти. Одна рука у него свисала... Он волочил одну ногу, которая, казалось, не выдерживала его вес. Он производил впечатление человека, страдающего частичным параличом одной стороны тела, возможно, в результате инсульта» [11].

По словам Брандао, «в московских дипломатических кругах «ни для кого не секрет», что здоровье 68-летнего советского лидера «шаткое». Он сообщил, что было высказано много предположений о возможном преемнике Сталина, и добавил: «Естественно, всплывает имя Молотова (советского министра иностранных дел), но многие сомневаются, что он станет преемником Сталина. "Самая популярная теория заключается в том, что правительство прочно находится в руках военных, и что один из высших генералов или группа генералов будут управлять страной после смерти Сталина"» [11].

Один из заголовков газеты «Marion Star» (штат Огайо) от 8 января 1948 года сразу предупреждал, что распространившаяся информация о смерти Сталина все-таки слух: «Две бернские газеты предположили сегодня, что премьер-министр Сталин мертв,

советский представитель в Лондоне заявил, что эти слухи беспочвенны. «Der Bun» озаглавил заметку «Сталин умер?» в одном издании, но позже изменил название на «О Сталине». Как об этом стало известно, было неясно, однако ни у одной бернской газеты нет московского корреспондента. Социалистическая газета "Berner Tagwacht" использовала заголовок «Сталин умер?». В нем говорилось: "Очевидно, сообщение о смерти Сталина было подкреплено достоверностью предыдущих сообщений о том, что Сталин был болен, что он ходил на костылях, и что в Москву были вызваны два специалиста по лечению рака. Некоторые из этих сообщений можно было отнести к "принятию желаемого за действительное"». После пересказа вышеупомянутой истории от посла Марио Де Пименталь Брандао, в статье указывается, что этот посол покинул Москву еще в ноябре, в то время как люди, видевшие Сталина в прошлом месяце, то есть декабре, сказали, что «он загорел после отпуска на юге России и выглядел здоровым» [12].

«Circleville Herald» (штат Огайо), вышедшая также 8 января, дополнила существующую информацию: «Представитель советского посольства сегодня категорически опроверг неподтвержденные слухи, дошедшие до британского информационного агентства «Reuters» из Швейцарии, о том, что Иосиф Сталин умер. Советский представитель Павлов сказал: "Нет абсолютно никаких оснований утверждать, что Сталин болен или мертв". Павлов хорошо знаком с европейскими коллегами, был личным переводчиком Сталина и министра иностранных дел Молотова в Кремле. Единственным источником, указанным в сообщении, распространенном агентством «Reuters», была статья, которая, как утверждалось, была опубликована в швейцарской газете «Berner Tagwacht»» [13]. Подобного рода информация с опровержением была размещена также в газете «New Castle News» (штат Пенсильвания) и в изданиях других штатов [14].

Упомянутая в начале газета «Kingston Daily Freeman» от 8 января уже внесла пояснения к громким заголовкам прошлых дней, добавив, что «на прошлой неделе шведская пресса, не ссылаясь ни на какие авторитетные источники, предположила, что у Сталина был рак». В статье также упомянули опровержение советским посольством и информационным агентством ТАСС слухов о смерти Сталина [15].

Газета «Hope Star» (штат Арканзас) от 9 января сетует, что слухи о смерти Сталина «слегка утомляют читателей американских газет». Далее приводится аргумент о том, что реальная смерть лидера такого уровня не могла бы пройти незамеченной: «...Все довоенные истории о смерти Гитлера и предполагаемом "двойнике", занявшем его место в Германии, оказались абсолютной ложью. И вы можете быть уверены, что если глава России... действительно умрет, вы узнаете об этом сразу и достоверным образом. Главы правительств, в сущности, тоже люди, и в последний час своей жизни они заслуживают получить должное воздание чести» [16].

Интересно отметить употребление имен Сталина и Гитлера рядом, такая попытка представить в ложном виде образ врага часто использовалось американскими СМИ времен холодной войны. Однако конкретно в этой публикации данная тема дальнейшего развития (в виде, например, сравнения и аналогий, наложения ответственности за развязывание мировой войны и т. д.) не получила.

12 января газета «Pottstown Mercury» (штат Пенсильвания) публикует слова того самого врача, отправившегося в Москву: «Шведский онколог, приехавший в Москву по особому делу, сказал сегодня, что его пациент не был премьер-министром Сталиным. «Я могу категорически утверждать, что это был не Сталин». Согласно достоверным

источникам, Сталин находится в добром здравии и занимается своими привычными делами» [17].

Днем позже, как и в вышеупомянутой публикации, техасская газета «Corsicana Semi Weekly Light» пишет, что слухи о состоянии здоровья Сталина периодически возникают в прессе и снова исчезают [18]. А в конце месяца мичиганская газета «Escanaba Daily Press» опубликовала фотографию того самого доктора Бervена, вокруг чьего визита в Москву возникло столько манипуляций и информационного шума [19].

Слухи о смерти стали некоторым толчком для построения теорий о возможном «преемнике» Сталина. Газета «New Castle News» от 10 января предполагает, что таковыми могли стать Андрей Жданов, Вячеслав Молотов, Николай Булганин, Лазарь Каганович или Анастас Микоян. Однако автор публикации отмечает, что «Сталин внимательно следил за тем, чтобы ни один из них не стал национальным героем, хотя бы отдаленно напоминающим его самого» [20].

Уже упомянутая «Marion Star» будущую политическую борьбу представляла следующим образом: «Молотов станет официальным наследником Сталина, унаследовав внешние атрибуты лидера советского государства. Берия же будет контролировать МВД – измененную, но неизменную тайную полицию. Вероятно, будет несколько перестановок и комбинаций: сначала трое против одного, потом один против двух и так далее. И в конце концов безжалостный закон выживания наиболее приспособленных выберет для Советского Союза нового единоличного правителя» [21].

В американской прессе можно встретить различные способы назвать Сталина: от относительно нейтральных или ироничных формулировок (премьер-министр, генералиссимус, маршалл) до негативно окрашенных (диктатор). Однако в представленной в данной статье выборке нейтральный тон «регалий» несколько преобладает. Связано это в том числе с тем, что тип самих статей не был аналитическим, не предлагал субъективную позицию какого-либо конкретного автора, а просто оповещал о каком-либо событии. Такие заметки часто выглядели шаблонно. Да и обсуждать официально неподтвержденную смерть советского лидера с издевкой или злорадствованием, особенно, в первые дни такого известия, не всегда могло быть уместным даже для «желтой прессы».

Новый месяц принес на страницы американских газет очередные сенсационные вести о состоянии здоровья советского лидера. «New Castle News» 10 февраля, ссылаясь на «хорошо информированные российские источники в Вене», сообщили, что «генералиссимус Джозеф Сталин проходит курс омоложения, разработанный советским ученым, считающим, что нормальная продолжительность жизни может быть увеличена до 150 лет. Эти источники сообщили, что 69-летнему советскому диктатору делают «инъекции долголетия» по программе, разработанной профессором Алесандром Богомольцем». Там же говорилось, что «Сталин проходил курс лечения во время продолжительного отпуска на курорте Сочи на Черном море, страдал от астмы и высокого кровяного давления, вызванных атеросклерозом» [22].

Как и почти все предыдущие, эта новость занимала первую страницу, что говорит о важности освещения такого рода событий. В условиях стремительно разворачивающейся холодной войны образ советского лидера играл ключевую роль в информационном противостоянии.

При этом следует подчеркнуть двойственность, с которой американская региональная пресса конструировала образ Сталина в условиях начавшейся холодной войны. С одной стороны, Сталин изображался как типичный диктатор, чье существование оправдывало мобилизацию внутренней сплоченности и жесткое

внешнеполитическое позиционирование. Акцент на его «диктаторских полномочиях» выступал в роли своеобразного «морального триггера», позволяющего американскому обществу объединяться вокруг идеи демократии и свободы, находящихся под угрозой. Чем чудовищнее становился Сталин в газетной риторике, тем более героическим и необходимым казалось сопротивление его политической системе.

Однако в этой информационной стратегии существовал и противоположный импульс. Каждая предполагаемая слабость, каждый слух о болезни, разладе в советской элите или, как в случае с вышерассмотренными публикациями 1948 года, даже неподтвержденное известие о смерти Сталина, мгновенно превращались в объект медийного триумфа. Эти эпизоды позволяли аудитории переживать символическую победу над врагом без необходимости вступления в реальное военное столкновение. Подобная двусоставность – демонстрация одновременно силы и уязвимости врага — делает медийный образ Сталина не просто элементом пропаганды, но и частью глубокой психологической и культурной «переработки» Холодной войны на уровне массового восприятия.

Немецкий политический философ и юрист Карл Шмитт, упомянутый выше, был теоретиком концепции «друг – враг» как основной категории политического мышления («Понятие политического», 1932). Он утверждал, что политическое сообщество конституируется через противопоставление себя врагу, а без образа врага не существует единства внутри группы [23].

Использование фигуры Сталина как врага в ярко демонизированной, но и унижаемой форме соответствует логике дихотомии Шмитта. Сталин нужен был не только для мобилизации, но и для самоопределения: в зеркале «сталинизма» региональная Америка 1948 года подтверждала свое моральное, политическое и цивилизационное превосходство.

Найти развитие этой двойственности можно у также упомянутого в начале французского социолога Жака Эллюля, который был одним из первых, кто всерьез описал массовую пропаганду как системную и психологически точную практику. В своем исследовании он подчеркивал, что пропаганда ориентирована преимущественно на эмоциональное восприятие и нуждается в постоянной репродукции внушаемых суждений через различные по тональности и форме эмоциональные сообщения. Пропаганда стремится к определенному балансу, удерживая аудиторию в напряженном состоянии, но при этом периодически снижая тревогу [24].

Поэтому региональная пресса, подхватив слух о смерти Сталина, не только следовала логике «газетных сенсаций», но и выполняла функции, описанные Эллюлем: создавая короткий эпизод мнимой победы над врагом. Она временно снижала тревожный градус у массового читателя, одновременно усиливая чувство собственного превосходства и «правильности» американской системы.

Фигура советского лидера выполняла в американской прессе двойную функцию: во-первых, удерживала напряженность и страх, необходимые для внутренней мобилизации, во-вторых, служила своеобразным «каналом» для снятия этой тревоги через акты символического «фразоружения» врага. Этот дуализм, по сути, формировал особую мифологию противника: всегда опасного, но в подходящий момент неизбежно обреченного на поражение.

Анализ реакции американской региональной прессы на сообщение о предполагаемой смерти И. В. Сталина в начале 1948 года позволяет сделать ряд важнейших наблюдений, раскрывающих специфику восприятия СССР в США послевоенного периода.

Во-первых, сам факт тиражирования неподтвержденной информации из зарубежных источников свидетельствует о повышенном внимании к советской тематике в американском медийном пространстве тех лет. Даже региональные издания, в которых значительное место отводилось «внутренней» повестке, откликнулись на слухи, что подчеркивает символический вес фигуры Сталина в тогдашнем американском общественном представлении.

Во-вторых, характер публикаций: спекуляции на тему здоровья Сталина, обсуждение возможных преемников, анализ потенциальных сценариев внутри советской элиты указывает на не столько информативный, сколько экстраполяционно-прогностический интерес. Тем самым пресса выступала не как источник достоверной информации, а как интерпретатор и создатель образа «вражеской иерархии» в состоянии кризиса. Подобные нарративы усиливали представление о Советском Союзе как о закрытой, потенциально нестабильной системе, подверженной внутренним катаклизмам из-за особой значимости личностного фактора во власти.

В-третьих, стремительное угасание интереса к теме после ее опровержения демонстрирует механизмы краткосрочного «медийного обострения», характерного для «желтой» прессы. Отсутствие последующей длительной рефлексии или анализа свидетельствует о том, что подобные слухи функционировали скорее как сиюминутные катализаторы общественных эмоций, нежели как долгосрочные политические сигналы.

Таким образом, эпизод 1948 года с ложным сообщением о смерти Сталина можно рассматривать как симптом более широких процессов: формирования мифологизированного образа врага, воспроизводства слуховой политики в условиях холодной войны, а также использования советской тематики для мобилизации внимания аудитории.

Мифологизация смерти Сталина в газетах не столько сообщала о событиях «за океаном», сколько отвечала на внутренний социальный запрос: требование ощущения контроля над неопределенным и опасным противником. Таким образом, данная газетная кампания может быть прочитана даже как часть своеобразной психологической «медийной обороны», обслуживающей коллективную потребность в «простых ответах» на сложные внешнеполитические вопросы, возникшие перед американским обществом в конце 1940-х годов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шмитт. К. Понятие политического; пер. с нем. // Социология власти. – 2011. – № 8. – С. 174-189.
2. Ellul J. Propaganda; the formation of men's attitudes; translated from the French by K. Kellen and J. Lerner. – New York: Vintage Books, 1973. – 320 p.
3. Сапон В. П. «The mystery man of communism»: И. В. Сталин в освещении американской прессы 1920–1923 гг. // Диалог со временем. – 2018. – Вып. 64. – С. 48-56.
4. Рычкова О. В. «Кремлевские баталии» в оценках американских аналитических изданий, март - июнь 1953 г. // Вестник Вятского государственного университета. – 2017. – № 11. – С. 105-115.
5. Ковригина М. С. Особенности отражения образов России в прессе США в период холодной войны (1946–1991): дис. ... канд. филол. наук. 10.01.10. – ФГАОУ ВО «РУДН», Москва, 2020. – 272 с.
6. Куликов Ф. В. Имя «Сталин» в англоязычном политическом дискурсе (на материалах ежедневной американской газеты «New York Times») // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2012. – № 4. – С. 338-343.
7. Суслов И. В. Советские вожди в западном медиапространстве / И. В. Суслов, Д. С. Артамонов, А. Р. Файзлиев // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. – № 9. – С. 143-162.
8. Ковригина М. С. Особенности отражения образов России в прессе США в период холодной войны (1946–1991): дис. ... канд. филол. наук. 10.01.10. – ФГАОУ ВО «РУДН», Москва, 2020. – С. 137.
9. Monroe Morning World. – Jan. 4. – 1948. – P. 1.
10. Kingston Daily Freeman. – Jan. 5. – 1948. – P. 11.

11. Cumberland News. – Jan. 6. – 1948. – P. 1.
12. Marion Star. – Jan. 8. – 1948. – P. 1.
13. Circleville Herald. – Jan. 8. – 1948. – P. 1-2.
14. New Castle News. – Jan. 8. – 1948. – P. 1.
15. Kingston Daily Freeman. – Jan. 8. – 1948. – P. 1.
16. Hope Star. – Jan. 9. – 1948. – P. 1.
17. Pottstown Mercury. – Jan. 12. – 1948. – P. 2.
18. Corsicana Semi Weekly Light. – Jan. 13. – 1948. – P. 1.
19. Escanaba Daily Press. – Jan. 30. – 1948. – P. 9.
20. New Castle News. – Jan. 10. – 1948. – P. 1.
21. Marion Star. – Jan. 12. – 1948. – P. 6.
22. New Castle News. – Feb. 10. – 1948. – P. 1.
23. Шмитт., К. Понятие политического; пер. с нем. // Социология власти. – 2011. – № 8. – С. 175-180.
24. Ellul J. Propaganda; the formation of men's attitudes; translated from the French by K. Kellen and J. Lerner. – New York: Vintage Books, 1973. – P. 188.

Поступила в редакцию 16.06.2025 г.

DISCUSSION OF STALIN'S ALLEGED DEATH IN THE U.S. REGIONAL PRESS IN 1948

V. B. Ishchenko, V. I. Shabelnikov

The article analyzes how the American regional press (including newspapers from New York, Louisiana, Maryland, Ohio, Pennsylvania, Arkansas, Texas, Michigan) reacted to an unconfirmed report about the supposed death of Joseph Stalin. Using local publications as sources, the study examines how such "sensational" news was used within the anti-communist rhetoric and media practices of the early Cold War. Special attention is given to the connection between this media story and the political atmosphere of early McCarthyism. The article concludes that the image of a "weakened" enemy served not only as a newsworthy topic but also as a tool for reinforcing American identity in the context of global confrontation.

Key words: Cold War, enemy image, Stalin, USA, USSR

Ищенко Валентина Борисовна

Старший преподаватель кафедры истории и философии,
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры – филиал ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»,
г. Макеевка, ДНР, РФ.
E-mail: v.b.ischenko@donnasa.ru

Ishchenko Valentina Borisovna

Assistant of the Department of History and Philosophy,
Donbass National Academy of Civil Engineering and Architecture,
Makeyevka, DPR, RF.
E-mail: v.b.ischenko@donnasa.ru

Шабельников Виктор Ильич

Доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: shabelnikov36@mail.ru

Shabelnikov Viktor Ilyich

Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of Russian History,
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, DPR, RF.
E-mail: shabelnikov36@mail.ru

ПРОБЛЕМА ЛОКАЛЬНЫХ ОТЛИЧИЙ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

© 2025 А. В. Колесник¹, А. Ю. Данильченко², М. Т. Левченко¹

¹ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

²ГБУК РО «Народный военно-исторический музейный комплекс Великой
Отечественной войны «Самбекские высоты»

Проблема культурных отличий в среднем палеолите относится к числу наиболее сложных в науке о палеолите, так как касается интерпретации классификационных понятий. Большое влияние на культурную таксономию оказывает актуальная базовая теория палеолита. В истории вопроса последовательно менялись взгляды ученых на культурные отличия в зависимости от понимания эволюции в развитии древних технологий, адаптации к природно-климатическим процессам, популяционной динамики.

Ключевые слова: средний палеолит, Восточная Европа, микок, культурные отличия, технология расщепления камня.

Введение. Средний палеолит Восточной Европы как составной части Северной Евразии – важный этап в развитии человечества, систем расселения и землепользования, культурной и хозяйственной адаптации, технологий расщепления камня. Это было время широкого расселения близкородственных популяций денисовцев и неандертальцев, распространения технологий изготовления каменных орудий из различных сколов, дальнейшего развития пищевых и поселенческих стратегий, время появления идеологии и первых погребений. Согласно последним данным, средний палеолит развивался в пределах МИС¹ 8-7 – начала МИС 3. Происхождение людей среднего палеолита от неоднородных предковых форм и сложная последующая популяционная динамика, адаптация к различным природно-климатическим факторам и сырьевой базе обусловили разнообразие технологий расщепления камня и стилистики орудий труда. Проблема культурных отличий в среднем палеолите пережила несколько этапов развития с момента становления в 1920–е гг.

Цель настоящей статьи – краткий анализ проблемы культурных отличий среднего палеолита Восточной Европы.

Эволюция культурной таксономии среднего палеолита. В истории вопроса культурные отличия эпохи палеолита воспринимались либо как локальные, либо как стадийные проявления эволюции материальной культуры древнего человека. Локальные отличия отражают популяционные, этнографические, неповторимые особенности культуры, частные проявления эволюции норм поведения древнего человека в материальной сфере, разнообразие форм культурной адаптации. Стадийные отличия отражают происходящие во времени системные пороговые изменения технологической и культурной основы жизни древнего человека, с относительным культурным единством внутри стадии, причем на разных территориях стадии развития могут не совпадать, т.е. стадии могут иметь асинхронное проявление. Основным источником для определения культурных отличий в раннем и среднем

¹ МИС – морская изотопная стадия

палеолите служат преимущественно технико-типологические особенности каменных индустрий, в позднем палеолите – особенности всего комплекса материальной культуры, включая каменные и костяные изделия, объекты искусства, остатки домостроений и пр. Весьма важные для культурной атрибуции комплексов стилистические особенности палеолита связаны с выбором техники расщепления камня и манеры оформления орудий, фактически с культурной нормой поведения в сфере материального производства. Рассмотрим основные концепции культурных отличий среднего палеолита Восточной Европы в ретроспективном плане.

Концепция стадияльного развития общества палеолита П.П. Ефименко. Популярная в 1920-е гг. в советской марксистской идеологии теория стадияльного развития общества была системно применена по отношению к раннему первобытному времени П.П. Ефименко. Концепция стадияльного развития является дальнейшим развитием концепции эволюционного развития древнейшего общества [1]. В своих классических произведениях по истории первобытного общества П.П. Ефименко выделял две стадии в его развитии – дородовое и родовое общество [2], или первобытное стадо и первобытную родовую общину [3]. В рамках первобытного стада выделялись эпохи (шелль, ашель и мустье), с явной отсылкой к периодизации Г. де Мортилье, с унифицированной характеристикой каменных изделий в рамках периодов. Стадия родового общества была разделена на три фазы – ориньяко-солютрейскую, с оседлым населением охотников на мамонтов, позднесолютрейско-мадленскую, с охотниками-номадами на северных оленей, и азильско-тарденуазскую, «когда охотничье хозяйство верхнепалеолитического общества приходит в заметный упадок» [3, с. 328-329]. Выделенные по социологическим критериям фазы могли делиться на времена (периоды), в зависимости от степени развития той или иной техники, но культурные отличия считались проявлением эволюции технологии изготовления каменных и костяных орудий труда. В связи со стоянками типа Микок П.П. Ефименко признавал множественность типов каменного инвентаря, начиная с позднеашельского времени, отмечал, что «их формы, разнообразие последних» зависели от тонкого мастерства «в обработке кремня, которое в последующее время во многих случаях заметно падает в связи с переходом к иным приемам ... использования кремня [3, с. 180].

Развитие взглядов от «микока» к «мустье с ашельской традицией». Пожалуй, открытие стоянки Ля Микок у слияния рек Дордони и Везера во Франции, стало первой предпосылкой понимания культурного многообразия конца ашеля и среднего палеолита Северной Евразии. Стоянка Ля Микок (la Micoque) попала в поле зрения французских исследователей в 1895 г. и неоднократно раскапывалась на протяжении ряда лет Л. Капитаном, Д. Шове, Д. Пейрони и др. [4; 5; 6; 7]. Культурное значение и датировки микока длительное время определялись неоднозначно – от особой фации позднего ашеля до особой фации мустье с ашельской традицией. Микокские памятники определялись как комплексы мустье с ашельской традицией вплоть до 1960-х гг. Само понятие «мустье с ашельской традицией» было введено в научный оборот Д. Пейрони для обозначения индустрий с двусторонне обработанными орудиями во Франции [8]. Эволюция взглядов на микокскую проблематику в 1920–1930-е гг. в Западной Европе проанализирована в обстоятельном исследовании Д. Фрика [9]. Г.А. Бонч-Осмоловский сопоставлял с центральноевропейским микокком многочисленные памятники Крыма и Северного Кавказа: Киик-Кобу (верхний слой), Волчий Грот, Чокурчу, Аджи-Кобу, Ильская [10; 11]. При датировке верхнего слоя грота Киик-Коба верхним ашелом сказалась традиционная датировка таким временем верхнего слоя грота Ля Микок. Г.А.

Бонч-Осмоловский неоднократно подчеркивал, что определение возраста слоев Киик-Кобы основывается исключительно на археологических данных [12, с. 149]. С.Н. Замятнин памятники Крыма и Северного Кавказа, имеющие отношение к микоку, определил как памятники специфического «восточного мустье» [13, с. 292-293], фактически открыв дорогу приставке «восточный» к многочисленным в последующем определениям культурных феноменов палеолита Восточной Европы. Г.А. Бонч-Осмоловский и С.Н. Замятнин считали сходство памятников Западной, Центральной и Восточной Европы следствием конвергентного развития культуры, как тогда было принято в теории эволюционной стадиальности, а не миграциями населения [14, с. 4]. В этом плане интересна позиция П.И. Борисковского, который поздний ашель и мустье с ашельской традицией включил во вторую стадию древнего палеолита, предшествующую третьей стадии («настоящее мустье») [15], т.е. микок рассматривался им как стадиальная форма раннего палеолита.

Концепция локальных отличий в палеолите С.Н. Замятнина. Поворотным этапом в понимании культурного многообразия в палеолите в советской литературе стало исследование С.Н. Замятнина, который применил формулировку «локальные отличия» и отметил, что они появляются только в позднем палеолите, в раннем палеолите имела место единая культура ископаемого человека [16]. В данном исследовании, во-первых, был определен предмет локальных отличий, во-вторых, был применен принцип историзма – установлено предположительное время существования позднего палеолита. Локальные отличия каменных индустрий впервые признавались как феномен культуры палеолита Восточной Европы. С.Н. Замятниным впервые были четко выделены три крупнейшие культурных зоны палеолита Старого Света.

Концепция бинарной культурной оппозиции мустьерского времени А.А. Формозова. Первая попытка выделения в мустье Европейской части СССР памятников двух культурных типов была предпринята А.А. Формозовым. Им было предложено разделение среднепалеолитических индустрий по наличию двусторонне обработанных изделий на мустье с ашельской традицией, и мустье типичное без двусторонне обработанных орудий [17, с.115-123]. Фактически первая группа индустрии среднего палеолита включает комплексы со значительным удельным весом двусторонне обработанных орудий листовидной и клиновидной формы. Вторая группа индустрий более вариативна по технико-типологическим критериям, состоит из т.н. «леваллуа-мустьерских» комплексов с преимущественно односторонне обработанными орудиями. Это был первый удачный опыт определения культурной вариативности среднего палеолита Восточной Европы, который не потерял своего значения до нашего времени. Концепция уточнялась А.А. Формозовым неоднократно [18; 19]. Концепция хорошо согласуется с общей направленностью палеолитоведения Европы 1950-х гг. на поиск многообразия форм культуры в палеолите, определение границ между стадиальностью и локальностью. Работы в этом направлении были завершены Ф. Бордом в 1961 г.

Следует сказать, что 1960-е гг. были очень продуктивными в плане создания новых типологий орудий среднего палеолита и схем локальных отличий. Акцентируем внимание на взгляды Ф. Борда, Г. Бозинского, Г.П. Григорьева, В.Н. Гладилина, В.П. Любина по данному вопросу.

Концепция вариантов и типов индустрий мустье Ф. Борда. Широко известная концепция вариантов среднего палеолита Западной Европы была разработана Ф. Бордом на основании типо-листа и статистики, выраженной в кумулятивных графиках [20]. Было установлено значительное разнообразие каменных индустрий по технико-типологическим критериям. Схема основывалась на базе статистического

анализа французских материалов четырех вариантов и типов индустрий – мустье с ашельской традицией (типы А и В), мустье шарантское (типы Кина и Ферраси), мустье типичное и мустье зубчатое. По схеме Ф. Борда, среднепалеолитические индустрии с бифасами микокских типов предполагалось анализировать в рамках мустье с ашельской традицией. Позже схема дополнилась другими вариантами среднего палеолита, характерными для средиземноморской зоны Европы. Взгляды Ф. Борда на культурные отличия среднего палеолита последовательно развивал В.П. Любин, который, вместе с тем, критически воспринимал универсальность выделенных вариантов мустье за пределами Западной и Центральной Европы [21].

Концепция «инвентарных типов» среднего палеолита, или «восточного микок». Существенное влияние на понимание культурного своеобразия каменных индустрий среднего палеолита Восточной Европы оказали взгляды Г. Бозинского. Его схема основана на типологии особых клиновидных ножей с двусторонней обработкой, которые не были включены в типо-лист Ф. Борда [22]; «инвентарные типы» выделялись по ведущим типам клиновидных орудий. Микок предлагалось понимать как самостоятельное явление в среднем палеолите Центральной Европы, не связанное с мустье или его вариантами—Определение «восточный» означало географическую привязку. К руководящим типам бифасов относятся разные типы обушковых двусторонне обработанных клиновидных ножей (Keilmesser). Типологии этих изделий вплоть до настоящего времени уделяется особое внимание [23–33].

Концепция синстадиальности, или «путей развития» Г.П. Григорьева. «Пути развития» – своеобразные разновидности среднего палеолита Европы. Выделялись шесть «путей развития» – леваллуазский, типичный, зубчатый, понтийский, бокштайнский и прондницкий, которые отчасти сопоставлялись с мустьерскими «культурами». Концепция синстадиальности первоначально означала отход от понимания стадиальности развития культуры, «путей развития», по Григорьеву, обусловлены не степенью генетического родства, а *экстерриториальным конвергентным развитием индустрий* [34–37]. Синстадиальность – параллельное сосуществование на определенном этапе индустрий и их групп со сходными чертами.

Вначале Г.П. Григорьев определял сходство внутри «путей» по типам орудий, позже – по «сопряженным группам орудия», т.е. объединение носило формальный характер. Исследователь отрицал наличие типов каменных изделий, в традиционном понимании, в мустьерскую эпоху. В 1970-е гг. локальные варианты культурного ранга выделялись с ашельского времени, в частности, к разновидностям относились северный ашель, южный ашель, ашель с чопперами [38], по сопряженным группам орудий мустье делилось на европейско-переднеазиатское и азиатское [39]. Взгляды Г.П. Григорьева в большей степени касались проблем происхождения и характеристики культур верхнего палеолита, и, в конечном итоге, исследователь вернулся к стадиальной модели развития всего палеолита, к признанию археологических культур верхнего палеолита только в западной части Европы [40].

Концепция культур среднего палеолита (мустьерских культур). Определенное место в номенклатуре культурных отличий памятников среднего палеолита в 1970-1980-е гг. занимала концепция *археологических культур*. Сама идея «мустьерских культур» восходит к воззрениям Ф. Борда, но в концепции вариантов среднего палеолита образца 1961 г. признаки археологической культуры применимы только к памятникам мустье типа Кина. Теория была разработана А.Н. Рогачевым для изучения культурного своеобразия верхнего палеолита Восточной Европы и Сибири. В многочисленных исследованиях археологические культуры верхнего палеолита

понимались и как формальные, и как этнографические единства. В перечне культур Восточной Европы образца 1980-х гг. в Донбассе, Северо-Восточном Приазовье и на Нижнем Дону были локализованы «стрелецкая», «амвросиевская», «мураловская» и «каменнобалковская» культуры, существовавшие на протяжении трех выделенных этапов позднего палеолита. В это же время выделяются мустьерские археологические культуры – «стинковская», [41] «антоновская», «хостинская» [42], «аккайская» [43] и др. В последующем концепция мустьерских археологических культур получила ограниченное хождение в научной литературе. Близкое к понятию «культура» в мустьерское время понятие «линия развития» отражает общность происхождения, культурную диффузию в условиях длительного проживания популяций на одной территории [44]. Под археологической культурой в палеолите понимается группа синхронных индустрий с близкими технико-типологическими характеристиками.

Взгляды Н.Д. Праслова на культурные отличия мустьерских индустрий развивались на протяжении 1960-1980-х гг. В 1960-е гг. исследователь в качестве признаков культурных отличий отмечал микролитизм индустрий и наличие специфических типов орудий с вторичной обработкой. Так, в микролитической индустрии стоянки Рожок I в качестве культуροопределяющих признаков отмечались специфические проколки с оформленным жалцем, скребки и орудия, выполнявшие функцию резцов [45, с. 92]. В 1980-е гг. утвердилась точка зрения на классификацию культур, в выделении которых «...огромную роль будут играть специфические типы орудий, которые несут в себе большую информацию этнографического характера» [46, с. 103].

Концепция локальных отличий В.Н. Гладилина. В 1960-е гг. начала формироваться типология орудий и схема локальных отличий раннего палеолита В.Н. Гладилина, основанная на трех критериях: баланса приемов первичного расщепления, размерах орудий, наличия-отсутствия двусторонней обработки [47]. В 1970-е гг. схема локальных отличий в раннем палеолите Восточной Европы учитывала такие критерии: «1) размеры орудий, 2) степень применения техники двусторонней обработки, 3) удельный вес зубчатых и выемчатых форм» [48, с. 96]. Трехступенчатая схема критериев выделения иерархически соподчиненных категорий общностей мустье сохраняется в 1980-е гг. [49]. Группировки вариантов и типов индустрий менялись во времени. В редакции 1971 г. выделялись варианты тейякский, мустье с ашельской традицией, леваллуа-мустье, леваллуа-мустье с ашельской традицией, признавались «мустьерские культуры» [50, с. 35-37].

Редакция 1976 г.: варианты мустье и микромустье двустороннего, обыкновенного, зубчатого и зубчато-двустороннего [48, с. 97-106]. Редакция 1985 г., для территории Украины: вариант мустье двустороннее с восточномикокской и бокштайнской фациями и типами индустрий внутри них; вариант мустье обыкновенное с карпатской и шубаюкской фациями и типами внутри них; вариант мустье зубчатое с шипкинской фацией; вариант микромустье двустороннее с киик-кобинской фацией и типами индустрий; вариант микромустье обыкновенное с чокурчинской фацией и типами индустрий; вариант микромустье зубчатое с тейякской фацией и типом индустрии; вариант микромустье зубчато-двустороннее со стинковской фацией и типом индустрии [51, с. 49-54]. Последовательное применение схемы локальных отличий раннего и среднего палеолита В.Н. Гладилина характерно для украинских авторов [52, с.117-142].

В 1980-2000-е гг. на базе различных методов группировки индустрий, в целом, было установлено их разнообразие, набирает обороты тенденция к анализу отдельных

региональных вариантов индустрий различных технокомплексов внутри среднепалеолитической стадии развития технологий расщепления камня. Признано, что концепции локальности и стадиальности взаимно дополняют друг друга [53].

*Концепция подразделений среднего палеолита Среднего Приднестровья*² признает сосуществование и независимое параллельное развитие вариантов мустье типичное и мустье зубчатое. Фактически это региональная версия концепции бинарной культурной оппозиции, одна из ветвей которой (стинковско-дуруиторское единство) демонстрирует беспрецедентную линейную последовательность развития от раннего палеолита к позднему палеолиту [54]. Выделение специфического локального стинковско-дуруиторского единства основано на оригинальной методике с учетом варибельности многочисленных зубчатых изделий, орудий с двусторонней обработкой, коэффициента массивности сколов. Леваллуа-мустьерская индустрия типа Молодова [55], с учетом открытий в Подолии [56], вполне соответствует стандартной технико-типологической модели варианта мустье типичное. Две группы памятников (мустье типичное и мустье зубчатое) контрастно отличаются абсолютно по всем показателям.

Метаморфозы концепции «восточного микока». Концепция прошла диалектически обусловленный путь развития [57]. Это путь от узкого понимания термина в качестве географического определения специфических индустрий Центральной и Восточной Европы в рамках концепции «инвентарных типов» к широкому пониманию термина в качестве концепции развития особого варианта среднего палеолита Северной Евразии. В 1990-е гг. термин «восточный микок» стал трактоваться максимально широко, в круг этих памятников включались практически все индустрии, содержание в своем наборе орудия с двусторонней обработкой [57; 58; 59]. Установлено, что памятники этого культурного типа протянулись широкой полосой от атлантического побережья Западной Европы до Волги [60; 61] и Северного Кавказа [62]. Внутри этой полосы памятники группируются в различные по размерам скопления. Хронологический диапазон «восточного микока» Донбасса и Северо-Восточного Приазовья – в пределах МИС 7-8 – начало МИС 3 [63]. На основании изучения моляра из горизонта 4 стоянки Рожок I А.В. Зубова приходит к выводу: «о том, что все восточномикокские находки, включая Рожок I, относятся к одной метапопуляции, состав которой формировался по мере продвижения носителей микокских традиций из восточной Европы в Сибирь» [64, с.142]. В рамках восточно-микокского технокомплекса наметилось выделение нескольких вариантов, не совпадающих с классическими «инвентарными типами».

*Концепция технокомплексов среднего палеолита*³ последовательно применяется по отношению к материалам Восточной Европы сравнительно недавно [65]. Технокомплексы объединяют близкие по технико-типологической структуре индустрии, для регионов Восточной Европы актуально деление на восточно-микокские, леваллуа-мустьерские и пластинчатые комплексы. В основе их группировки могут лежать как типы адаптации к условиям окружающей среды [66], так и общность

² Региональные модели развития палеолита в настоящем очерке специально не рассматриваются, кроме двух случаев. Северо-молдавская модель демонстрирует оригинальные принципы группировки каменных индустрий, на основании которых был выделен особый культурный таксон – стинковско-дуруиторское единство. В Алтайской модели система локальных отличий тесно увязывается с популяционной динамикой.

³ Полемика вокруг природы технокомплексов вылилась в дискуссию по поводу палеоэтнологической концепции (Степанчук, 2004; Чабай и др., 2000), что требует отдельного рассмотрения.

происхождения групп индустрий [67]. Пластинчатый технокомплекс среднего палеолита Восточной Европы, видимо, состоит минимум из двух вариантов. Первый из них связан с аналогиями лёссового комплекса стоянки Курдюмовка, который наиболее сопоставим с кремневой индустрией слоя СА Риенкур-Бопома [68] и горизонтами 8-9 II к. с. стоянки Кабази-II в Крыму. А.Ю. Данильченко относит Курдюмовку и нижние слои и горизонты стоянки Бирючья Балка 2 к одному технокомплексу на основании близких технико-типологических характеристик и проводит отдельные параллели с секлейном Северо-Западной Европы [69; 70]. Второй вариант пластинчатого технокомплекса связан с «Белокузьминовской группой» памятников [71]. Вероятно, памятники леваллуазской по своей природе «Белокузьминовской группы» являются территориальным проявлением особого варианта среднего палеолита Евразии, за которым закрепилось название «мустье загросского типа» [72; 73]. Техническим маркером этого варианта среднего палеолита является группа тронкированно-фасетированных изделий. Восточно-миококский технокомплекс включает варианты с различным удельным весом леваллуазских технологий и разными типами клиновидных ножей. Леваллуа-мустьерский технокомплекс относительно монотонный.

Концепция культурной вариабельности в контексте популяционной динамики и стадийного развития, в целом, отражает современное состояние проблемы. В региональной модели Российского Алтая как составной части среднего палеолита Северной Евразии хронологическая последовательность включает четыре стадии развития культурных традиций во второй половине среднего и в верхнем неплейстоцене [74; 75]. Культурная вариабельность существенно нарастает на протяжении верхнего неплейстоцена. В это время на «юге Сибири индустриальная мозаичность была обусловлена, скорее всего, присутствием представителей разных групп населения – денисовцев, «алтайских» и поздних неандертальцев» [75, с. 31]. Распространение технологических инноваций и культурных типов объясняется перемещением близкородственных популяций денисовцев и неандертальцев. С гаплогруппой поздних денисовцев (финал МИС 6 – первая половина МИС 5) связывается появление каменной индустрии среднего палеолита с подпризматическими и торцовыми нуклеусами, пластинками, орудиями позднепалеолитических типов.

Заключение. В настоящее время установлено существенное технико-типологическое разнообразие индустрий среднего палеолита Восточной Европы внутри среднепалеолитической стадии развития культуры ископаемого человека. Признано, что критерии выделения стадии среднего палеолита лежат в плоскости технологии расщепления камня, в связи с массовым переходом к отщеповым технологиям и получению орудий из сколов. Отсутствие единых критериев для выделения локальных вариантов, скорее всего, вызвано различным «эволюционным расстоянием» между технокомплексами и вариантами среднего палеолита, а также неизбежной культурной диффузией в ходе эволюции материальной культуры и географического распространения популяций древних людей. Культурные отличия отражают вариантность выбора технологий расщепления. Локальные модели культурных отличий следует коррелировать с популяционной динамикой человечества среднего палеолита.

Работа выполнена в рамках государственного задания (№ госрегистрации 124012400356-4).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бонч-Осмоловский Г.А. К вопросу об эволюции древнепалеолитических индустрий // Человек. – № 2–4. – 1928. – С. 147–186.

2. Ефименко П.П. Первобытное общество: Очерки по истории палеолита. Времени – 2-е изд., доп. и перераб. – Ленинград: Соцэкиз. Ленингр. отд-ние, 1938. – 636 с.
3. Ефименко П.П. Первобытное общество: Очерки по истории палеолита. Времени – 3-е изд., перераб. и доп. – Киев: Изд-во Акад. наук Укр. ССР, 1953. – 664 с.
4. Capitan L. Station acheuléenne de La Micoque // *Revue de l'Ecole d'Anthropology*, 1896. – P. 529-532.
5. Capitan L. et Peyrony D. Nouvelles fouilles à La Micoque // *Franç. pour l'Avancement des Sciences*, 26 e Session, Saint-Étienne, 1906. – P. 540-542.
6. Chauvet G. Station quaternaire de La Micoque // *Bulletin de la Societe Geographique et d'archeologie de la Charent.* – №8. – 1896. – P. 92-98.
7. Chauvet et Rivière. Station quaternaire de La Micoque (Dordogne) // *Franç. pour l'Avancement des Sciences*, 26 e Session, Saint-Étienne, 1897. – P. 697-708.
8. Peyrony D. Le Moustier, son gisements, ses industries, ses couches geologiques // *Revue anthropologique.* – №1-6. – 1930. – P. 48 - 76.
9. Frick J.A. Reflections on the term Micoquian in Western and Central Europe. Change in criteria, changed deductions, change in meaning, and its significance for current research // *Archaeological and Anthropological Sciences.* – № 12. – 2020. – P. 1-39.
10. Bonc-Osmolovskij G. Le Paléolithique de Crimée // *Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода.* №1. – 1929. – С. 27-34.
11. Бонч-Осмоловский Г.А. Итоги изучения Крымского палеолита // *Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода.* Вып. 5 – Москва-Ленинград-Новосибирск, 1934. – С. 114-183.
12. Бонч-Осмоловский Г.А. Грот Киик-Коба. Палеолит Крыма. Вып. 1. – М.: Л., 1940. – 226 с.
13. Zamiatnine S. Station Moustérienne Ilsaia province de Kouba (Caucase du Nord) // *Revue anthropologique.* 7-8. – Paris, 1929. – P. 282-295.
14. Евтушенко А.И. Проблемы «восточного микока» // *Археологический альманах.* – № 8. – Донецк, 1999. – С. 3 - 24.
15. Борисковский П.П. Исторические предпосылки оформления так называемого «Homo sapiens» // *Проблемы истории докапит. общества.* – Ленинград: Изд. ГАИМК, 1935. – С. 5-56.
16. Замятин С.Н. О возникновении локальных отличий в культуре палеолитического времени // *Труды Института этнографии АН СССР.* – Т. XVI. – М., 1951. – С. 89-152.
17. Формозов А.А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. – М.: Наука, 1959. – 123 с.
18. Формозов А.А. Распространение мустьерских стоянок двух типов в Европейской части СССР // *Доклады VII Междунар. конгресс антропол. и этногр. наук.* (Москва, авг. 1964 г.). – М.: Наука, 1964. – С. 88-94.
19. Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. – М.: Наука, 1977. – 144 с.
20. Bordes François. Typologie du Paléolithique Ancien et Moyen. Mémoire No.1. Publications de l'Institut de Préhistoire de l'Université de Bordeaux. Bordeaux, 1961. – 85 p.
21. Любин В.П. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // *Палеолит и неолит СССР.* – Материалы и исследования по археологии СССР. – № 131. – М.: Наука, 1965. – С. 7-75.
22. Bosinski G. Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa // *Fundamenta A/4.* Koln, 1967. – 206 p.
23. Krukowski S. Paleolit. Prehistoria ziem polskich, z. 1. Kraków: Encyklopedia Polska PAU, 1939. Т. 4, cz. 1, dz.5. – 117 s.
24. Krukowski S. Paleolit. Encyklopedia Polska. Polska Akademia Umiejetności Т. 4, cz. 1, dz. 5. Prehistoria ziem polskich. Warszawa-Kraków-Łódź-Zakopane, 1948. – 118 p.
25. Sobczyk K. Stefana Krukowskiego koncepcja Prądnika // *Prądnik. Studies and reports of the prof. Władysław Szafer Museum*, 1992. – Vol. 6. – P. 103-117.
26. Veil St., Breest K., Hofle H.-Chr., Meyer H.-H., Plisson H., Urban-Küttel B., Wagner G.A., Zeoller L. Ein mittelpaläolithischer Fundplatz aus der Weichsel-Kaltzeit bei Lichtenberg, Ldkr. Lüchow-Dannenberg. Zwischenbericht über die archäologischen und geowissenschaftlichen Untersuchungen 1987–1992 // *Germania*, 1994. – Vol. 72. – P. 1–66.
27. Кулаковская Л.В., Козловский Я., Собчик К. Микокские ножи: определение и классификация // *Археологический альманах.* – № 3. – Донецк, 1994. – С. 59–71.
28. Jöris O. Der spatmittelpaläolithische Fundplatz Buhlen (Grabungen 1966 - 69) / *Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie.* – Band 73. – Bonn, 2001. – 172 p.

29. Jöris O. Bifacially backed knives (Keilmesser) in the Central European Middle Palaeolithic. // *Axe Age Acheulian Toolmaking from Quarry to Discard*. Goren-Inbar, N., Sharon, G. (Eds.). – London, 2006. – P. 287–310.
30. Щелинский В.Е., Кулаков С.А. Ильская мустьерская стоянка (раскопки 1920-х – 1930-х годов). – СПб: Европейский Дом, 2005. – 96 с.
31. Голованова Л.В., Хоффекер Д.Ф., Харитонов В.М., Романова Г.П. Мезмайская пещера (результаты предварительного изучения 1987-95 гг.). // *Российская археология*. – М., 1999, № 3. – С. 85-98.
32. Чабай В.П. Средний палеолит Крыма. – Симферополь: Шлях, 2004. – 323 с.
33. Очередной А.К. Двусторонне обработанные обушковые орудия (Keilmesser) в среднем палеолите верхней Десны // *Stratum plus*. – 2010. – № 1. – С. 227-233.
34. Григорьев Г.П. К различению генетического родства, диффузии и синстадиальности // VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. – М.: Наука, 1966. – С. 27–35.
35. Григорьев Г.П. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. – Л.: Наука, 1968. – 174 с.
36. Григорьев Г.П. К методике установления локальных отличий в палеолите // *Успехи среднеазиатской археологии*. Вып. 2. – Л., 1972. – С. 14-19.
37. Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П. О фаціальности в верхнем палеолите // *КСИА*. – № 141. – 1975. – С. 12–17.
38. Григорьев Г.П. Палеолит Африки // *Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Палеолит мира*. – Л.: Наука, 1977. – С. 43–209.
39. Григорьев Г.П. Эпохи палеолита как показатель развития // *Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы*. – Л.: Наука, 1988. – С. 13–15.
40. Васильев С.А. Г.П. Григорьев, продолжатель дела С.Н. Замятнина // *Каменный век: от Атлантики до Пацифики. Замятнинский сборник*. Выпуск 3. – СПб: МАЭ РАН; ИИМК РАН, 2014. – URL: <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/05/978-5-88431-251-7/>
41. Гладилин В.Н. Антоновская мустьерская культура и ее место в раннем палеолите Восточной Европы: диссертация ... кандидата исторических наук. – Киев, 1974. – 191 с. + Прил. (45 с.).
42. Любин В.П. Мустьерские культуры Кавказа. – Л.: Наука, 1977. – 223 с.
43. Колосов Ю.Г. Аккайская мустьерская культура. – Киев: Наукова думка, 1986. – 224 с.
44. Любин В.П. Ранний палеолит Кавказа // *Палеолит СССР. Археология СССР*. – М.: Наука, 1984. – С. 45-93.
45. Праслов Н. Д. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. – 156 с.
46. Палеолит СССР / З. А. Абрамова, М. В. Аникович, Н. О. Бадер, П. И. Борисковский, В. П. Любин, Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачев; Отв. ред. П. И. Борисковский. – М: Наука, 1984. – 383 с.
47. Гладилин В.Н. Различные типы каменной индустрии в мустье Русской равнины и Крыма и их место в раннем палеолите СССР // VII Международный конгресс до- и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. – М., 1966. – С.14 - 17.
48. Гладилин В.Н. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. – Киев: Наукова думка, 1976. – 229 с.
49. Гладилин В.Н. Принципы и критерии локального подразделения раннего палеолита // *Первобытная археология. Поиски и находки*. – К.: Наукова думка, 1980.
50. Гладилин В.М. Ранний палеолит // *Археологія Української РСР*, т. I. – Київ: Наукова думка, 1971. – С. 9-39.
51. Гладилин В.Н. Ранний палеолит // *Археология Украинской ССР*, т. I. – К., 1985. – С. 12-54.
52. Степанчук В.Н. Нижний и средний палеолит Украины. – Черновцы: Зелена Буковина, 2006. – 463 с.
53. Гладилин В.Н., Ситливый В.И. Ашель Центральной Европы. – Киев: Наукова думка, 1990. – 267 с.
54. Анисюткин Н.К. Мустьерская эпоха на юго-западе Русской равнины. – СПб: Европейский дом, 2001. – 310 с.
55. Черныш А.П. (ред.) *Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (каменный век)*. – Киев: Наукова думка, 1987. – 132 с.
56. Ситник О.С. Середній палеоліт Поділля. – Львів, 2000. – 372 с.
57. Кухарчук Ю.В. Метаморфозы микок // *Археологический альманах*. – № 8. – Донецк, 1999. – С. 25-36.
58. Колесник А.В. «Восточный микок» – миф или реальность? // *Археологический альманах*. – № 7. – Донецк, 1999. – С. 37–50.
59. Колесник А.В. Памятники «восточного микок» Донбасса и Северо-Восточного Приазовья // *Записки Института истории материальной культуры РАН*. – СПб: «Дмитрий Буланин». 2018. – №17. – С. 141-150.

60. Кулаковская Л.В., Козловский Я., Собчик К. Микокские ножи: определение и классификация // Археологический альманах. – № 3. – Донецк, 1994. – С. 59–71.
61. Колесник А.В. Средний палеолит Донбасса // Археологический альманах. – № 12. – Донецк, 2003. – 294 с.
62. Голованова Л.В., Хоффекер Д.Ф. Микок на Северном Кавказе // Археологический альманах. – № 9. – Донецк, 2000. – С. 35–64.
63. Колесник А.В., Данильченко А.Ю., Гаврилов К.Н., Зоров Ю.Н., Титов В.В., Константинов Е.А., Панин П.Г., Фролов П.Д., Сычев Н.В. Николаево-Отрадное III – местонахождение среднего палеолита на берегу Миусского лимана (Северо-Восточное Приазовье) // Краткие сообщения института археологии (КСИА). – 2024. – № 275. – С. 7–24.
64. Зубова А.В., Моисеев В.Г., Кульков А.М., Колобова К.А., Очередной А.К. Верхний второй моляр Ното со стоянки Рожок I: таксономическая принадлежность и направления биологических связей // Ранний и средний палеолит Приазовья: современное состояние исследований / В.Е. Щелинский, А.К. Очередной, В.В. Титов и др.; под ред. А.К. Очередного, В.В. Титова. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. – С. 124–142.
65. Чабай В.П. Крым в контексте вариативности среднего палеолита Восточной Европы // Вариативність середнього палеоліту України. – Київ: Шлях, 2003. – С. 78–105.
66. Чабай В.П. Средний палеолит Крыма. – Симферополь: Шлях, 2004. – 323 с.
67. Колесник А.В., Весельский А.П. Черкасское – комплексный памятник археологии в бассейне Северского Донца // Археологический альманах. – № 17. – Донецк, 2005. – 168 с.
68. Revillon S. Les industries laminaire du Paléolithique moyen en Europe septentrionale. L'Exemple des gisements de Saint-Germain-des-Vaux // Port-Racine (Manche), de Seclin (Nord) et de Riencourt-lès-Baraume (Pas-de-Calais). CERP 5, 1994. – 188 p.
69. Данильченко А.Ю. Нуклеусы с торцовым расщеплением из среднепалеолитического слоя 6 стоянки Бирючья Балка 2 в низовьях Северского Донца // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VI Международной научной конференции (Донецк, 26–28 октября 2021 г.). – Том 7: Исторические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2021. – С. 238–240.
70. Данильченко А.Ю. Пластинчатые сколы как показатель технологии первичного расщепления камня в индустрии слоя 6 (средний палеолит) стоянки Бирючья Балка 2 в низовьях Северского Донца // Верхний палеолит Европы: Время культурных новаций. – Тезисы международной научной конференции (6–8 декабря 2021 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. С.А. Васильев. – СПб: ИИМК РАН, 2021. – С. 62–64.
71. Нехорошев П.Е. Среднепалеолитическая группа памятников на юге Русской равнины // Археологический альманах. – № 5. – Донецк, 1996. – С. 71–74.
72. Колесник А.В. Белокузьминовская группа памятников в контексте современной проблематики палеолита Восточной Европы // Записки института истории материальной культуры РАН. – СПб: ИИМК РАН, 2023. – № 29. – С. 17–25.
73. Колесник А.В., Данильченко А.Ю. Изделия типа truncated-facetted Белокузьминовской группы памятников среднего палеолита Восточноевропейской равнины: взгляд из Центральной Азии // Жакен Таймагамбетов и проблемы палеолита Евразии. Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию академика НАН РК, доктора исторических наук, профессора Таймагамбетова Ж.К. (г. Астана, 14 декабря 2023 г.). – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2023. – С. 24–37.
74. Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Кто такие денисовцы? // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020. – Т. 48. – № 3. – С. 3 – 32.
75. Козликин М.Б. Средний палеолит Алтая: культурная динамика и природная среда. Автореферат дисс.... доктора ист. наук. – Новосибирск, 2025. – 48 с.

Поступила в редакцию 25.08.2025 г.

THE PROBLEM OF LOCAL DIFFERENCES IN THE MIDDLE PALEOLITHIC OF EASTERN EUROPE

A.V. Kolesnik, A.Yu. Danilchenko, M.T. Levchenko

The problem of local differences in the Middle Paleolithic is one of the most complex in Paleolithic science, as it concerns the interpretation of classificatory concepts. The current basic theory of the Paleolithic has

a great influence on cultural taxonomy. Throughout the history of this issue, scholars' views on cultural differences have changed successively, depending on the understanding of the evolution of ancient technologies, adaptation to natural and climatic processes, and population dynamics.

Key words: Middle Paleolithic, Eastern Europe, microlith, cultural differences, stone napping technology.

Колесник Александр Викторович

Доктор исторических наук, зав. кафедрой археологии, историографии, источниковедения и методов исторического исследования ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ.

E-mail: akolesnik2007@mail.ru

Kolesnik Alexander Viktorovich

Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Archeology, Historiography, Source Studies and Methods of Historical Research, FSBEI HE «Donetsk State University», Donetsk, Russian Federation.

E-mail: akolesnik2007@mail.ru

Данильченко Алексей Юрьевич

Директор ГБУК РО «Народный военно-исторический музей Великой Отечественной войны «Самбекские высоты», пос. Самбек, Ростовская обл., РФ.

E-mail: adanil4enko@yandex.ru

Danilchenko Alexey Yurievich

Director of SBIC RO «National Military Historical Museum of the Great Patriotic War «Sambek Heights», Sambek village, Rostov region, Russian Federation.

E-mail: adanil4enko@yandex.ru

Левченко Максим Тихонович

Лаборант научно-исследовательской части ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ.

E-mail: sprmdvlln@yandex.ru

Levchenko Maxim Tikhonovich

Laboratory assistant at the research department of the FSBEI HE «Donetsk State University», Donetsk, Russian Federation.

E-mail: sprmdvlln@yandex.ru

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1992–2022 ГОДАХ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

© 2025 *В. В. Разумный, К. И. Чернышева*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

На протяжении 1992–2022 годов отношения между Россией и Турцией постоянно видоизменялись как в политическом, так и социально-экономическом смысле. Страны прошли долгий путь становления дипломатических отношений, при этом имея разный взгляд на политику взаимодействия. Развивая экономическое сотрудничество на активной основе, возникла прочная платформа политического взаимодействия. Однако на протяжении истории отношений существовали и существуют сложности взаимодействия стран, что требует нового изучения данных отношений. Актуальность обращения к истории взаимоотношений этих стран обуславливается трансформацией не только двухсторонних отношений, но и влиянием в целом международной обстановки как на позиции стран во внешней политике, так и на их взаимодействие. В статье затрагиваются проблемы политических отношений стран, экономического сотрудничества, а также культурного обмена.

Ключевые слова: взаимодействие, Российская Федерация, дипломатические отношения, внешняя политика, Турецкая Республика.

История взаимоотношений между Россией и Турцией насчитывает несколько столетий. За этот период две страны с регулярной периодичностью вели кровопролитные войны, а после их окончания заключали мирные договоры. В XX веке наступила новая фаза отношений. В обеих странах изменилась форма политического правления и даже сменились столицы. Но тень прошлого оставила глубокий отпечаток на отношения между Москвой и Анкарой в конце XX века. Развитие международных отношений и взаимодействие стран видоизменялось не только в рамках международной обстановки, но и в зависимости от особенностей развития той или иной страны. После распада Советского Союза взаимоотношения Российской Федерации и Турецкой Республики стали складываться в геополитических реалиях 1990-х годов, когда создавались новые условия дипломатических отношений. Особое внимания заслуживает тридцатилетний период российско-турецких взаимоотношений периода 1992–2022 годов. На наш взгляд, данная проблема является актуальной и требует должного внимания со стороны исследователей.

Цель данной статьи состоит в рассмотрении российско-турецких взаимоотношений в период 1992–2022 годов в исторической ретроспективе.

Историография данной проблемы насчитывает значительное число работ, в которых изучались различные аспекты отношений между двумя странами. На наш взгляд, необходимо выделить труды исследователей, которые были опубликованы в последние десятилетия. Эти кандидатская диссертация Р.С. Терехова [4], в которой изучалось влияние пантюркистской идеологии на внешнюю политику Турецкой Республики. Заслуживает внимания работа Е.А. Лапанович и В.И. Михайленко, посвященная взаимоотношениям России и Турции в начале XXI века [13]. Вопросы трансформации российско-турецких отношений были рассмотрены в исследовании Д.Г. Бдояна [12]. Эта работа содержит анализ взаимоотношений между Москвой и Анкарой в период 1992–2016 годов. Автор делает интересные выводы о том, что в российско-турецких отношениях исторически отсутствует поступательное и

стабильное развитие, что оказывает свое влияние на динамику двухсторонних отношений в настоящее время. Московский исследователь Д.Г. Бдоян подчеркивает, что при этом причины негативных трансформаций напрямую связаны с геополитической конкуренцией за влияние в том или в ином регионе, а положительные изменения в основном происходят из-за экономических интересов, особенно в сфере энергетики [12, с. 166]. Анализ совместных задач Российской Федерации и Турецкой Республики на международной арене представлен в работе Т.И. Славиты [5]. Турецкий подход к пониманию и изучению современных международных отношений был рассмотрен в исследовании В.В. Цыбенко [14].

Следует сказать, что тема российско-турецких взаимоотношений нашла отражение в трудах турецких исследователей. На наш взгляд, здесь нужно отметить работы Анила Гюртуна – специалиста из Института социальных наук Ближневосточного технического университета [6]. Интерес для темы исследования представляет совместная работа Мухаммеда Арафата – профессора кафедры международных отношений Черноморского технического университета (г. Трабзон), написанная в сотрудничестве с Лукманом Махмудом Альниэми – доцентом иракского центра региональных исследований Мосульского университета [21]. Также, на наш взгляд, особую важность имеет труд турецкого историка Эрнана Татлыюглу, опубликованный в 2022 году в журнале «Международные исследования» [22].

С развалом Советского Союза для турецкой внешней политики открылись новые региональные возможности и трансформация российско-турецких отношений была практически неизбежна. В декабре 1991 году Российская Федерация была признана правопреемницей СССР, а 25 мая 1992 году был подписан Договор об основах отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой [12, с. 169]. По мнению историка Р.С. Терехова в начале 1990-х годов дипломатические усилия Анкары были в основном направлены на «формирование общетюркского экономического и культурного пространств» [4, с. 7] на территории Центральной Азии. Для Турции, которая стремилась укрепить свои позиции на международной арене и интегрироваться в мировое сообщество, сотрудничество с постсоветской Россией представляло собой возможность расширить свои экономические и политические горизонты. В период 1993–1995 годов между двумя странами были подписаны соглашения, которые в основном касались вопросов экономической сферы: развития туризма [1] и взаимной помощи в таможенной деятельности [2].

В начале 1990-х годов Турция старалась вести активную внешнюю политику в отношении новых независимых государств Закавказья и Центральной Азии, особенно в отношении тюркоязычных стран. Министр Турецкой Республики по связям с тюркоязычными республиками СНГ А. Чей, в связи с этим, отмечал, что так как Турецкая Республика является преемницей Османской империи, то ей необходимо создать союзное объединение с Азербайджаном, Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией и Туркменистаном несмотря на то, что это может привести к конфронтации с Россией [4].

Последующий период 1996–1997 годов осложнялся взаимными обвинениями и претензиями, несмотря на общее развитие дипломатических взаимосвязей. Россия обвиняла Турцию в поставках вооружений боевикам в Чечне, а Турция обвиняла Россию в поставках вооружений Кипру. Здесь, на наш взгляд, уместно вспомнить, что Реджеп Тайип Эрдоган, занимавший пост мэра Стамбула в период 1994–1998 годов неоднократно участвовал в антироссийских митингах в поддержку боевиков Джохара Дудаева [16]. Также следует отметить тот факт, что курдский вопрос в указанный период также осложнял российско-турецкие отношения.

Стремясь нормализовать отношения и найти консенсус, правительство Турецкой Республики и Российской Федерации имели свои точки зрения по вопросу средств достижения этой цели. Премьер-министр России Виктор Черномырдин в 1997 году во время своего визита в Анкару заявил, что «улучшение экономических отношений сыграло бы жизненно важную роль для развития политических отношений» [3]. В ответ на это премьер-министр Турции Месут Йылмаз заявил, что «сначала политические отношения должны быть улучшены до определенного уровня, чтобы в дальнейшем развивать экономические взаимосвязи» [6, с. 36].

По прошествии многих лет можно сказать, что Виктор Черномырдин оказался полностью прав и российско-турецкие отношения начались активно развиваться именно в сфере экономики, и даже во времена, когда проблемы между Анкарой и Москвой становились сложными, экономический фактор оказывал положительное влияние на политику.

К концу XX века Турция и Россия накопили достаточно важный опыт торгово-экономического сотрудничества. В 1990-е годы между двумя странами активно развивалась челночная торговля. Анализ доли челночной торговли с Россией в экспорте Турции в динамике продемонстрирован на рис. 1 [8].

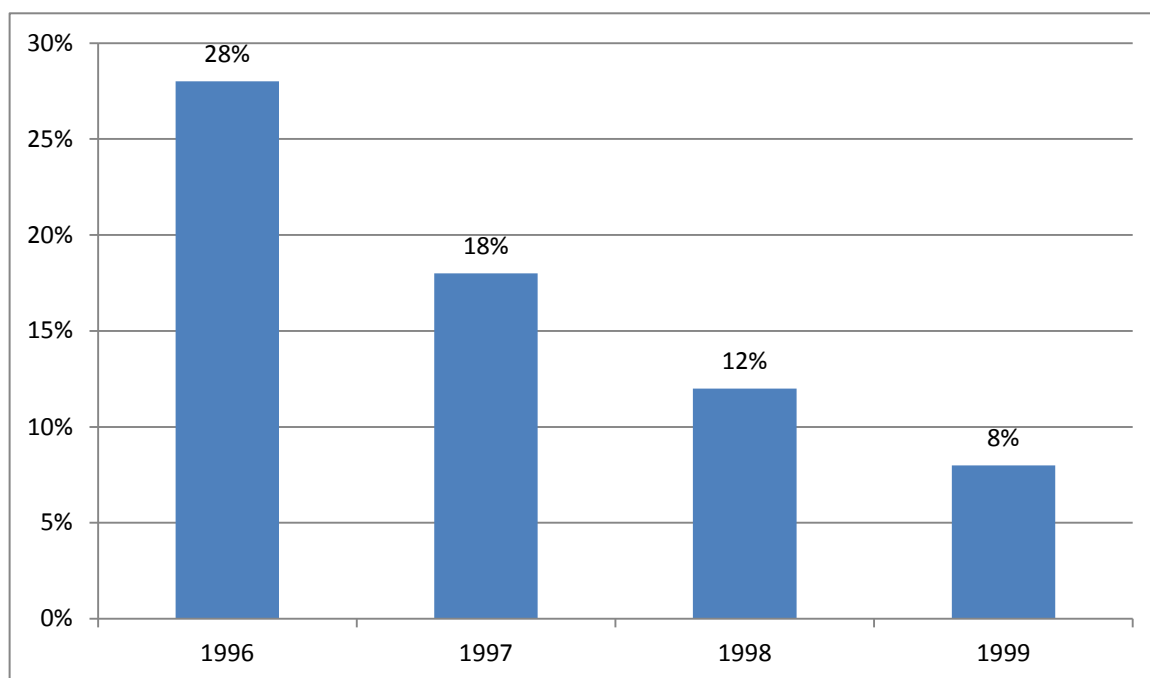

Рис.1. Доля челночной торговли с Россией в структуре экспорта Турции в % в 1996–1999 гг.

Данные рис. 1 свидетельствуют о том, что в 1996 г. доля челночной торговли с Россией в структуре экспорта Турции занимала 28 %, но к 2000-м годам постепенно снижалась, в 1997 г. – 18 % от всего экспорта, в 1998 г. – 12 %, в 1999 г. – 8 %.

На наш взгляд, снижение челночной торговли можно объяснить тем, фактом, что в торгово-экономических отношениях двух стран в конце 1990-х годов установились новые, более устойчивые связи. Эпоха торговцев-челночников ушла в прошлое. Тем не менее, следует сказать, что Турецкая Республика получила значительную выгоду от челночной торговли с странами постсоветского пространства. В некоторых случаях для привлечения покупателей из России турецкие власти давали право упрощенного

посещения отдельных районов с компенсацией затрат на проезд и проживание тем, кто приобретал турецкие товары на сумму не меньше 4 тыс. долларов США. Такая практика существовала в городе Трабзон, который расположен на черноморском побережье Турции [24].

Следует подчеркнуть тот факт, что в период 1990-х годов неуклонно возрастал экспорт турецких товаров в Российскую Федерацию. Анализ динамики экспорта из Турции в Россию в 1990-е годы демонстрирует рис. 2.

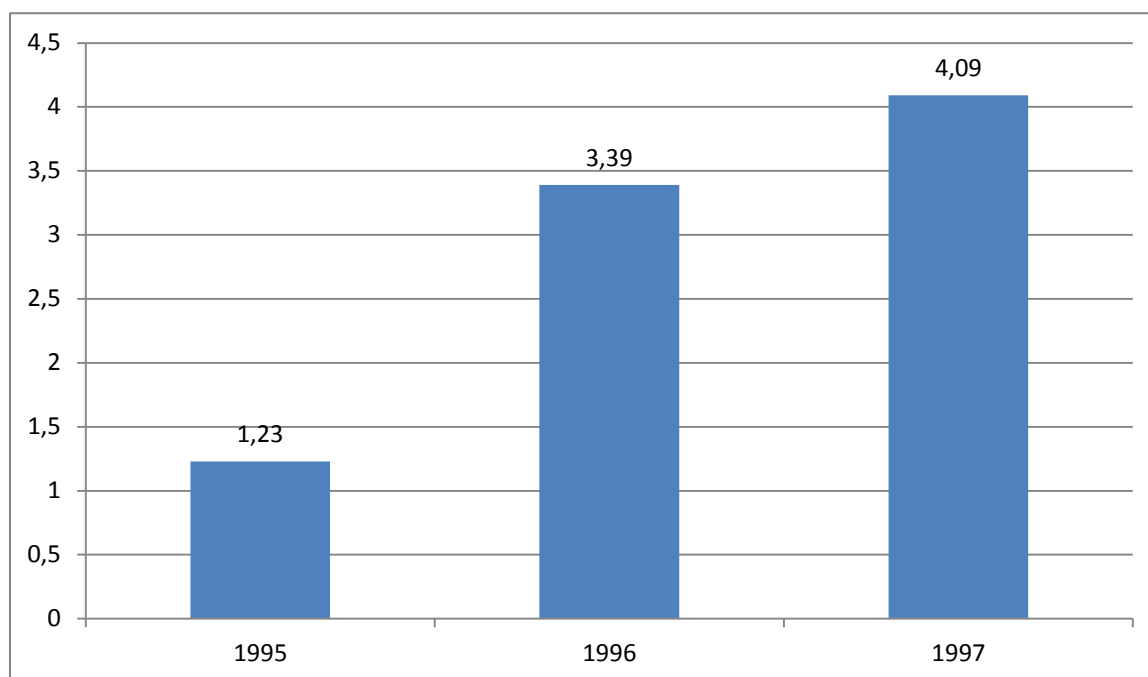

Рис. 2. Динамика экспорта Турции в Россию в 1995–1997 гг. млрд. долл. США [7].

Анализ рис. 2 позволяет сказать, что в 1995–1997 гг. был замечен стремительный рост динамики экспорта товаров из Турции в Россию. В первую очередь это были товары легкой и пищевой промышленности.

Увеличение объема торговли между двумя странами побудило обе стороны сделать упор на инициативы, которые улучшают сотрудничество вокруг общих экономических интересов. Увеличивая и диверсифицируя торгово-экономические отношения, Турция и Россия создали возможность для более легкого решения текущих и будущих политических проблем в соответствии с условиями обеих стран. Как считает исследователь Т.И. Славита: «Множество встреч и переговоров показали, как позиции России и Турции схожи в решении многих международных задач» [5, с. 38].

В 2000-е годы обе страны осознали негативные последствия деструктивного соперничества и позитивную ценность растущих экономических отношений. Российская Федерация сделала упор на экономическое взаимодействие и в первую очередь поддержку взаимосвязей, именно в этой сфере отношений, что стало основой в последующем для активного политического взаимодействия. В начале 2000-х годов было подписано несколько соглашений между странами. Экономические основы сотрудничества стали базой развития двухсторонних политических отношений, охватывающих также региональные и глобальные интересы стран и основываясь на общем доверии и уважении.

Как справедливо отмечает московский исследователь Д.Г. Бдоян, в начале 2000-х гг., с избранием президента В.В. Путина в России и с приходом к власти в Турции «Партии справедливости и развития», начался постепенный переход российско-турецких отношений от конкуренции к многоплановому партнерству [12, с. 170].

Важным событием в российско-турецких отношениях был визит президента Российской Федерации В.В. Путина в Турцию в 2004 году. Это был первый визит после тридцатилетнего перерыва визитов лидеров двух стран. Тогда в декабре 2004 года по итогам встречи В.В. Путина и Ахмета Недждет Сезера была принята Совместная декларация об углублении дружбы и многопланового партнерства [17]. Последующие годы характеризовались интенсивным развитием политических и экономических связей. В 2009 году была подписана Совместная декларация о продвижении к новому этапу отношений и дальнейшем углублении дружбы между двумя странами.

Тем не менее, отдельные действия турецких националистов и экстремистов были направлены на нарушение добрососедских отношений между двумя странами. В 2005 году, когда Российская Федерация готовилась праздновать 60-летие победы в Великой Отечественной войне, в Турции стали массово издавать нацистскую литературу [4]. Весной 2005 года, по данным информационного агентства Regnum, было опубликовано 50 тыс. экземпляров книги бесноватого лидера германских нацистов, что дало четвертое место в списке самых читаемых книг в Турецкой Республике [25]. Эти действия турецких властей вряд ли можно назвать дружескими.

Следует подчеркнуть тот факт, что в том же 2009 году началось активное сотрудничество в области атомной энергетики. Еще одним важным событием в российско-турецких отношениях стал официальный визит президента Российской Федерации Д.А. Медведева в Анкару 12 мая 2010 года. В ходе визита было подписано соглашение об отмене визового режима между Россией и Турцией, которое вступило в силу 16 апреля 2011 года [19].

Экономические связи между Россией и Турцией являлись важным аспектом их двухсторонних отношений, отражающим как экономические интересы, так и более широкие геополитические контексты. С момента установления дипломатических отношений в 1992 году, торгово-экономическое сотрудничество между двумя странами прошло долгий путь, и, несмотря на возникшие сложности, продолжает развиваться, открывая новые горизонты для взаимовыгодного сотрудничества в будущем.

Культурные обмены и общественные инициативы становятся важным инструментом в формировании более глубоких и устойчивых отношений между Россией и Турцией, что, в свою очередь, способствует укреплению мира и стабильности в регионе. В условиях глобализации и взаимозависимости культурные и общественные связи становятся важным фактором в формировании будущего отношений между двумя странами, открывая новые горизонты для сотрудничества и взаимопонимания.

Начиная с 2001 года Турецкая Республика становится главным направлением международного туризма для россиян. Туризм, как одна из ключевых сфер взаимодействия, продолжает оставаться важным элементом культурных связей. Российские туристы, приезжающие в Турцию, не только приносят экономическую выгоду, но и создают возможности для культурного обмена. Взаимопонимание, которое возникает в процессе общения между туристами и местными жителями, способно разрушать стереотипы и предвзятости, формируя более позитивное восприятие друг друга. Важно отметить, что многие российские туристы, посетившие Турцию, становятся своего рода послами культуры, рассказывая о своих впечатлениях и опыте своим друзьям и знакомым, что способствует дальнейшему развитию

туристических потоков. Неслучайно, отдельные исследователи стали называть туристическую отрасль «золотой жилой» экономики Турецкой Республики [11].

В 2002 году число российских туристов, посетивших Турцию, возросло до 1 млн. чел. Туристов из России Турция привлекает не только своими прекрасными природными и климатическими условиями, но и отсутствием проблем с визами и языком общения. Теперь на всех турецких курортах наряду с персоналом, владеющим немецким, английским или французским языком, работают официанты и гиды, говорящие по-русски [11].

В 2005 году российские туристы вошли в тройку лидеров, среди иностранных туристов, посетивших Турецкую Республику. Об этом красноречиво свидетельствуют данные нижеследующей таблицы 1, составленной по материалам турецких источников.

Таблица 1

Численность иностранных туристов, посетивших Турцию в 2005 году (млн. чел.) [10]

Страна	Число туристов, посетивших Турцию
Германия	3,9
Италия	2,5
Россия	1,2
Великобритания	0,6
Япония	0,5

Число российских туристов, посетивших Турецкую Республику, возрастало с каждым годом. Следует учесть тот факт, что из 17 млн. туристов, которые ежегодно посещают Турецкую Республику, почти 3 млн. человек составляют жители Российской Федерации. Если в 2005 году Турцию посетили 1,2 млн. россиян, то 2019 году это число уже составило 7,018 млн. человек. [17]. Однако, в дальнейшем наблюдалось снижение числа российских туристов, что объяснялось эпидемией Covid-19 и ковидными ограничениями.

Образовательные программы и студенческий обмен, совместные культурные мероприятия, научное сотрудничество и развитие гражданского общества способствуют укреплению дружеских и взаимовыгодных отношений между двумя странами. В условиях глобализации и многообразия культур такие связи становятся особенно актуальными, так как они помогают формировать общее понимание и уважение между народами, что, в свою очередь, способствует укреплению политических и экономических отношений между государствами. Важно продолжать развивать эти связи, чтобы обеспечить дальнейшее сотрудничество и взаимопонимание между Россией и Турцией в будущем.

Несмотря на укрепление взаимодействия с Россией, необходимо учитывать, что Турция, как и любой самостоятельный субъект, в построении своей внешнеполитической линии исходит, прежде всего, из своих собственных интересов, которые в некоторых вопросах противоречат интересам России и от которых Турция, по всей вероятности, отказываться не планирует. В данном случае эта тенденция характеризуется намерением и активными попытками расширения влияния на пространстве тюркоязычных государств и регионов не только в исламском мире, но и в России. Турция по-прежнему рассматривает тюркоязычные субъекты Российской Федерации как сферу своего влияния и не скрывает этого.

Начиная с 2011 года, как отмечает исследователь Д.Г. Бдоян, на двусторонние отношения начинают негативно влиять внешние факторы [12, с. 176]. Траектория российско-турецких отношений стала нестабильной после событий в Крыму в 2014

году, когда правительство Турции не признало возвращение территории Крыма в состав России. Более того, официальные власти Турецкой Республики неоднократно демонстрировали враждебную риторику. Важно подчеркнуть тот факт, что антироссийская риторика стала чаще звучать после того, как в 2014 году президентом Турции стал уже вышеупомянутый Реджеп Тайип Эрдоган. Как следствие этих событий, российско-турецкие отношения вошли в фазу охлаждения и редукции.

24 ноября 2015 года турецкий самолет вероломно сбил в сирийском воздушном пространстве российский самолет Су-24. Спустя четыре дня, 28 ноября 2015 года президент Российской Федерации подписал «Указ о мерах по обеспечению национальной безопасности России и защите граждан России от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турции» [23]. Согласно данному указу на территории России временно был введен запрет или ограничение внешнеэкономических операций, предусматривающих ввоз на территорию страны отдельных видов турецких товаров (их перечень должно определять правительство РФ). Был введен запрет для организаций, находящихся под юрисдикцией Турции, на выполнение ими отдельных видов работ и оказание услуг на территории России. Был введен запрет для работодателей на привлечение с 1 января 2016 года работников из числа граждан Турции. Более того, с 1 января 2016 года вводился визовый режим для турецких граждан, которые планировали посетить территорию Российской Федерации.

Инцидент 24 ноября 2015 г. вызвал напряжение отношений между странами, что выразилось в применении Россией торговых санкций, что сразу сказалось на торговом обороте между странами в 2016 году. Действия турецких властей нашли осуждение во многих странах. В Греции, Болгарии и Италии состоялись акции протеста против вероломных действий турецких военных. В Москве состоялся митинг у турецкого посольства, в ходе которого митингующие закидали здание камнями, яйцами, помидорами и краской [18]. В отношениях между Москвой и Анкарой появилась новая траектория.

Осознав всю сложность возникших проблем, президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган 27 июня 2016 года выразил глубокое сожаление по поводу произошедшего и подчеркнул готовность делать все возможное для восстановления традиционно дружественных отношений между Турцией и Россией. Это произошло спустя семь месяцев после трагической гибели российского летчика Олега Пешкова. Тогда же состоялся телефонный разговор между лидерами двух стран, после которого конфликт был урегулирован. В России возобновили продажу туристических путевок в Турецкую Республику, а отношения экономические отношения стали постепенно налаживаться.

16 июля 2016 года в Турции произошла попытка военного переворота, в ходе которого турецкие военные планировали сместить Реджепа Тайип Эрдогана с должности президента страны. Мятежники смогли на короткий срок взять контроль над стратегическими объектами в Анкаре, Стамбуле, Карсе, Конье и Мармарисе. Однако, не получив широкой поддержки со стороны населения, этот переворот закончился полным провалом. Расследования, проведенные турецкими властями уже после провала военного путча, показали, что премьер-министр Ахмет Давутоглу лично отдал приказ об уничтожении российского самолета в ноябре 2015 года. Более того, два турецких летчика, которые сбили самолет Су-24, как потом выяснилось были причастны к попытке свержения власти президента Турецкой Республики.

Восстановив контроль над армией и силовыми ведомствами, турецкий президент 9 августа 2016 года совершил визит в Россию. Его визит послужил сигналом для нормализации двухсторонних отношений.

Еще одним испытанием для российско-турецких отношений стала трагическая гибель чрезвычайного и полномочного посла Российской Федерации Андрея Карлова 19 декабря 2016 года в Анкаре. Историки отмечают, что за историю внешнеполитической деятельности Российской Федерации это был первый случай гибели дипломата столь высокого ранга. Андрей Карлов был убит предательскими выстрелами в спину. Позже турецкие власти назовут улицу, на которой находится посольство России в Анкаре, в честь трагически погибшего российского дипломата.

В 2017 году состоялось несколько встреч лидеров двух стран. 3 мая 2017 года президент Турции совершил визит в Сочи, где провел важные переговоры с президентом Российской Федерации. Главной темой переговоров стал вопрос двустороннего торгово-экономического сотрудничества. По итогам встречи стороны отметили, что им удалось достичь некоторых договоренностей по вопросу снятия ограничений на ввоз турецкой сельхозпродукции в Россию, а также либерализации визового режима для граждан Турции. Кроме этого, главы двух государств обсудили вопрос поставок в Турцию российских зенитно-ракетных систем С-400, а также создание в Сирии зон деэскалации.

Тогда же была создана российско-турецкая комиссия, которая осуществляла мониторинг режима прекращения боевых действий, был подписан меморандум об обеспечении безопасности полетов военной авиации обеих стран. 18 января 2017 года военно-космические силы России впервые в истории начали наносить удары по террористическим группировкам в Сирии совместно с авиацией Турции. В этот период правительство Турецкой Республики приняло решение о покупке оружия, произведенного в России. В октябре 2019 года Россия и Турция подписали соглашение о создании буферной зоны в северных провинциях Сирийской Арабской Республики и совместном патрулировании сирийско-турецкой границы.

К 2020 году сотрудничество между Россией и Турцией в области безопасности достигло нового уровня. Обе страны начали активно работать над совместными проектами, направленными на борьбу с терроризмом и экстремизмом, включая создание совместных рабочих групп и проведение регулярных консультаций на высоком уровне. Это сотрудничество позволило странам не только более эффективно реагировать на возникающие угрозы, но и укрепить свои позиции на международной арене.

Военное сотрудничество между Россией и Турцией в период с 1992 по 2022 год прошло через множество этапов, отражая сложные и многогранные политические отношения между двумя странами. Несмотря на существующие противоречия и конфликты, обе стороны смогли найти общие интересы и развивать сотрудничество в области безопасности. Это взаимодействие стало важным элементом их стратегического партнерства и оказало значительное влияние на политическую ситуацию в регионе. В условиях глобальных изменений и новых вызовов, стоящих перед международным сообществом, Россия и Турция продолжают искать пути для укрепления своих отношений и совместного решения актуальных проблем.

Региональная безопасность и сотрудничество между Россией и Турцией в контексте конфликтов на Ближнем Востоке и в Кавказском регионе представляют собой одну из ключевых тем в рамках анализа их взаимоотношений в период с 1992 по 2022 годы. Эти две страны, обладая значительными политическими, экономическими и военными ресурсами, играют важную роль в формировании безопасности и стабильности в своем регионе. Их взаимодействие и сотрудничество в области безопасности, а также участие в различных конфликтах, таких как сирийский, армяно-

азербайджанский и другие, демонстрируют сложный и многогранный характер отношений, которые, несмотря на наличие противоречий, также характеризуются взаимными интересами и необходимостью сотрудничества.

Взаимодействие стран в таких конфликтах, как сирийский и армяно-азербайджанский, а также сотрудничество в области энергетики служат примерами того, как Россия и Турция могут работать вместе, несмотря на существующие разногласия. Это сотрудничество, однако, остается подверженным изменениям в зависимости от внутренней и внешней политической обстановки, что делает дальнейшее развитие их отношений непредсказуемым.

Важным аспектом региональной безопасности в Черноморском регионе является наличие военно-морского флота, как у России, так и у Турции. Обе страны обладают мощными военно-морскими силами, что создает определенные риски, но и возможности для сотрудничества. В частности, в 2004 году Россия и Турция подписали соглашение о совместных учениях, что стало важным шагом к укреплению военного сотрудничества и снижению напряженности в регионе. Эти учения позволили обеим сторонам лучше понимать друг друга и выстраивать механизмы взаимодействия в случае возникновения кризисных ситуаций.

Черноморский регион продолжает оставаться зоной повышенной напряженности. Конфликты в Закавказье, преступный политический режим на Украине и другие факторы продолжают оказывать влияние на безопасность в регионе. В этом контексте важно отметить, что Россия и Турция, несмотря на свои противоречия, осознают необходимость в совместной работе для обеспечения безопасности в Черноморском регионе. Это понимание стало основой для дальнейшего развития двусторонних отношений и сотрудничества в области безопасности.

Подводя итоги, следует сказать, что политические отношения между Россией и Турцией в период с 1992 по 2022 годы можно охарактеризовать как динамичный и сложный процесс, в котором переплетаются элементы сотрудничества и конфронтации. Несмотря на наличие разногласий и кризисов, обе страны осознают важность своих отношений и стремятся к их укреплению. В условиях меняющегося мирового порядка и глобальных вызовов, таких как терроризм, миграция и изменение климата, Россия и Турция продолжают искать пути для совместного решения этих проблем, что создает перспективы для дальнейшего развития их политических отношений в будущем.

В целом, экономические связи между Россией и Турцией в период с 1992 по 2022 год демонстрировали динамичное развитие и углубление взаимовыгодного сотрудничества. Несмотря на существующие вызовы и сложности, обе страны продолжают искать новые возможности для укрепления своих экономических отношений. Инвестиции, совместные проекты и торговля становятся важными инструментами для достижения стратегических целей и обеспечения устойчивого развития обеих экономик. В условиях глобальных изменений и нестабильности, российско-турецкие экономические связи остаются важным фактором, способствующим не только экономическому, но и политическому взаимодействию между двумя странами.

Экономические связи между Россией и Турцией в энергетическом секторе представляли собой сложную и многогранную систему, в которой переплетаются экономические интересы, политические амбиции и стратегические цели. Сотрудничество в этой области не только укрепляет двусторонние отношения, но и влияет на динамику энергетического рынка в регионе и за его пределами. В условиях глобальных изменений и растущей конкуренции на энергетических рынках, Россия и

Турция продолжают искать новые возможности для сотрудничества, что свидетельствует о важности энергетического сектора в их взаимоотношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области туризма. 24.03.1995. // URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf. (дата обращения 18.01.2021 г.)
2. Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Турецкой Республики о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах. 16.09.1997. // URL: http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf.
3. Визит В. Черномырдина в Турецкую Республику // URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/5506082>
4. Терехов Р.С. Влияние идеологии пантюркизма на внешнюю политику Османской империи и Турецкой Республики в XX веке: автореферат дис... кандидата исторических наук: 07.00.15 / Терехов Роман Сергеевич; [Место защиты: Нижегород. Гос. Ун-т им. Н.И. Лобачевского]. – Нижний Новгород, 2011. – 30 с.
5. Славита Т.И. Совместные политические интересы России и Турции на международной арене // Бюллетень экономики, политики и права. – 2020. – № 2. – С. 38-43.
6. Gürtuna, Anil. Turkish-Russian Relations in the Post Soviet Era: From Conflict to Cooperation // Thesis of Master in International Relations submitted to The Graduate School of Social Sciences. – Middle East Technical University, January 2006. – URL; <https://etd.lib.metu.edu.tr/upload/12607080/index.pdf>
7. See DEIK (Foreign Economic Relation Board) Report, Central Asian Republics and the Republic of Azerbaijan, June 1998. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/pub/akuiibfd/issue/1622/20337>
8. The economics of Turkey-Russia relations // URL: https://edam.org.tr/wp-content/uploads/2019/07/The-Economics-of-Turkey-Russia-Relations_compressed.pdf
9. Разумный В.В. Неонацизм в современной Турецкой Республике: уроки и последствия // Историческая память о Великой Победе как основа духовного единства Донбасса и России (в рамках празднования 75-летия Великой Победы): материалы Международной научно-практической конференции (Донецк, 1 декабря 2020 г.) / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – С. 149 – 152.
10. Association of Turkish travel agencies – www.tursab.org.tr
11. Ефимов А. «Золотая жила Турции» // Азия и Африка сегодня. – 2003. – №8. – С. 36-38
12. Бдоян Д.Г. Периоды трансформации в российско-турецких отношениях // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – №4(55). – С. 165-182. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-4-55-165-182
13. Лапанович Е.А., Михайленко В.И. Турция и Россия в XXI веке: трудное партнерство // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. – 2016. – Т. 11, № 4 (158). – С. 132-148.
14. Цибенко В.В. В западной орбите: турецкие подходы к изучению международных отношений // Международная аналитика. – 2024. – Том 15, № 2. – С. 92–105. DOI : 10.46272/2587-8476-2024-15-2-92-105
15. Внешнеполитический дискурс ведущих субъектов турецкой политики (2010 - лето 2015 г.). Коллективная монография / под ред. В. А. Аваткова. – М.: ООО «Паблис», 2015. – 88 с.
16. Овчинников А. Не стоит забывать, что Турция поддерживала боевиков на Северном Кавказе. // Комсомольская правда. 2015. - 3 декабря. - URL <https://www.kp.ru/daily/26466.4/3336293/?ysclid=mh6qan47s8640872334>
17. Посольство Российской Федерации в Турецкой Республике. URL: <https://turkey.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/political-relations/>
18. Участники стихийного митинга закидали здание посольства Турции в Москве камнями. URL: <https://tass.ru/proisshiestviya/2471839>
19. Международные отношения между Россией и Турцией. Справка РИА. - URL: <https://ria.ru/20100507/231684035.html>
20. Углубление российско-турецких отношений: Доклад 41/2018 / [А.В. Кортунов и др.; Э. Эршен и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2018. – 132 с
21. Mohamad ARAFAT, Luqman O. Mahmood Alnuaimy. The Turkish-Russian relations in the era of AKP. URL: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/18917>

22. Tatlioglu E. Turkish-Russian Relations within the BSEC // Международные отношения. – 2022. – № 4. – С. 15-23. – DOI: 10.7256/2454-0641.2022.4.39036. – EDN: HWRBSL. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39036
23. Указ о мерах по обеспечению национальной безопасности России и защите граждан России от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турции. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50805>
24. Капралова Н.Л., Карасева Л.А. Челночный бизнес в российской экономике: роль и оценка масштабов // Экономический журнал ВШЭ. – 2005. – №3. – С. 400 - 411.
25. Возрождение нацизма в Турции – «Майн Кампф» четвертый в списке бестселлеров // REGNUM, 18.03.2005. URL: <https://regnum.ru/news/423245?ysclid=mi25vnp17n573444737>

Поступила в редакцию 23.05.2025 г.

RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE TURKISH REPUBLIC IN 1992-2022: A HISTORICAL RETROSPECTIVE

V. V. Razumnyi, K. I. Chernysheva

During 1992-2022, relations between Russia and Turkey have been constantly changing both in the political and socio-economic sense. The countries have come a long way in establishing diplomatic relations, while having different views on the policy of interaction. Developing economic cooperation on an active basis, a solid platform for political interaction has emerged. However, throughout the history of relations, there have been and are difficulties in the interaction of countries, which requires a new study of these relations. The relevance of turning to the history of relations between these countries is due to the transformation of not only bilateral relations, but also the influence of the international situation as a whole both on the positions of countries in foreign policy and on their interaction. The article touches upon the problems of political relations between countries, economic cooperation, as well as cultural exchange.

Key words: cooperation, Russian Federation, diplomatic relations, foreign policy, Turkish Republic

Разумный Виталий Витальевич

Кандидат наук, доцент кафедры всемирной истории
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru

Razumnyi Vitalii Vitalievich

Candidate of History, Docent, Associate Professor
of the Department of World History,
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, DPR, RF.
E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru

Чернышева Карина Игоревна

Магистрант кафедры всемирной истории
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: peachluna@mail.ru

Chernysheva Karina Igorevna

Master's student of the Department of World History,
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, DPR, RF.
E-mail: peachluna@mail.ru

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ МИРНЫЙ ПРОЦЕСС: АРАБСКАЯ МИРНАЯ ИНИЦИАТИВА 2002 ГОДА

© 2025 *Д. С. Янченко*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Разработка мирных инициатив по урегулированию военных конфликтов является одной из важнейших задач для мирового сообщества. Это, несомненно, касается одного из самых длительных конфликтов в истории, вытекающего из конфронтации между арабским и еврейским населением.

В данной статье предпринята попытка изучения арабской мирной инициативы 2002 г. как неотъемлемой составляющей палестино-израильского мирного процесса в XXI вв. Проанализировано как содержание мирной инициативы и ее регионально-политические аспекты, так и позиции ключевых участников конфликта. Были определены ее роль и значение для решения палестинской проблемы.

Ключевые слова: Лига арабских государств (ЛАГ), саммит, мирная инициатива, Саудовская Аравия, Израиль, палестинцы.

Палестино-израильский мирный процесс представляет собой обширный комплекс мер, направленный на решение палестинской проблемы, занимающей центральное место в ближневосточном конфликте. Особая активизация мирного процесса наблюдалась после окончания Шестидневной войны 1967 г. и в последующие десятилетия проявлялась с различной степенью интенсивности (Женевская конференция 1973 г., Кэмп-Дэвидские соглашения 1978–1979 гг., соглашения в Осло 1993 г., саммит в Кэмп-Дэвиде 2000 г. и др.). Одной из важных составляющих палестино-израильского мирного процесса выступают арабские предложения по урегулированию конфликта. Ярким примером таких предложений является арабская (саудовская) мирная инициатива от 2002 г.

Цель данной статьи заключается в изучении и анализе арабской мирной инициативы от 2002 г. как части палестино-израильского мирного процесса, а также в определении ее значения.

К моменту проведения саммита ЛАГ в Бейруте ситуация вокруг Палестины, как и ранее оставалась напряженной. Подписание соглашений в Осло в 1993 г., а затем и ближневосточный мирный саммит в Кэмп-Дэвиде 2000 г. при участии президента США Билла Клинтона, премьер-министра Израиля Эхуда Барака и председателя Палестинской автономии Ясира Арафата не принесли положительных сдвигов в решении палестинской проблемы. При этом была начата Вторая палестинская интифада (Интифада Аль-Аксы). Следовательно, содержание саммита Лиги арабских государств было обусловлено объективными как внутри, так и внешнеполитическими причинами.

В августе 2001 г. наследный принц Абдалла ибн Абдул-Азиз Аль Сауд направил президенту США Джорджу Бушу-младшему 25-страничный документ о ситуации на территориях. Он назвал поведение Израиля по отношению к палестинцам «государственным террором» и выразил протест против снисходительной политики Соединенных Штатов по отношению к Израилю. Однако, в связи с трагическими событиями 11 сентября 2001 г. (среди террористов были саудовцы) данный документ оказался вне поля зрения американского правительства. В феврале 2002 г. Абдалла ибн Абдул-Азиз встретился с представителем газеты «The New-York Times»

комментатором Томасом Фридманом. Тогда Т. Фридман выдвинул свое предположение о возможности отхода к линиям от 4 июня и создания государства для палестинцев, взамен на гарантии безопасности для Израиля и развитие с ним дипломатических и экономических отношений. Для принца это послужило поводом для удивления, так как у него уже был подготовлен подобный проект. Президент Буш приветствовал эту инициативу. Так же поступил и премьер-министр Израиля Ариэль Шарон [1].

Джошуа Тейтельбаум, профессор ближневосточных исследований университета им. Бар-Илана, отмечает: «в разговоре с Фридманом Абдулла заявил об одном принципе: полный вывод войск Израиля в обмен на «полную нормализацию отношений». Для израильтян полный вывод войск был неудачей (и не соответствовал Резолюции 242 Совета Безопасности ООН), однако израильтяне доказали свою готовность вести переговоры о глубине вывода войск. Главным призом стала «полная нормализация отношений», которая подразумевала не просто формальные дипломатические отношения, а фактическое признание, включая туризм, а также культурные и экономические отношения. Это заявление, исходившее от человека, следующего в очереди на саудовский трон, определенно стоило послушать» [2]. Для США это был искусный дипломатический ход, который предполагал некую стабилизацию ситуации в регионе, отвлечение внимания на саудовскую мирную инициативу и саммит в Бейруте со стороны арабских государств, который должен был пройти 27–28 марта, тем самым создавая необходимый политический климат для осуществления вторжения в Ирак в 2003 г.

12 марта 2002. на заседании СБ ООН была принята резолюция S / RES /1397, декларирующая следующие положения:

Совет Безопасности, ссылаясь на все свои предыдущие соответствующие резолюции, в частности резолюции 242 (1967) и 338 (1973) и с удовлетворением отмечая вклад наследного принца Саудовской Аравии Абдаллы:

1) требует немедленно прекратить все акты насилия, включая все акты террора, провокаций, подстрекательства и разрушений;

2) призывает израильскую и палестинскую стороны и их лидеров сотрудничать в осуществлении рабочего плана Тенета и рекомендаций, содержащихся в докладе Митчелла, в целях возобновления переговоров относительно политического урегулирования;

3) заявляет о поддержке усилий, предпринимаемых Генеральным секретарем и другими в целях оказания сторонам помощи в прекращении насилия и возобновлении мирного процесса;

4) постановляет продолжать заниматься этим вопросом [3].

27 марта 2002 г. в Бейруте наследный принц Саудовской Аравии выступил с речью: «Мир – это свободный и добровольный выбор, сделанный двумя равными сторонами, и он не может выжить, если он основан на угнетении и унижении. Мирный процесс основан на четком принципе: земля в обмен на мир. Этот принцип принят международным сообществом в целом, закреплён в резолюциях 242 и 338 Совета Безопасности ООН и принят на Мадридской конференции в 1991 году. Это было подтверждено резолюциями Европейского сообщества и других региональных организаций, а в этом месяце еще раз подчеркнуто резолюцией 1397 Совета Безопасности ООН. В нашем сознании и в умах наших братьев в Палестине, Сирии и Ливане ясно, что единственной приемлемой целью мирного процесса является полный вывод израильских войск со всех оккупированных арабских территорий, создание независимого палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме и

возвращение беженцев. Без продвижения к этой цели мирный процесс превращается в бесполезное упражнение, игру слов и растрату времени, которая увековечивает порочный круг насилия» [4].

Важно заметить, что 12 арабских лидеров не явились на саммит в Бейруте. Среди них был президент Египта Хосни Мубарак, король Иордании Абдалла и президент Палестинской автономии Я. Арафат. В стенограмме австралийской радиовещательной компании «LATELINE» от 27 марта 2002 г. говорится о том, что отсутствие Я. Арафата обусловлено угрозами со стороны Израиля. На это, участник интервью Набиль Шаат (министр планирования Палестинской национальной администрации) ответил так: «это высокомерие оккупанта (Израиля), который незаконно оккупирует страну, не позволяя демократически избранному президенту этой страны приехать на арабский саммит для продолжения мирного процесса» [5].

28 марта 2002 г. генеральный секретарь ЛАГ Амр Мухаммед Муса заявил о принятии первой «панарабской инициативы» по установлению мира на Ближнем Востоке. В данном случае, применение термина «панарабизм» является не совсем уместным. Во-первых, динамика участия арабских государств в решении палестинской проблемы на протяжении десятилетий показала, что палестинцы почти всегда оказывались вне действия идеи «панарабизма». Во-вторых, на саммите в Бейруте из 22 членов ЛАГ присутствовали только 10, тем самым ставя под вопрос качество обсуждения тех или иных вопросов. В-третьих, учитывая тесные политические связи Саудовской Аравии и США, тяжело сказать была ли указанная мирная инициатива чисто арабским видением общей региональной ситуации. К примеру, Сауд аль-Фейсал (министр иностранных дел Саудовской Аравии) на саммите сказал следующее: «Соединенные Штаты должны сыграть ключевую роль в продвижении к прочному миру. Когда США подталкивают Израиль к компромиссной позиции, они будут прислушиваться, даже если то, что делают Соединенные Штаты, повлияет на общественное мнение» [6].

Прежде чем перейти к содержанию арабской мирной инициативы по палестино-израильскому регулированию, хотелось бы акцентировать внимание на позиции ЛАГ по отношению к Ираку. В конечном варианте декларации саммита отвергалось любое нападение на Ирак. Также говорилось о необходимости прекращения санкций в отношении Ирака и наказания всего иракского народа. Любая угроза безопасности тому или иному арабскому государству будет расцениваться как угроза безопасности арабским государствам в целом. Но, министр иностранных дел Кувейта Мохаммед аль-Сабах выступил с явной отрицательной точкой зрения: «Ирак находится в состоянии отрицания в течение последних 12 лет. Не было никаких угрызений совести за то, что они сделали 12 лет назад. Нынешний режим – это режим, который совершил преступление против моей страны. Нынешний лидер Саддам Хусейн – это тот, кто совершил это зверское злодеяние против моей страны. Я не могу с полной совестью сказать, что кувейтцы будут грустить, если увидят смену режима в Багдаде» [7]. Фактически, через год так и произошло, что, в свою очередь, породило очередной затяжной военный конфликт на Ближнем Востоке, связанный с военной интервенцией Соединенных Штатов в Ирак и вытекающими из этого последствиями.

В основу палестино-израильского регулирования был заложен принцип, который не выделялся принципиальной новизной – «земля в обмен на мир». Данный принцип ведет свое существование с момента окончания Шестидневной войны 1967 г. и издания резолюции СБ ООН 242. Пункт 1 резолюции: «прочный мир на Ближнем Востоке подразумевает: а) вывод израильских вооруженных сил с территорий, оккупированных

в ходе недавнего конфликта; б) прекращение всех притязаний или воюющих государств, а также уважение и признание суверенитета, территориальной целостности и политической независимости каждого государства в этом районе и их права жить в мире в безопасных и признанных границах, свободных от угроз или актов силы» [8].

Бейрутская декларация от 28 марта 2002 г. призывала:

1) к полному выводу израильских войск со всех территорий, оккупированных с 1967 года, включая сирийские Голанские высоты, к границам 4 июня 1967 года, а также с оставшихся оккупированных ливанских территорий на юге Ливана;

2) достижению справедливого решения проблемы палестинских беженцев, которое должно быть согласовано в соответствии с резолюцией 194 Генеральной Ассамблеи ООН;

3) согласию на создание суверенного независимого палестинского государства на палестинских территориях, оккупированных с 4 июня 1967 года на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, со столицей в Восточном Иерусалиме.

С выполнением этих условий арабские страны подтверждали готовность:

1) считать арабо-израильский конфликт окончанным, заключить мирное соглашение с Израилем и обеспечить безопасность всех государств региона.

2) установить нормальные отношения с Израилем в контексте этого всеобъемлющего мира [9].

Особое внимание нужно обратить на пункт 4 декларации: «отказ от всех форм палестинской репатриации, которые противоречат особым условиям принимающих арабских стран». Можно предположить, что данный пункт имел своей целью обезопасить арабские государства от бесконтрольного приплыва беженцев и нарушения демографического баланса. В статье Джонатана Д. Халеви (старший научный сотрудник по Ближнему Востоку и радикальному исламу в Иерусалимском центре по связям с общественностью) отмечено: «Отвергая «патриацию» или расселение беженцев в любом арабском государстве, Арабская мирная инициатива, по сути, не оставляет каждому беженцу иного выбора, кроме как отправиться в Израиль. Арабские государства отвергли любое решение, которое предполагает «переселение [палестинцев] за пределы их домов». Арабская мирная инициатива не предусматривает переселения палестинских беженцев на Западный берег реки Иордан и в палестинское государство в секторе Газа» [10]. С одной стороны, был призыв к справедливому решению проблемы палестинских беженцев; с другой же стороны, единого механизма на возвращение палестинцев среди арабских государств не было выработано. Каждое арабское государство определяло свои условия, что в очередной раз ставит под сомнение «панарабский» характер мирной инициативы.

В день принятия Бейрутской декларации министр иностранных дел Израиля Шимон Перес заявил: «Израиль положительно относится к любой инициативе, направленной на достижение мира и нормализации. В этом отношении шаг Саудовской Аравии является важным. Но она может потерпеть крах, если терроризм не будет остановлен» [11]. Позже представитель партии «Ликуд» по вопросам внешней политики Залман Шоваль заявил ВВС, что Израиль никогда не сможет принять условия, которые касаются возвращения палестинских беженцев, живших на территориях до 1967 г. Если, к примеру, 300 или 400 тыс. палестинских беженцев вернуть в Израиль, то это будет крахом для нашего государства [12].

28 марта 2007 г. генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун на заседании саммита ЛАГ в Эр-Рияде, который подтвердил положения Бейрутской декларации от 2002 г., высказался о том, что арабская мирная инициатива является одним из столпов мирного

процесса. Эта инициатива, одобренная в «Дорожной карте», посылает четкий сигнал – арабские государства также жаждут мира [13]. Квартет по ближневосточному урегулированию (Евросоюз, Россия, США и ООН) также приветствовал подтверждение арабской мирной инициативы, отметив, что она признана в «дорожной карте» в качестве жизненно важного элемента международных усилий по укреплению мира в регионе. Арабская мирная инициатива открывает для Израиля долгожданный региональный политический горизонт, дополняя усилия «Квартета» и самих сторон по продвижению к переговорному, всеобъемлющему, справедливому и прочному миру [14].

Особая ситуация возникла вокруг ХАМАСа. 28 апреля 2002 г. новостной сайт SFGate опубликовал статью, согласно которой: «Исламское движение ХАМАС приняло условия мирного предложения Саудовской Аравии и готово прекратить нападения на Израиль, если он вернется к границам, существовавшим до 1967 года» [15]. Уже позже один из лидеров ХАМАСа Исмаил Хания категорично высказался о Бейрутской декларации: «Проблема с арабской мирной инициативой заключается в том, что она включает в себя признание государства Израиль, которое палестинцы не примут» [16].

На саммите в Эр-Рияде 2007 г. И. Хания призвал арабских лидеров не идти на компромисс в вопросе о праве палестинских беженцев вернуться в свои дома в Израиле – «то, что беспокоит меня больше всего на свете... заключается в том, чтобы не идти на компромисс в отношении фундаментальных прав палестинцев, прежде всего права на возвращение. Пресс-секретарь ХАМАСа в палестинском парламенте Салах аль-Бардавилль для газеты «Гаарец»: «Мы не согласимся ни на признание Израиль, ни на мир с ним. У нас нет проблем с той частью инициативы, которая призывает к созданию палестинского государства в границах 1967 года и праву беженцев на возвращение» [18]. Так, позиция ХАМАСа больше сводилась к Хартумской резолюции от 1967 г., провозглашающей принцип «трех нет»: «нет мира с Израилем, никакого признания Израиль, никаких переговоров с ним ...».

В 2013 г. госсекретарь США Джон Керри после встречи с членами Лиги арабских государств отметил готовность арабских государств принять решение о двух государствах на основе линии от 4 июня 1967 года, с возможностью сопоставимого и взаимно согласованного незначительного обмена землями. Израиль же возражает против ключевых пунктов, включая возвращение к границам 1967 года, включение арабского Восточного Иерусалима в состав палестинского государства и возвращение палестинских беженцев на территорию, которая сейчас является Израилем [19]. Справедливо подчеркнуть слова Турции аль-Фейсала (Посол Саудовской Аравии в США в 2005–2007 годах) в «Washington Post»: «Если мирное соглашение действительно является целью, Израиль должен прекратить все провокационные действия, такие как продолжение строительства поселений на палестинских землях, что является явным нарушением международного права. Если этого не произойдет, то мир придет к выводу, что Израиль заинтересован только в увеличении своей мощи и своей позиции на переговорах» [20].

Не вызывает сомнения тот факт, что арабская мирная инициатива была прогрессивным шагом в развитии палестино-израильского мирного процесса, включающим в себя официальное, коллективное арабское представление о будущем Палестины и Израиля. Однако, не будем забывать, что в принятии Бейрутской декларации 2002 г. не участвовали 12 представителей, в том числе и Палестины. В сравнении с Хартумской резолюцией, о которой было сказано выше, Бейрутская декларация была явным сдвигом в сторону конструктивного диалога между арабскими государствами и Израилем, но это не помогло в нахождении точек соприкосновения в политических и стратегических интересах между участниками конфликта.

Говорить о конкретных практических результатах арабской мирной инициативы, учитывая формулировки вокруг проблемы палестинских беженцев и отсутствие безопасности палестинских граждан из-за вооруженных столкновений (операция «Летние дожди» 2006 г., операция «Литой свинец» 2009 г., операция «Облачный столп» 2012 г. и ряд других) очень тяжело. Бейрутская декларация 2002 г. показывает, как могло бы быть, а не как будет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Akiva Eldar. What Arab initiative? Haaretz. URL: <https://web.archive.org/web/20081013172643/http://www.haaretz.com/hasen/pages/833589.html> (дата обращения: 20.01.2025)
2. Teitelbaum Joshua. The Arab Peace Initiative: A Primer and Future Prospects. Jerusalem Center for Public Affairs, 2009. – 40 p.
3. Резолюция 1397 (2002) / Колобов О.А. (ред.) // Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт. – Том II. – Институт стратегических исследований Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 2008. – С. 512–513.
4. Speech by HRH Prince Abdullah bin Abdulaziz Al-Saud Crown Prince, Deputy Prime Minister, and Commander of the National Guard of the Kingdom of Saudi Arabia before the Fourteenth Arab Summit in Beirut, Lebanon March 27-28, 2002. The Embassy of the Kingdom of Saudi Arabia. – URL: <https://www.saudiembassy.net/press-release/speech-hrh-prince-abdullah-bin-abdulaziz-al-saud-crown-prince-deputy-prime-minister> (дата обращения: 20.01.2025)
5. Arab leaders stay away from peace summit. LATELINE, Late night news & current affairs. – URL: <https://web.archive.org/web/20071205055954/http://www.abc.net.au/lateline/stories/s515346.htm> (дата обращения: 20.01.2025)
6. Arab summit adopts Saudi peace initiative. CNN. – URL: <https://edition.cnn.com/2002/WORLD/meast/03/28/arab.league/> (дата обращения: 20.01.2025)
7. Arab summit rejects any attack on Iraq. CNN. – URL: <https://edition.cnn.com/2002/WORLD/meast/03/28/summit.iraq/index.html> (дата обращения: 20.01.2025)
8. Резолюция СБ ООН 242 / Колобов О.А. (ред.) // Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт. – Том II. – Институт стратегических исследований Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 2008. – С. 450–451.
9. Beirut Declaration on Saudi Peace Initiative March 28, 2002. Israeli Ministry of Foreign Affairs. – URL: <https://web.archive.org/web/20070509082807/http://www.israelmfa.gov.il/MFA/Peace%2BProcess/Guide%2Bto%2Bthe%2BPeace%2BProcess/Beirut%2BDeclaration%2Bon%2BSaudi%2BPeace%2BInitiative%2B-%2B28-.htm> (дата обращения: 20.01.2025)
10. Halevi Jonathan D. The Palestinian Refugees on the Day After "Independence". Jerusalem Center for Public Affairs. – URL: https://web.archive.org/web/20101210172831/http://www.jcpa.org/JCPA/Templates/ShowPage.asp?DRIT=0&DBID=1&LNGID=1&TMID=111&FID=582&PID=0&IID=5393&TTL=The_Palestinian_Refugees_on_the_Day_After_%E2%80%9CIndependence%E2%80%9C9D (дата обращения: 20.01.2025)
11. Response of FM Peres to the decisions of the Arab Summit in Beirut - 28-Mar-2002. Israeli Ministry of Foreign Affairs. – URL: <https://web.archive.org/web/20070827180039/http://www.mfa.gov.il/mfa/about%20the%20ministry/mfa%20spokesman/2002/response%20of%20fm%20peres%20to%20the%20decisions%20of%20the%20arab> (дата обращения: 20.01.2025)
12. Arab leaders relaunch peace plan. BBC. – URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/6501573.stm (дата обращения: 20.01.2025)
13. Secretary-General Ban Ki-moon's address to the League of Arab States in Riyadh. United Nations. – URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2007-03-28/secretary-general-ban-ki-moons-address-league-arab-states-riyadh> (дата обращения: 20.01.2025).
14. Joint Statement of the Quartet. U.S. Department of State. – URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2007/may/85784.htm> (дата обращения: 10.05.2024)
15. Hamas would accept Saudi peace plan, spokesman says / Group would stop attacks on Israelis if occupation ends. SFGate. – URL: <https://www.sfgate.com/politics/article/Hamas-would-accept-Saudi-peace-plan-spokesman-2844179.php> (дата обращения: 20.01.2025)
16. Haneya Reiterates Hamas Rejection to Arab Peace Initiative. Xinhua News Agency. URL: https://web.archive.org/web/20101025174350/http://china.org.cn/international/world/2006-10/09/content_1183209.htm (дата обращения: 20.01.2025)

17. Arab states unanimously approve Saudi peace initiative. Haaretz. URL: <https://web.archive.org/web/20081013172643/http://www.haaretz.com/hasen/spages/833589.html> (дата обращения: 20.01.2025)
18. Arab states back Israel-Palestine land swaps. Al Jazeera. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2013/4/30/arab-states-back-israel-palestine-land-swaps> (дата обращения: 20.01.2025)
19. Peace for the Mideast by Turki al-Faisal. The Washington Post Company. URL: https://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/12/25/AR2008122500666_pf.html (дата обращения: 20.01.2025)

Поступила в редакцию 19.05.2025 г.

PALESTINO-ISRAELI PEACE PROCESS: 2002 ARAB PEACE INITIATIVE

D. S. Yanchenko

The development of peace initiatives to resolve military conflicts is one of the most important tasks for the world community. This undoubtedly concerns one of the longest conflicts in history, arising from the confrontation between the Arab and Jewish populations.

This article attempts to study the Arab peace initiative of 2002 as an integral component of the Palestinian-Israeli peace process in the 21st century. Both the content of the peace initiative and its regional and political aspects, as well as the positions of the key participants in the conflict, are analyzed. Its role and significance for solving the Palestinian problem were determined.

Key words: League of Arab States (LAS), summit, peace initiative, Saudi Arabia, Israel, Palestinians.

Янченко Дмитрий Сергеевич

аспирант

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, ДНР, РФ.

E-mail: dmitry_yanchenko@inbox.ru

Yanchenko Dmitry Sergeevich

Postgraduated student,

FSBEI HE «Donetsk State University»

Donetsk, DPR, RF.

E-mail: dmitry_yanchenko@inbox.ru

ФИЛОСОФИЯ

УДК 172.4

DOI: 10.5281/zenodo.17897282

EDN: WSFBTZ

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ КАК ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

© 2025 *И. И. Бартагариева*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье рассматривается взаимосвязь социальных механизмов контроля и качества жизни в контексте философского анализа. Проводится разграничение понятий формального и неформального контроля, изучается их влияние на личную свободу, моральные нормы и социальную справедливость. Особое внимание уделяется проблеме баланса между социальной стабильностью и индивидуальной автономией, а также философским основаниям оценки качества жизни в обществе. Сделан вывод о том, что социальный контроль и качество жизни являются тесно взаимосвязанными, но потенциально конфликтующими феноменами. Философские подходы к социальному контролю варьируются от восприятия его как позитивной силы порядка до критики как инструмента подавления и манипуляции. Общим в них является стремление понять пределы допустимого вмешательства общества в частную жизнь, а также выработать нормативные критерии легитимности таких вмешательств.

Ключевые слова: социальный контроль, качество жизни, свобода, нормы, мораль.

Введение. Современное общество характеризуется высокой степенью сложности и дифференциации социальных связей. В условиях интенсивного развития процессов глобализации и цифровизации возникает социокультурный запрос на новые, более эффективные механизмы управления общественными процессами. Одним из таких механизмов является социальный контроль, направленный на поддержание стабильности и соблюдения норм правового, этического и цивилизационного порядка. Феномен контроля тесно взаимодействует с качеством жизни, которое отражает уровень благосостояния, свободы и удовлетворенности жизнью членов общества. Проблема заключается в том, что усиление социальных механизмов контроля способно как способствовать улучшению качества жизни (через безопасность, равенство и порядок), так и угрожать ему (путем ограничения свобод, навязывания определенных норм и деперсонализацию). Этот диалектический конфликт требует философского осмысления.

Цель статьи: выявление мировоззренческих оснований и взаимосвязей феномена социального контроля и качества жизни.

По отдельности вопросы социального контроля и качества жизни исследовали многие авторы. Среди них: И. Берлин [12], Е.Ю. Захарова [2], А.Е. Мануйлов [3], А.В. Петров, С.Е. Жичкина [4], О.А. Путчева [5], Л.И. Рогачева [6], Т.Д. Соколова [7], А.А. Стариков [8], О.В. Филимонова [9; 10], М. Фуко [13], А.В. Щеткин [11] и др. При этом аспект взаимной связи социального контроля и качества жизни остается практически не освещенным в научной литературе, хотя эта связь вполне очевидна.

Основная часть. Социальный контроль не был привычной темой философской рефлексии до середины XX в., хотя корни философской разработки этой проблематики

можно найти уже в трудах античных авторов, таких как Платон и Аристотель, которые рассуждали о вопросах власти, общественной гармонии и полисного уклада жизни. В XX в. внимание к проблемам контроля, дисциплины и бытия личности со стороны философов и гуманитариев в целом привлек М. Фуко, написавший известное произведение «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» [13]. Обобщая существующие на сегодняшний день исследования в обозначенной области, можно утверждать, что социальный контроль в философском контексте трактуется как совокупность формальных и неформальных механизмов, регулирующих поведение индивидов с целью обеспечения общественного порядка. Философы с древности рассматривали общественные нормы и санкции как инструмент согласования индивидуальных интересов с коллективными.

По мнению А.Е. Мануйлова, понятие «социальный контроль» базируется на следующих концептах: «1) общественный контроль наряду с контролем «сверху», то есть с государственным, представляет собой одну из разновидностей контроля вообще; 2) данный вид контроля представляет собой активную деятельность институтов общества и отдельных граждан, направленную на выявление и пресечение нарушений со стороны органов власти и должностных лиц; 3) такая форма контроля предполагает также осуществление систематического надзора за функционированием госорганов в целях совершенствования государственного управления; 4) общественный контроль является ключевым фактором выражения доверия народа государству и его органам; 5) итогами осуществления общественного контроля могут быть самые радикальные последствия вплоть до изменения существующей формы правления в стране» [3, с. 148–149].

Осмысление феномена социального контроля в философии представляет собой сложный и многоплановый процесс, в рамках которого различные школы и направления вырабатывали собственные интерпретации сущности, функций и допустимых границ контроля в обществе. Основные философские подходы, раскрывающие проблему социального контроля, могут быть классифицированы следующим образом:

1. Подход классической античной философии, суть которого выражается в идее контроля как выражения разумного порядка – космоса, присущего всему бытию – как природному, так и социальному, а также самому человеку как микрокосму. Античные мыслители трактовали социальный контроль как необходимое условие достижения гармонии и справедливости в полисе. Платон в «Государстве» рассматривал контроль как инструмент поддержания иерархически организованного общества, где каждый человек выполняет предначертанную функцию. Контроль должен быть жестким, но направленным на благо целого. Аристотель делал упор на воспитание добродетелей и важность закона как меры, согласующей личные устремления с общественным благом [1, с. 256]. Для него социальный контроль – не принуждение, а форма формирования этически зрелого гражданина. Таким образом, контроль воспринимался античными мыслителями как нормативно оправданный механизм поддержания космического и социального порядка.

2. Модернистский подход к вопросу контроля ознаменовался движением мысли от идеи легитимности государственной власти к автономии личностного бытия. В Новое время в центре внимания философии оказывается вопрос легитимности социального контроля и его соотношения с правами индивида. Т. Гоббс рассматривал контроль как условие предотвращения «войны всех против всех». Для него «Левиафан» – государство – воплощало абсолютный контроль, без которого невозможна безопасность и сама жизнь в социуме. Дж. Локк и Ж.-Ж. Руссо развивали идею

общественного договора следующим образом: контроль допустим только как результат рационального соглашения свободных индивидов. Контроль теряет легитимность, если нарушает естественные права человека. Итак, в Новое время контроль перестает быть «данностью» и становится договорным инструментом, подлежащим постоянной моральной и политической оценке.

3. Подход, выраженный в философии постмодернизма, наиболее полно исследует контроль как форму власти и господства. В философии XX века контроль рассматривается не нейтрально, а как проявление властных отношений, часто маскирующихся под нейтральные или даже прогрессивные формы. К. Маркс, который, безусловно, не относится к философии постмодернизма, но идеи которого стали одним из самых влиятельных факторов, определивших интеллектуальную жизнь философов XX века, подчеркивал, что контроль в буржуазном обществе направлен на воспроизводство классового господства. Идеологические институты (школа, церковь, культура) действуют как формы опосредованного контроля. М. Фуко развивает концепцию дисциплинарной власти, суть которой заключается в том, что современное общество не нуждается в репрессиях: оно контролирует себя через наблюдение, повсеместную стандартизацию, медицину, в особенности – психиатрию. Философ вводит понятие паноптицизма как модели невидимого, но всепроникающего контроля [12, с. 95]. Контроль в данном контексте осмысливается как тотализация повседневности, где сама свобода становится иллюзией, встроенной в систему управления.

4. Подход, выраженный в герменевтике XX века и экзистенциализме, акцентирует идею того, что контроль – это вызов свободе и подлинности человеческого бытия. Философы экзистенциальной ориентации (С. Кьеркегор, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер) поднимают вопрос о том, как социальный контроль влияет на аутентичность существования. В условиях давления норм и общественных ожиданий индивид сталкивается с угрозой обезличивания, подмены подлинного выбора конформизмом. Контроль здесь рассматривается не только как внешнее давление, но и как внутренняя установка, когда человек сам принимает навязанные ему смыслы (Так, Ж.-П. Сартр подчеркивал, что человек осужден быть свободным, но он уклоняется от этой свободы [3, с. 148]). Контроль воспринимается как экзистенциальная проблема: он препятствует свободе быть собой.

5. Подход коммуникативной философии выражается в идее легитимного контроля через широкий диалог. Многие современные философы (например, Ю. Хабермас) делают акцент на необходимости коммуникативной рациональности как основы легитимного контроля. Контроль не может быть основан только на власти или принуждении – он должен рождаться в процессе общественного диалога, где граждане участвуют в выработке норм. Основой становится дискурсивная этика, при которой только те формы контроля допустимы, которые могут быть обоснованы всем участникам обсуждения как разумные и справедливые. Таким образом, контроль превращается в совместно разделяемый механизм саморегуляции, а не в одностороннее давление.

На сегодняшний день социальный контроль является одной из ценностей общественного бытия, гарантирующей повторяемость, безопасность, стабильность многих значимых социальных процессов. При этом социальный контроль нередко вступает в противоречие с другой ценностью современного мира – свободой. Свобода и социальный контроль являются двумя понятиями, находящимися в состоянии сложной и многозначной связи. С одной стороны, социальный контроль необходим для обеспечения порядка, предотвращения хаоса и защиты прав. С другой – он может вступать в конфликт с личной свободой, особенно если контроль становится

чрезмерным, навязчивым или скрытым. Философское осмысление этой дихотомии позволяет глубже понять, где проходит граница между допустимым регулированием и угрожающим подавлением личности.

Свобода в трактовке большинства известных философских систем – от И. Канта до К. Маркса и И. Берлина, – это не абсолютная вседозволенность, а возможность действовать по собственной воле, соблюдая при этом нормы, согласованные с другими членами общества. Это означает, что свобода неотделима от ответственности и ограничена свободой другого. Здесь возникает необходимость социального контроля как механизма, регулирующего пересечение интересов индивидов. В либеральной традиции (Дж. Ст. Милль, И. Берлин и другие) различают свободу «от» (негативная свобода) и свободу «для» (позитивная свобода). Контроль, по И. Берлину, может разрушать негативную свободу, но быть необходимым условием существования свободы позитивной, выражающейся в самореализации, образовании, защите прав [13, с. 201]. В этом смысле контроль выступает парадоксальным спутником свободы: он одновременно и ограничивает ее, и делает возможной.

В кантовской трактовке свобода выступает, прежде всего, в качестве мировоззренческой автономии. И. Кант в своем этическом учении, изложенном в «Критике практического разума», связывал свободу не с произволом, а с автономией воли, то есть с подчинением моральному закону, который человек сам себе дает как разумное существо. В таком понимании контроль может быть не внешним давлением, а формой внутреннего морального самоконтроля, возникающего из сознания долга [7, с. 146]. Общество, основанное на разумной автономии индивидов, не нуждается в жестком внешнем контроле, так как его заменяет этическая саморегуляция.

В рамках марксистской и постмодернистской традиций (К. Маркс, Ф. Энгельс, А. Грамши, М. Фуко, Т. Адорно) социальный контроль рассматривается как инструмент господства, скрывающийся под маской нормы, закона или идеологии.

М. Фуко понимал свое собственное философское творчество как акт свободы, как «развернутое полотно, сотканное из разнородных идей, продуцируемых пространством как особым творческим полем» [5, с. 44]. Философ подробно анализирует механизмы и процессы, посредством которых современное общество производит «нормальных» граждан с помощью дисциплинарных практик: школ, больниц, армий, тюрем [13, с. 185, 202, 265]. Контроль становится институционализированной формой власти, внедренной в тело и сознание человека, лишаящей его подлинной свободы даже без прямого насилия. Такой подход поднимает вопрос о «мягких» формах несвободы, которые выглядят как добровольные (например, следование моде, алгоритмам, социальным ролям), но на деле подчиняют индивида внешней воле.

Свобода в философии XIX и XX вв. нередко рассматривается как сопротивление контролю. Так, у Ф. Ницше как представителя философии жизни, а также в экзистенциальной философии (Ж.-П. Сартр, А. Камю и другие) свобода понимается как способность к самотворчеству, выходу за пределы навязанных норм, акту выбора себя, заботы о себе, чувству собственной экзистенции. Контроль – это всегда вызов свободе, которая проявляется через бунт, отказ, трансгрессию. По Ж.-П. Сартру, человек осужден быть свободным, но большинство отказывается от этой свободы, уклоняясь в «дурную веру», принимая готовые правила как самоочевидные [2, с. 261]. А. Камю подчеркивал, что свобода раскрывается в абсурдном сопротивлении системе, даже если оно не приносит победы. Таким образом, свобода обретает онтологическое и героическое измерение: она существует только в преодолении контроля и навязанных идентичностей. Особую роль при этом играют повседневные антропологические практики.

«Повседневность живет экзистенциально – антропологическими практиками глубины и полноты», которые «...предстают как практики освобождения и свободы от отчужденных сил истории, культуры, цивилизации – от всего того, что стало фетишем, превращенной формой, идеологемой, комплексом – иной другой максимально отчужденной и гипостазированной структурой, не дающей человеку быть самим собой, вступить в круг экзистенции, круг смысла, деятельности, сопричастности, общительности, со-отношения», – пишет в своей работе Е.Ю. Захарова [2, с. 362–363].

Современная философия содержит попытки найти и раскрыть этические и политические аспекты баланса свободы и социального контроля. Как справедливо отмечает в своей работе Т.Д. Соколова, «Функционирование любой государственной системы неизбежно связано с выстраиванием различных схем взаимодействия властных и общественных институтов» [7, с. 141]. Современные демократические теории (Ю. Хабермас, А. Сен) предлагают искать пути гармонизации контроля и свободной воли граждан не через противопоставление, а через согласие. Контроль легитимен, если он основан на справедливых процедурах и подотчетен гражданам. Свобода – это не просто отсутствие принуждения, а возможность участия в принятии решений, в том числе касающихся норм и правил. Ю. Хабермас предлагает модель коммуникативного действия, в которой нормы рождаются в ходе свободного обсуждения. Такой контроль не отменяет свободы, а становится ее коллективным выражением [9, с. 73]. Свобода является базовой ценностью гражданского общества. Мировой опыт «свидетельствует о необходимости умеренного государственного регулирования экономики и общественных отношений. Но такое регулирование не отрицает всей важности формирования полноценного гражданского общества как силы, не столько противостоящей государству, сколько сотрудничающей с ним» [6, с. 123].

Проблема соотношения свободы и социального контроля не имеет окончательного решения. Это философская антиномия, требующая постоянной рефлексии и переоценки. Контроль может быть как условием свободы, так и угрозой ей как аксиологической доминанте современного общества. Свобода, в свою очередь, может проявляться как сознательное принятие норм, а может – как сопротивление им. Задача философии – выявить, где заканчивается необходимый порядок и начинается угроза личности, и тем самым помочь обществу строить контроль, не разрушающий свободу, а раскрывающий ее возможности.

Что касается вопроса качества жизни, то в философии это понятие неразрывно связано с понятиями блага и счастья. В античной традиции (Аристотель, перипатетики, стоики) оно соотносилось с реализацией «телоса» – природного предназначения человека. В Новое время (И. Бентам, Дж. Милль) в центр оценки ставится утилитаризм, согласно которому качество жизни определяется через максимум удовольствий и минимум страданий. В XX в. акцент смещается к экзистенциальному восприятию жизни: вслед за С. Кьеркегором Ж.-П. Сартр и А. Камю подчеркивают, что истинное качество жизни связано с подлинностью существования, свободой выбора и самореализацией, а не только с материальными или институциональными показателями. В целом, философское осмысление качества жизни включает как объективные критерии (здоровье, безопасность, образование), так и субъективные (смысл, свобода, автономия). Как пишет А.В. Щеткин, «развитие представлений о качестве жизни в рамках философского подхода характеризуется большим разнообразием трактовок самого понятия, различным пониманием сущности высокого качества жизни, которое отождествлялось с духовной свободой человека, его моральным совершенством, с состоянием счастья, с добродетелью и др.» [11, с. 157].

Социальный контроль, выступая в роли стабилизатора общественной жизни, может способствовать повышению качества жизни через:

- обеспечение безопасности (правовой порядок);
- формирование справедливых институтов (гарантии прав);
- распространение позитивных норм (гуманизм, солидарность).

Однако чрезмерный контроль (тоталитарные режимы, цифровая слежка, цензура) ведет к целому ряду негативных последствий, среди которых следует выделить следующие:

- ограничение свободы самовыражения;
- утрата индивидуальности;
- формирование страха и гипертрофированного конформизма.

Между контролем и качеством жизни существует парадоксальная связь: контроль необходим, но его избыток разрушителен. В философском измерении это выражается в проблеме баланса между индивидуальной автономией и общественной необходимостью. Современная культура движется в сторону возрастания индивидуализации, что означает, в том числе, возвышение значимости личной ответственности и самоконтроля: «...сегодня востребована внешняя цензура и совершенствование системы правового контроля, однако особую важность приобретает фактор самоконтроля, опирающийся на потенциал культурного ресурса и его динамику» [9, с. 76–77]. В данном контексте современные исследователи пишут о построении экономики счастья, основанной на осознании людьми взаимной зависимости и взаимной ответственности. По словам А.А. Стариковой, «В ходе стремления к истинному счастью, человек неизбежно сталкивается с интересами других лиц и приходит к выводу о неотделимости блага общего и личного. И первое, и второе достигается в единстве материальных и духовных аспектов жизни и в процессе трудовой деятельности, в ходе которой раскрываются таланты человека и таким образом достигается счастье» [8, с. 71].

Философия права и этики указывает, что моральное измерение социального контроля определяется не только его эффективностью, но и его справедливостью. Контроль, не уважающий достоинство личности, даже при достижении внешнего порядка ухудшает подлинное качество жизни. Свобода, контроль и качество жизни во всей полноте своих взаимосвязей отражены в трудовых отношениях. Как пишут в своем исследовании А.В. Петров и С.Е. Жичкина, «трудовая деятельность, а, как следствие, приобретение собственности, права на определенный вид имущества, в определенной мере совершенствуют личность, предоставляя субъекту ряд возможностей, не являясь абсолютным условием его диалектического развития» [4, с. 25].

Политическая философия (представленная, например, трудами Ю. Хабермаса) утверждает, что легитимность контроля возможна только при его демократическом происхождении и согласии граждан. Это приводит к важности гражданского участия, прозрачности власти и институциональной подотчетности.

Выводы. Таким образом, социальный контроль и качество жизни – это два взаимосвязанных, но потенциально конфликтующих феномена. Их философское осмысление позволяет выйти за рамки поверхностного понимания эффективности и удовлетворенности и обратиться к глубинным вопросам свободы, справедливости, смысла и достоинства. Философские подходы к социальному контролю варьируются от восприятия его как позитивной силы порядка до критики как инструмента подавления и манипуляции. Общим в них является стремление понять пределы допустимого

вмешательства общества в частную жизнь, а также выработать нормативные критерии легитимности таких вмешательств. Это делает философский анализ контроля незаменимым инструментом в построении справедливого и свободного общества. Платон в своем «Государстве» обосновывал необходимость жесткой регламентации жизни граждан во имя идеального порядка, в то время как Аристотель подчеркивал роль привычки и добродетели в формировании социального единства. В Новое время философы, такие как Т. Гоббс и Ж.-Ж. Руссо, анализировали проблему легитимности контроля: от абсолютной власти до общественного договора. Современная философия (особенно в рамках неомарксизма и постструктурализма) рассматривает социальный контроль как проявление властных отношений, где нормы и институты формируют не только поведение, но и саму идентичность человека (М. Фуко, П. Бурдьё и др.).

Перспективы дальнейших исследований проблемы связи контроля и качества жизни, на наш взгляд, должны исходить из того, что философия призвана не только диагностировать угрозы, связанные с чрезмерным контролем, но и предложить нормативные ориентиры для построения справедливого общества, в котором социальный порядок служит человеку, а не наоборот.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Политика / Аристотель. – М.: Рипол Классик, 2016. – 528 с.
2. Захарова Е.Ю. Искусство быть человеком: необходимость антропологических практик / Е.Ю. Захарова // Известия Саратовского университета. Философия. Психология. Педагогика. – 2020. – Т. 20, вып. 4. – С. 259–363.
3. Мануйлов А.Е. Философско-теоретические концепты понятия «общественный контроль» / А.Е. Мануйлов // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 12. – С. 147–149.
4. Петров А.В., Жичкина С.Е. Метафизический дуализм в диалектическом определении собственности / А.В. Петров, С.Е. Жичкина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2016. – Т. 16, № 1. – С. 22–27.
5. Путчева О.А. Смыслообразующие функции пространственной координаты культуры в философской концепции М. Фуко / О.А. Путчева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2021. – Т. 21, вып. 1. – С. 43–47.
6. Рогачева Л.И. Общественные связи как фактор формирования гражданского общества в современной России / Л.И. Рогачева // Вестник РУДН, Серия «Юридические науки». – 2014. – № 4. – С. 123–129.
7. Соколова Т.Д. Идея гражданского контроля в европейской политико-правовой мысли / Т.Д. Соколова // Вестник РУДН. Серия «Социология». – 2015. – № 1. – С. 141–148.
8. Старикова А.А. К вопросу о взаимосвязи общественного и субъективного благополучия в экономике счастья (философский аспект) / А.А. Старикова // Вопросы управления. – 2019. – № 2 (38). – С. 66–74.
9. Филимонова О.В. «Культура контроля»: социально-философское измерение / О.В. Филимонова // Economy, Governance and Law Basis. – 2023. – № 2 (37). – С. 72–77.
10. Филимонова О.В. Перемены перемен: социальность и дефицит защиты / О.В. Филимонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2021. – Т. 21, вып. 3. – С. 298–303.
11. Щеткин А.В. Качество жизни в контексте философского знания / А.В. Щеткин // Вестник ОГУ. – 2007. – № 7. – С. 154–157.
12. Berlin I. Two Concepts of Liberty / Berlin I. – Oxford: Clarendon Press, 1969. – 325 p.
13. Foucault M. Surveiller et punir: Naissance de la prison / M. Foucault. – Paris: Gallimard, 1975. – 352 p.

Поступила в редакцию 27.08.2025 г.

**SOCIAL CONTROL AND QUALITY OF LIFE AS PROBLEMS OF PHILOSOPHICAL
COMPREHENSION**

I. I. Bartagariyeva

The article examines the relationship between social control mechanisms and quality of life in the context of philosophical analysis. A distinction is made between the concepts of formal and informal control, their impact on personal freedom, moral norms and social justice. Special attention is paid to the problem of the balance between social stability and individual autonomy, as well as the philosophical foundations for assessing the quality of life in society. It is concluded that social control and quality of life are closely interrelated but potentially conflicting phenomena. Philosophical approaches to social control range from perceiving it as a positive force of order to criticizing it as a tool of suppression and manipulation. Their common feature is the desire to understand the limits of acceptable public interference in private life as well as to develop normative criteria for the legitimacy of such interventions.

Key words: social control, quality of life, freedom, norms, morals.

Бартагариева Ирина Ириковна

старший преподаватель кафедры философии,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: i.i.bartagariyeva@mail.ru

Bartagariyeva Irina Irikovna

Senior Lecturer of the Chair of Philosophy,
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, DPR, RF.
E-mail: i.i.bartagariyeva@mail.ru

ПРЕДЕЛЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОГРАНИЧЕННОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

© 2025 О. И. Елхова

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

В статье рассматриваются философские основания и ограничения рациональности искусственного интеллекта в контексте принятия решений. Автор анализирует различие между эпистемической и практической рациональностью, акцентируя внимание на последней как основе работы рациональных агентов. Центральное место занимает концепция ограниченной рациональности, согласно которой принятие решений осуществляется в условиях неполной информации, когнитивных ограничений и ограниченных вычислительных ресурсов. Обосновано, что идеальная рациональность недостижима, а наиболее адекватной моделью для ИИ является ограниченная рациональность. Рассмотрены четыре типа рациональности: *идеальная, вычислительная, ограниченная и ограниченная оптимальность*, с выводом о практической применимости именно *ограниченной рациональности* в разработке интеллектуальных систем. Подчеркивается важность учета этих ограничений в создании адаптивных алгоритмов и концепции «человека в контуре» для повышения надежности решений.

Ключевые слова: ограниченная рациональность, искусственный интеллект, практическая рациональность, рациональный агент, принятие решений, человек в контуре.

Концепция рациональности в философии восходит к Аристотелю, который выделял два ее вида: эпистемическую и практическую. Первая связана с обоснованностью убеждений, вторая – с действиями и принятием решений. Такое разграничение отражает различие между процессом рассуждения и фактическим поведением. В эпистемическом смысле рациональность предполагает наличие аргументированного и надежно сформированного убеждения. Однако даже противоречивые суждения могут сохранять рациональный характер, если они обоснованы с точки зрения используемых методов познания.

Аристотель подчеркивает, что процесс рассуждения и само поведение представляют собой разные феномены. В настоящее время большее внимание уделяется рациональному поведению, поскольку оно связано с практическими результатами, для его описания используется понятие «рационального агента» – субъекта, принимающего решения, направленные на достижение оптимального результата, в том числе в условиях неопределенности. Практическая рациональность существенно отличается от эпистемической рациональности, которая сосредоточена на соответствии рассуждений логическим принципам. В отличие от эпистемической, она охватывает не только логические аспекты, но и мотивацию, желания, учитывает реальные ограничения, направлена на принятие решений и выбор наилучшего варианта действий в конкретных условиях. Именно эта функция закладывается в основу работы искусственного интеллекта, который должен анализировать данные, прогнозировать возможные последствия и определять наиболее эффективные решения. Такой процесс во многом напоминает человеческое практическое мышление, ориентированное на достижение целей, а не только на обоснование убеждений. Понятие «рационального агента» стало ключевым в дискурсе об искусственном интеллекте [1, с. 11-16]. В контексте искусственного интеллекта под рациональным агентом полагается система, способная анализировать данные, прогнозировать последствия действий и выбирать

оптимальное решение с учетом заданных параметров в условиях неопределенности. В настоящей работе целью исследования является выявление философских оснований и пределов рациональности искусственного интеллекта, поскольку в современных условиях все более актуальным становится детальный анализ его ограничений при обработке информации и принятии решений. Активное внедрение интеллектуальных систем в критически важные сферы жизнедеятельности человека требует пересмотра границ их рациональности и факторов, влияющих на точность и обоснованность принимаемых решений.

Основная часть. Несмотря на то, что искусственный интеллект изначально создавался для моделирования человеческого интеллекта, стоит признать, что решение человека не всегда может быть рациональным и приводить к оптимальным результатам, зачастую оказывается предвзятым. В этой связи стоит вспомнить концепцию *ограниченной рациональности* Г. Саймона, объясняющую процесс принятия решений через призму когнитивных ограничений индивидов и неполноты доступной информации. Данные взгляды существенно отличаются от традиционных представлений, когда человек рассматривается как полностью рациональный агент, способный всегда выбирать наилучший вариант, основываясь на объективном анализе. Классическая теория рациональности, словно не замечая своих скрытых предпосылок, исходит из убеждения, что индивиды обладают исчерпывающим знанием всех возможных альтернатив и их последствий. В свою очередь, Г. Саймон подчеркивает, что в реальных условиях люди редко стремятся к абсолютному оптимуму. Вместо этого они руководствуются принципом удовлетворительности, предпочитая решения, которые кажутся достаточно хорошими, но не обязательно являются наилучшими. В этом контексте рациональность играет ключевую роль, объясняя механизмы принятия решений. Когнитивные ограничения человека Г. Саймон образно сравнивал с одним лезвием ножниц, а структуру окружения – с другим лезвием: разум «режет» эффективно только благодаря взаимодействию ограниченных способностей с подсказками среды [2, с. 198-199]. Теория *ограниченной рациональности* ставит под сомнение представление о том, что человек способен принимать решения, опираясь исключительно на объективные данные, без воздействия эмоций и когнитивных искажений, подчеркивая, что рациональность определяется не только итоговым результатом, но и самим процессом выбора. В действительности принятие решений включает анализ доступной информации, учет временных рамок и оценку значимости возможных альтернатив. Когнитивные барьеры, нехватка знаний и влияние внешней среды также препятствуют достижению идеального результата. Актуальность данных положений находит подтверждение в исследованиях, посвященных вызовам цифровой эпохи, где подчеркивается, что современные информационно-коммуникативные технологии, включая искусственный интеллект, создают новые типы вызовов, требующих переосмысления традиционных оснований рациональности [3, с. 27-30].

Вопрос рациональности искусственного интеллекта непосредственно связан с процессами восприятия и обработки информации. Такие аспекты проявляются не только в когнитивных ограничениях алгоритмов, но и в специфике взаимодействия человека с цифровой средой, включая виртуальную реальность. В данной среде структурные метрики феноменологического опыта оказывают влияние на субъективные механизмы принятия решений. Анализ феноменологии виртуального опыта показывает, что процесс восприятия цифрового пространства основывается на принципах, схожих с концепцией ограниченной рациональности. В ходе взаимодействия с виртуальной средой человек синтезирует сенсорные данные из обоих

миров: физического и цифрового, что способствует формированию адаптивных когнитивных стратегий. Концепция полевой интерференции реального и виртуального в исследовании феноменологического опыта демонстрирует, что рациональность в цифровом пространстве нельзя свести к простому алгоритму оптимизации [4, с. 1003-1005]. Напротив, рациональность формируется под влиянием множества взаимосвязанных факторов: когнитивных, сенсорных и социальных, требующих комплексного подхода к изучению.

В ситуациях, когда количество возможных альтернатив слишком велико для исчерпывающего анализа, индивиды часто прибегают к упрощенным эвристикам, что неизбежно приводит к отклонению от оптимального выбора. Кроме того, субъективные факторы, такие как личные ценности, цели и предпочтения, оказывают значительное влияние на процесс принятия решений, порой искажая объективную оценку возможных вариантов. Ошибки в суждениях могут возникать по следующим причинам: человек не обладает безграничными когнитивными ресурсами и может не знать о более выгодных альтернативах либо, напротив, ошибочно считать невыгодный вариант предпочтительным, т.е. в условиях неопределенности люди удовлетворяются с их точки зрения наиболее подходящим вариантом, а не максимизируют результат. В результате принятые решения не всегда соответствуют объективному максимуму.

Концепция Г. Саймона оказала глубокое влияние на ИИ, было выявлено, что и машины сталкиваются с теми же принципиальными барьерами, что и люди. Теория ограниченной рациональности остается актуальной и в современных исследованиях, особенно при разработке систем с ИИ. Можно выделить два подхода к моделированию рациональности в ИИ. Первый, «снизу-вверх», использует данные и входные сигналы от человека, что может вносить предвзятость. Искажения происходят из-за того, что данные, на которых обучаются модели, несут в себе ложные идеи и ограниченные представления, отражающие человеческие предрассудки. Второй, «сверху-вниз», основан на логике и формальной рациональности, но человеческие предубеждения могут быть заложены в самих правилах модели. Например, в системах машинного перевода могут быть использованы определенные языковые паттерны, которые искажают результаты. Современные исследования активно развивают гибридные подходы, которые пытаются объединить преимущества обеих моделей, сочетая данные и логику, чтобы минимизировать предвзятость и повысить рациональность решений.

В дискуссиях о возможностях искусственного интеллекта выделяют четыре типа рациональности: *идеальную*, *вычислительную*, а также концепции *ограниченной рациональности* и *ограниченной оптимальности* [5, с. 36-38, с. 58-59]. *Идеальная рациональность* подразумевает принятие решения на основе полного знания всех возможных альтернатив и их последствий. Только в реальных условиях такая рациональность остается недостижимой из-за неполноты информации и сложности решаемых задач. Кроме того, некоторые задачи требуют учета огромного количества переменных, что делает их расчет невозможным даже для самых мощных современных систем. В связи с этим более применимой концепцией становится *вычислительная рациональность*, которая учитывает доступные ресурсы и позволяет находить решения, приемлемые в рамках вычислительных ограничений. Однако и здесь существуют барьеры: чем сложнее задача, тем больше ресурсов требуется для ее решения, что делает невозможным анализ всех альтернатив в разумные сроки. Например, в задачах, связанных с распознаванием образов или прогнозированием, система вынуждена использовать эвристики и приближенные методы, а не полный анализ всех возможных решений. Многие задачи, с которыми сталкивается искусственный интеллект, относятся

к классу вычислительно сложных, что означает их экспоненциальный рост по количеству возможных решений или даже неразрешимость за полиномиальное время. Ограниченность вычислительных ресурсов в сочетании со сложностью реальных задач принятия решений делает достижение оптимальных решений практически невозможным. Одним из проявлений данной проблемы является комбинаторный взрыв: стремительное увеличение числа возможных вариантов, которое делает полный перебор решений неосуществимым даже для самых мощных вычислительных систем. В системах искусственного интеллекта это особенно заметно в задачах оптимизации и планирования, где экспоненциальное разрастание возможных комбинаций требует применения эвристических методов и приближенных алгоритмов. В результате ИИ приходится ограничивать область рассуждений некоторым *фреймом* (рамкой), что неизбежно упрощает картину мира, но предотвращает паралич от избыточных данных.

Концепция *ограниченной оптимальности* (*bounded optimality*), сформулированная Стюартом Расселом, предполагает, что оптимальным является не агент, действующий в абстрактных условиях, а тот, который достигает наилучшего возможного результата в пределах заданных ресурсных ограничений. Согласно его определению, «ограниченная оптимальность расширяет традиционное понимание рациональности, вводя в него эксплицитный учёт ограниченных вычислительных ресурсов реальных агентов» [6, с. 13]. Данные представления легли в основу ряда исследований по рациональному метарассуждению, когда интеллектуальные агенты выделяют часть ресурсов не только на само решение задачи, но и на оценку эффективности дальнейшего поиска (например, когда целесообразно прекратить поиск решения и перейти к его реализации). Таким образом, от Саймона берет начало линия исследований, рассматривающая интеллектуального агента как рационально действующего в пределах своих возможностей, а не в абсолютном выражении. Сегодня практически все успешные системы ИИ в том или ином виде реализуют принципы ограниченной рациональности, срезая неперспективные варианты из-за ресурсных ограничений.

Однако ограниченность ИИ определяется не только техническими факторами, но и фундаментальными математическими принципами. Еще А. Тьюринг доказал существование неразрешимых задач, одной из которых является проблема остановки – задача, которую никакая универсальная вычислительная машина не способна решить [7; 8]. Этот факт имеет принципиальное значение: у любой формальной системы интеллекта существуют границы, обусловленные не только доступными ресурсами, но и самими законами вычислимости. Следовательно, ограничения искусственного интеллекта – не просто следствие недостаточных вычислительных мощностей, а фундаментальное свойство любой алгоритмической системы. Так же принципиальным ограничением являются фундаментальные барьеры, выявленные теоремами К. Гёделя о неполноте. Если в любой достаточно мощной формальной системе существуют утверждения, которые невозможно ни доказать, ни опровергнуть, то сходные проблемы могут возникать и в системах с искусственным интеллектом [9, с. 265-266, с. 276]. Все это означает, что определенные классы задач останутся принципиально нерешаемыми для машинных алгоритмов, независимо от их сложности и вычислительных мощностей.

Можно сказать, что *ограниченная оптимальность* представляет собой компромисс между точностью и затратами: она не требует исчерпывающего анализа всех возможных решений, но гарантирует нахождение приемлемого результата в разумные сроки. Данный подход особенно актуален для реальных вычислительных систем, которые должны функционировать в условиях ограниченного времени, памяти и вычислительных мощностей. Но даже этот уровень рациональности не всегда

достижим, поскольку алгоритмы могут сталкиваться с ресурсными ограничениями, а вычислительная сложность некоторых задач делает поиск удовлетворительного решения невозможным. Современные интеллектуальные системы проектируются с учетом ограниченной рациональности: признается, что идеально рациональный алгоритм часто неосуществим, поэтому алгоритмы должны быть эффективными в пределах доступных ресурсов. Например, в системах планирования и поиска решений используются эвристики, отсечение нерелевантных вариантов и «*anytime-алгоритмы*», которые могут прерывать вычисление при достижении приемлемого решения.

Поскольку идеальная рациональность остается недостижимой, вычислительная рациональность ограничена ресурсами, а даже ограниченная оптимальность не всегда возможна, то наиболее реалистичной и практически применимой становится *ограниченная рациональность*, которая позволяет адаптировать искусственный интеллект к реальным условиям и существующим ограничениям. В этой модели агент принимает решения не на основе поиска глобально оптимального решения, а в рамках доступных возможностей и ограничений. Другими словами, система выбирает удовлетворяющее решение (*satisficing*) вместо поиска абсолютного оптимума. Такой подход широко применяется в алгоритмах искусственного интеллекта, особенно в многокритериальном принятии решений, где важно найти баланс между качеством решения и затратами на его вычисление.

Концепция *ограниченной рациональности* также играет ключевую роль в междисциплинарных исследованиях, особенно в изучении взаимодействия человека и искусственного интеллекта. Внедрение ИИ ставит перед исследователями ряд этических проблем, связанных с распределением ответственности за ошибки искусственного интеллекта. При таких обстоятельствах требуется определить, на ком лежит ответственность: на разработчиках, операторах или самой системе. Значимой задачей становится достижение оптимального соотношения между автономностью алгоритмов и необходимостью человеческого контроля, что предоставит возможность минимизировать вмешательство и в то же время предотвратить возможные риски. Так, современные исследователи, в частности Л. Флориди, подчеркивают значимость концепции гибридного интеллекта, который предполагает сочетание машинных алгоритмов с человеческой интерпретацией и корректировкой [10, с. 163-165].

Одним из центральных аспектов данной проблематики является роль «человека в контуре» (*human-in-the-loop*), т.е. участие человека в принятии критически важных решений для минимизации рисков. Поскольку искусственный интеллект не обладает способностью к сознательному восприятию информации, то его следует рассматривать не как самостоятельного агента, а как инструмент, чья эффективность зависит от взаимодействия с человеком. Выделяются три основные модели такого взаимодействия. Первая модель обозначается как «человек над контуром» (*human-on-the-loop*) и предполагает, что человек контролирует решения ИИ и может вмешаться при необходимости. Вторая, «человек в контуре» (*human-in-the-loop*), предусматривает активное участие человека в процессе принятия решений, а также контроль и корректировку результатов работы алгоритмов. Третья модель, «человек вне контура» (*human-out-of-the-loop*), описывает ситуацию, когда система функционирует полностью автономно, без вмешательства человека, что повышает риски, особенно в критически значимых сферах.

В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры. ИИ активно применяется в медицинской диагностике, однако его выводы требуют проверки врачом. Так, алгоритмы Google Health в 2021 году продемонстрировали 94 % точности при

выявлении рака молочной железы, но не распознавали редкие формы опухолей, которые специалисты определяли лучше [11]. Данный факт подтверждает необходимость гибридного подхода, при котором врач оценивает результаты ИИ перед постановкой диагноза. Похожие проблемы наблюдаются в сфере беспилотного транспорта. В 2018 году автомобиль Uber не распознал пешехода с велосипедом в темное время суток, что привело к смертельному ДТП [12]. В настоящее время автомобильные компании, включая Tesla, внедряют модель *human-on-the-loop*, требующую обязательного контроля со стороны водителя даже при активированном автопилоте.

Современные исследования свидетельствуют о необходимости рассматривать искусственный интеллект не как полностью автономную систему, а как инструмент, работающий в тесном взаимодействии с человеком. Благодаря коллективным усилиям исследователей и практиков, стремящихся повысить эффективность совместной работы человека и искусственного интеллекта, был разработан подход *Human-AI Teams*, целью которого является оптимизация взаимодействия человека и технологий, минимизация рисков автоматизированных решений и повышение качества результатов в различных сферах деятельности. Сочетание машинной аналитики и человеческого опыта открывает новые перспективы в медицине, транспорте, экономике и других критически важных сферах. В ближайшие годы ожидается совершенствование технологий адаптивного ИИ, способного не только выполнять поставленные задачи, но и обучаться взаимодействию с человеком, постепенно адаптируясь к его предпочтениям и стилю работы. Таким образом, концепция ограниченной рациональности и модель «человека в контуре» становятся неотъемлемой частью развития технологий искусственного интеллекта, обеспечивая баланс между их эффективностью и этической ответственностью.

Заключение. В заключение еще раз подчеркнем, что рациональность искусственного интеллекта не может определяться идеальной моделью. Ограниченность вычислительных ресурсов и высокая сложность решаемых задач предопределяют необходимость обращения к концепции ограниченной рациональности. В этой связи применение концепции ограниченной рациональности становится необходимым условием для эффективного функционирования интеллектуальных систем. Их развитие требует сбалансированного сочетания формальной логики, доступных вычислительных мощностей и способности адаптироваться к динамично изменяющимся условиям окружающей среды. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются углубленный философский и методологический анализ гибридных моделей рациональности, объединяющих эвристические и формально-логические подходы. Важное значение также приобретает изучение этических последствий и социальных аспектов интеграции ИИ, что открывает широкие возможности для междисциплинарных исследований и практического применения полученных результатов. На основе анализа различных моделей рациональности установлено, что концепция «человека в контуре» (*human-in-the-loop*) играет ключевую роль в обеспечении контроля и корректировки решений, принимаемых искусственным интеллектом. Таким образом, ограниченная рациональность не только задает технические границы работы интеллектуальных систем, но и формирует концептуальный фундамент для разработки алгоритмов, учитывающих не только вычислительные, но и социальные и этические ограничения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабич М. Ю. Понятие рационального агента и многоагентные системы // Проблемы информатики в образовании, управлении, экономике и технике: Сб. статей XVII Международной научно-технической конференции. – Пенза: ПДЗ, 2017. – С. 11–16.

2. Simon H. Models of Man: Social and Rational. – New York: John Wiley and Sons, Inc., 1957. – 287 p. – URL: <https://archive.org/details/modelsofman0000herb>
3. Елхова О. И., Кудряшев А. Ф. Современные вызовы информационно-коммуникационных технологий // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. – 2024. – Т. 6, № 3. – С. 27–34.
4. Елхова О. И. Метрики феноменологического виртуального опыта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2024. – Т. 28. – № 4. – С. 997–1013. – URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-4-997-1013>.
5. Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. – Pearson series in artificial intelligence, 2022. – 1115 p.
6. Russell S. Rationality and Intelligence: A Brief Update / S. Russell // In: Vincent C. Müller (ed.). Fundamental Issues of Artificial Intelligence. – Cham : Springer, 2016. – P. 7–28.
7. Turing A. On Computable Numbers, with an Application to the Entscheidungsproblem // Proceedings of the London Mathematical Society. – 1936. – Vol. 42. – P. 230–265.
8. Turing A. Computing Machinery and Intelligence // Mind. – 1950. – Vol. 49. – P. 433–460.
9. Turlak G. Gödel's First Incompleteness Theorem via the Halting Problem // Computability. – Springer, 2022. – P. 265–280.
10. Allo P. (ред.) Putting Information First: Luciano Floridi and the Philosophy of Information. – Wiley-Blackwell, 2011. – 208 c.
11. Forster V. Artificial Intelligence Improves Breast Cancer Diagnosis / V. Forster. – URL: <https://www.forbes.com/sites/victoriaforster/2025/01/13/artificial-intelligence-improves-breast-cancer-diagnosis/> (дата обращения: 15.03.2025).
12. The Guardian. Uber self-driving car kills woman in Arizona // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/technology/2018/mar/19/uber-self-driving-car-kills-woman-arizona-tempe> (дата обращения: 15.03.2025).

Поступила в редакцию 22.05.2025 г.

THE LIMITS OF RATIONALITY: PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE CONSTRAINTS

O. I. Elkhova

The article examines the philosophical foundations and limitations of artificial intelligence (AI) rationality in the context of decision-making. The author analyzes the distinction between epistemic and practical rationality, emphasizing the latter as the foundation for rational agents' operation. The central focus is on the concept of bounded rationality, which posits that decision-making occurs under conditions of incomplete information, cognitive constraints, and limited computational resources. It is argued that ideal rationality is unattainable, and the most suitable model for AI is bounded rationality. Four types of rationality are considered: ideal, computational, bounded, and bounded optimality, concluding that bounded rationality is the most practically applicable model for the development of intelligent systems. The importance of accounting for these limitations in the creation of adaptive algorithms and the concept of the «human-in-the-loop» is emphasized to enhance the reliability of AI-driven decisions.

Key words: bounded rationality, artificial intelligence, practical rationality, rational agent, decision-making.

Елхова Оксана Игоревна

Доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии и культурологии,
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Республика Башкортостан, Россия.
E-mail: oxana-elkhova@yandex.ru

Elkhova Oxana Igorevna

Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor of the Department of Philosophy and
Cultural Studies, Ufa University of Science and
Technology, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.
E-mail: oxana-elkhova@yandex.ru

УГРОЗА ДЕЗИНТЕГРАЦИИ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ: ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

© 2025 А. А. Ковалев

Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС

Статья посвящена философскому анализу угрозы дезинтеграции в многонациональном обществе. Определяется сущность дезинтеграции и обосновывается выбор философского метода исследования. Проблематика раскрывается через категории национализма, толерантности и суверенитета. В числе ключевых угроз дезинтеграции рассматриваются агрессивный национализм, ксенофобия и религиозный экстремизм. Анализируется роль идеологии и пропаганды в формировании этих угроз, а также их функционирование как механизмов зарождения, распространения, институционализации и массовой поддержки. Отдельное внимание уделяется значимости противодействия дезинтеграции в современной России. Отмечается, что контртеррористическая и просветительская деятельность, эффективная система образования и воспитания, сбалансированная федеративная модель государственного управления, работа со СМИ и развитие патриотического воспитания, особенно среди молодежи, являются ключевыми мерами по укреплению интеграции многонационального общества.

Ключевые слова: интеграция, консолидация, государство, суверенитет, толерантность, национализм, пропаганда, СМИ, ксенофобия, экстремизм, преодоление дезинтеграции.

Введение. В современном мире гомогенные общества встречаются крайне редко, преимущественно среди изолированных и удаленных от цивилизации групп. Формированию многонациональных сообществ способствуют процессы глобального взаимодействия, политика открытых границ, вестернизация, а также создание единого культурного и экономического пространства. Несмотря на эти тенденции, национальный фактор сохраняет значимость, особенно в условиях трансформации международных и внутригосударственных коммуникаций. В связи с этим противоречие между стремлением к глобальному единству и усилением региональной идентичности приобретает особую остроту.

Суверенитет, государственность, национальная идентичность и сплоченность выполняют консолидирующую функцию в обществе, особенно многонациональном. Дезинтеграция как процесс разобщения и утраты согласованности угрожает национальной безопасности. С данной точки зрения представляется значимым обращение к философским концепциям Г.В.Ф. Гегеля и Ю. Хабермаса, рассматривавших государственность и суверенитет. Гегель определял государство как самодостаточный организм, обладающий объективной действительностью, правом взаимодействовать с другими государствами и противопоставлять себя им [3]. Хабермас, выделяя административную и коммуникативную составляющие политической власти, подчеркивал, что идея народного суверенитета реализуется именно в коммуникативном измерении, представляя собой коллективный рациональный дискурс [11, s. 368]. Суверенитет, по его мнению, представляет собой сложную систему, объединяющую суверенитет государства, народа и личности. Необходимость его реализации становится основой общественной сплоченности. В многонациональном обществе сложность социальной структуры усиливает значимость единства в коммуникативном пространстве, особенно в периоды напряженности и конфликтов. Дезинтеграция, противоположная сплоченности, представляет угрозу целостности многонационального общества.

Дезинтеграция представляет собой процесс разрушения социальной целостности, утраты связей между частями общества и ослабления механизмов социальной солидарности, что приобретает особую значимость для многонациональных государств. Развитие деструктивных тенденций обусловлено нарушением баланса между общими и частными интересами, социальной справедливостью и равенством, а также недостаточным признанием этнического и культурного разнообразия. Дискриминация, неравномерное распределение ресурсов и усиление разобщенности способствуют отчуждению, недоверию и конфликтам, разрушающим общую идентичность и подрывающим социальный порядок.

Процессы дезинтеграции сопровождаются ростом конфликтов, проявляющихся как в явной форме, среди которых – этнические столкновения, так и в скрытой, выражаясь в социальном отчуждении и экономическом неравенстве. Конфликты становятся одновременно признаком и источником дезинтеграции, преодоление которой возможно через разработку механизмов их разрешения. Нарушение социальных дискурсов, утрата общего языка и ослабление символического единства усиливают изоляцию отдельных групп, усиливая дезинтеграционные процессы. Взаимодействие играет ключевую роль в ослаблении деструктивных тенденций, восстановлении связей между группами и создании условий для диалога, способствующего укреплению социального единства.

Цель исследования – выявление и философское осмысление угрозы дезинтеграции в многонациональном обществе, определение ее основных факторов и механизмов, а также анализ возможностей преодоления данного явления через институциональные и социокультурные инструменты.

Основная часть. *Обоснование выбора философского подхода.* Социальная философия рассматривает общество как сложную динамическую систему, где социальные отношения, культурное разнообразие и взаимодействие различных групп играют определяющую роль. В рамках данного исследования она предоставляет аналитические инструменты для изучения угрозы дезинтеграции в многонациональном обществе, позволяя выявить структурные, институциональные и ценностные основания, обеспечивающие его целостность.

Многонациональное общество объединяет множество этнических и культурных групп, каждая из которых вносит вклад в общую социальную структуру, но одновременно может сталкиваться с отчуждением, напряжением или противоречиями. Угрозы дезинтеграции проявляются при ослаблении способности общества сохранять равновесие между общенациональной идентичностью и многообразием. Социальная философия позволяет выявить взаимосвязь этих процессов с распределением ресурсов, социальных ролей, символической власти и механизмов признания.

Преодоление дезинтеграции требует понимания механизмов взаимодействия групп, предотвращения дискриминации, поддержки межкультурного диалога и укрепления коллективной идентичности. Особое внимание уделяется влиянию глобализации и миграции, способствующих культурному разнообразию, но одновременно создающих риски размывания общих ценностей и возникновения социальных конфликтов. Социальная философия, соединяя теоретический анализ с практическими подходами, позволяет выявить глубинные причины дезинтеграции и предложить способы формирования основ устойчивого многонационального общества.

Проблематика данного исследования в социальной философии рассматривается через категории *национализма*, *толерантности* и *суверенитета*, которые являются ключевыми для понимания формирования социальной устойчивости и факторов,

приводящих к ее ослаблению. В тексте анализируются процессы, способствующие сплочению общества и усиливающие фрагментацию, а также влияние ценностных ориентаций и идеологии на восприятие этнических различий.

Национализм, с одной стороны, может выступать объединяющей силой, способствующей формированию национальной идентичности и социальной солидарности; с другой – становиться источником напряженности и конфликтов, усиливая границы между этническими группами и создавая угрозы дезинтеграции. Феномен национализма тесно связан с идентичностью, формирующейся в ходе исторического, культурного и социального развития, служащей инструментом самоопределения нации и осознания коллективной принадлежности, что приобретает особую значимость в условиях многообразия. Вместе с тем существуют риски, связанные с радикальными проявлениями национализма, которые основаны на идее превосходства одной группы и приводят к маргинализации других.

Национализм связан с ценностной структурой общества и может выступать как интегрирующий фактор, если в основе общественных ценностей лежат свобода, взаимное уважение и равенство, так и становиться источником дезинтеграции при доминировании идей этнической исключительности и ксенофобии. В формировании гражданского национализма, способствующего сплоченности общества, значимую роль играют социальные институты: образование, культура, законодательство и политика идентичности, которые могут как поддерживать конструктивное выражение национализма, так и усиливать его разрушительный потенциал. Медийное пространство, нередко становящееся площадкой для формирования националистических настроений, играет важную роль в регулировании его проявлений.

Национализм в многонациональном обществе является естественным явлением, требующим переосмысления и преобразования в инструмент социальной сплоченности. Достижение указанной цели возможно через гармонизацию отношений между группами путем признания многообразия, поддержки диалога и формирования инклюзивных моделей национальной идентичности. Переориентация национализма на общественное благо создает условия для его восприятия как ресурса развития, а не источника угроз.

Толерантность рассматривается как ключевой фактор, обеспечивающий целостность и устойчивость многонационального общества. Она выражается в способности социальных групп и индивидов сосуществовать в условиях культурного, этнического и мировоззренческого разнообразия на основе уважения различий и отказа от конфронтации. Ее значение проявляется в способности предотвращать конфликты и гармонизировать социальные взаимодействия в сложных сообществах. Явление толерантности не сводится к пассивному принятию или нейтральности, а представляет собой активный процесс, включающий признание различий, поддержку диалога и стремление к взаимопониманию.

Толерантность в многонациональном обществе проявляется на индивидуальном и институциональном уровнях [9, с. 299]. Способность воспринимать других как равноправных участников взаимодействия, независимо от этнической, культурной или религиозной принадлежности, играет решающую роль на личностном уровне. В институциональном измерении значимым становится создание условий, при которых общественные и государственные структуры обеспечивают равноправие и справедливость для всех групп. Взаимная и сбалансированная толерантность, исключая крайности, служит основой для преодоления дезинтеграционных процессов. Навязывание абсолютной толерантности подрывает культурную

идентичность отдельных групп, тогда как ее отсутствие приводит к дезинтеграции и конфронтации. Принципы толерантности должны воплощаться в гибких социальных нормах, учитывающих специфику культурных традиций и ценностей различных сообществ, создавая условия для их бесконфликтного сосуществования.

В развитии или ослаблении толерантности ключевую роль играют образование, медиа, политика идентичности, религиозные институты и общественные дискурсы, формирующие устойчивые основы многонационального общества. Гибкость толерантности способствует адаптации к изменениям, связанным с миграционными процессами, глобализацией и трансформацией социальных норм. Ее принципы выполняют не только функцию предотвращения конфликтов, но и создают основу для их конструктивного разрешения, обеспечивая условия для взаимодействия различных групп, которые сохраняют уникальные идентичности и участвуют в формировании общего социального пространства.

Суверенитет представляет собой фундаментальное явление, отражающее способность общества и государства сохранять целостность, автономию и контроль над внутренними процессами перед внешними и внутренними вызовами. В многонациональном обществе его значение возрастает, поскольку необходимо учитывать баланс между централизованной властью и многообразием этнических, культурных и социальных групп. Суверенитет охватывает политические, социальные и культурные аспекты жизнедеятельности, выходя за рамки государственного управления и подразумевая способность общества формировать общие ценности, нормы и механизмы самоорганизации.

Ключевым аспектом суверенитета в многонациональном обществе является легитимность власти, основанная не только на праве государства управлять, но и на признании этого права различными группами. Легитимность особенно уязвима в условиях этнических и культурных конфликтов, когда определенные группы оказываются исключенными из процесса принятия решений или сталкиваются с ограничением прав. Суверенитет тесно связан с идентичностью, требующей общего символического пространства, где различные сообщества ощущают принадлежность к единому целому. Ценности, традиции и общая история могут как укреплять суверенитет, так и подрывать его, усиливая различия и противоречия.

Внешние факторы, среди которых – глобализация, миграционные процессы, деятельность международных организаций и экономическая взаимозависимость, создают новые вызовы для суверенитета многонациональных обществ. В подобной ситуации он перестает быть исключительно внутренним вопросом и требует учета внешнего влияния, что нередко становится причиной внутренних конфликтов между группами с различными взглядами на степень открытости и взаимодействия [10, с. 39-40]. Одним из примеров выступает украинский кризис, когда общество оказалось расколотым, а отсутствие четкой политической линии со стороны руководства привело к разногласиям по вопросу внешнеполитической ориентации: между Западом (ЕС, НАТО, США) и Востоком (Россией). Противоречия сначала вылились в протесты 2014 года, а спустя восемь лет (2022 год) привели к специальной военной операции. Итогом стали вооруженное противостояние и раскол в восточных регионах.

Суверенитет тесно связан с социальной справедливостью и равенством, поскольку неравномерное распределение ресурсов и власти внутри общества ослабляет готовность отдельных групп его поддерживать, создавая предпосылки для дезинтеграции. Сохранение целостности многонационального общества требует постоянного переосмысления суверенитета и его адаптации к меняющимся условиям.

Помимо национализма, толерантности и суверенитета, влияющих на формирование процессов сплоченности и дезинтеграции, важную роль играют солидарность, справедливость, идентичность и ориентация на общественное благо. Приверженность указанным принципам в совместной жизнедеятельности снижает риски дезинтеграции, а механизмы сплоченности становятся основой устойчивого развития. Пренебрежение основополагающими ценностями, напротив, усиливает дезинтеграционные тенденции.

Угрозы многонациональности. Существует ряд угроз, которые подрывают стабильность многонационального общества и провоцируют дезинтеграционные процессы. В рамках настоящего исследования будут рассмотрены агрессивный национализм, ксенофобия и религиозный экстремизм как наиболее деструктивные и очевидные угрозы, а также роль идеологии и пропаганды как скрытых инструментов воздействия.

Агрессивный национализм формируется из стремления одной национальной группы к абсолютному доминированию над другими в социальном, культурном и политическом измерениях. Его сущность заключается в утверждении исключительности нации как высшей ценности, определяющей идентичность ее членов и одновременно противопоставляющей их другим народам, воспринимаемым как угроза или конкуренты.

Идея этнического или культурного превосходства становится ключевым элементом агрессивного национализма, служащим основой для дискриминации, отчуждения и насилия. Часто подобные взгляды опираются на мифологизацию прошлого, где нация представляется идеализированной и не подверженной критике, а исторические события трактуются односторонне для обоснования исключительных прав, территориальных претензий или политической власти. Например, в Украине распространены интерпретации, согласно которым государство представляется колыбелью мировой цивилизации, что сопровождается упрощенными логическими построениями и искажением исторических фактов. При этом утверждается, что украинское государство является прямым историческим, культурным, религиозным и политическим наследником Киевской Руси, поскольку расположено на части ее территории. Хотя исторически и археологически земли современной Украины имеют существенное влияние, в культурном, мировоззренческом и онтологическом смысле подобный взгляд не может быть признан обоснованным, поскольку роль России в таком изложении искусственно размывается и утрачивает свое значение [2, с. 136].

Природа агрессивного национализма формируется под воздействием страха и восприятия угрозы, возникая в условиях наличия внешнего или внутреннего врага, который представляется фактором, угрожающим существованию нации. В роли противника могут выступать этнические группы, культурное влияние, миграционные потоки или международные институты. Опасение утраты идентичности, экономической стабильности или социальной целостности служит катализатором радикализации и мобилизации националистических настроений. Агрессивный национализм тесно связан с властью и нередко используется политическими элитами для укрепления легитимности в периоды социальных или экономических кризисов. Создание образа врага и акцент на национальной исключительности позволяют отвлечь внимание общества от внутренних проблем, усиливая контроль над общественными дискурсами.

Агрессивный национализм сопровождается ритуализацией и символизмом, при которых использование символов, ритуалов и массовых мероприятий формирует чувство принадлежности, мобилизует эмоции и усиливает поляризацию между

«своими» и «чужими». Такая стратегия способствует укреплению коллективной идентичности, одновременно изолируя национальную группу и радикализируя ее восприятие внешнего мира. Язык агрессивного национализма превращается в инструмент легитимации насилия и дискриминации, опираясь на риторику исключительности, негативные стереотипы и обвинения. Он не только разделяет, но и усиливает контроль над восприятием реальности, создавая идеологическое обоснование для насильственных действий.

Природа агрессивного национализма связана с глубокими социальными противоречиями, включая неравенство, культурную фрагментацию и кризис идентичности. Социальное напряжение, возникающее на основе указанных факторов, используется как основание для развязывания конфликтов, превращающихся в инструмент самоутверждения нации-агрессора.

Ксенофобия представляет собой явление, при котором страх перед чужим становится определяющим фактором, разделяющим группы. Ее природа отражает противоречие между стремлением к самоидентификации и необходимостью сосуществовать с теми, кто воспринимается как иное. В отличие от простого недоверия, ксенофобия носит системный характер, закрепляясь в общественном сознании и становясь основой социальной изоляции или враждебности. Образ чужого выступает символом, воплощающим угрозу – культурную, экономическую или физическую, часто не имеющую связи с реальностью. Упрощенный и мифологизированный символ, обладая высокой эмоциональной заряженностью, превращается в инструмент мобилизации, сводя сложную социальную реальность к противостоянию «мы» и «они».

Ксенофобия усиливается в периоды кризисов, возникающих вследствие общественной нестабильности. Экономические спады, миграционные потоки и политические трансформации обостряют социальную напряженность, превращая «чужих» в удобный объект для проекции общественного недовольства. В такие периоды ксенофобия выходит за рамки индивидуального восприятия, приобретая институциональные формы и становясь частью риторики власти или социальной политики, как это произошло в Руанде в 1994 году.

Язык играет ключевую роль в распространении ксенофобских настроений, формируя пространство, где страх перед «чужим» становится социально приемлемым. Термины, применяемые для описания групп, превращаются в ярлыки, закрепляющие негативные стереотипы. Подобные выражения активно используются медиа, политиками и общественными лидерами для конструирования образов врагов, воспринимаемых как угроза безопасности или культуре. Одним из наиболее известных примеров процесса является исламофобия, ставшая действенным инструментом в международных отношениях [1, с. 1289]. Демонизация ислама укрепляет представление о негативном «образе другого», воспринимаемом как очевидный и не требующем доказательств [7, с. 287].

Культурная гомогенизация также способствует развитию ксенофобии, ведь там, где доминирующая культура стремится к исключительности, любое отклонение воспринимается как вызов. В обществах, где национальная идентичность ассоциируется с единообразием, ксенофобия становится средством защиты воображаемого порядка, из которого исключается все, что не вписывается в установленную норму.

На уровне институтов ксенофобия может проявляться в виде закрепления исключений. Так, законы, ограничивающие права определенных групп,

образовательные программы, игнорирующие многообразие, и экономические механизмы, маргинализирующие меньшинства, становятся инструментами, поддерживающими глубинное разделение внутри общества. Даже при отсутствии явной дискриминации такие практики усиливают отчуждение и недоверие в обществе.

Религиозный экстремизм – явление, возникающее на пересечении религиозных убеждений и радикальных идеологий, стремящихся к утверждению исключительности через насильственные или агрессивные действия. Его природа связана с внутренними противоречиями общества, где религия, оставаясь важным источником культурной и социальной идентичности, одновременно превращается в инструмент разделения и конфронтации. В основе экстремизма лежит идея абсолютной истины, не допускающей существования альтернативных взглядов. Убежденность в том, что защита или распространение веры оправдывает любые средства, в том числе насилие, усиливает поляризацию в обществе. Радикализация связана не только с содержанием экстремистских идей, но и с их интерпретацией, используемой для мобилизации сторонников.

Идеологи религиозного экстремизма активно используют институциональные и технологические ресурсы для распространения радикальных идей, применяя массовые информационные платформы и каналы коммуникации. Важной чертой экстремизма остается коллективный характер, способствующий мобилизации групп, объединению вокруг общей идеологии и формированию чувства принадлежности сообществу единомышленников и приверженности общей цели. Процесс сопровождается деиндивидуализацией, при которой личность подчиняется коллективным устремлениям, усиливая готовность к самопожертвованию или насильственным действиям.

Исторически религиозный экстремизм часто возникал как реакция на восприятие угрозы существованию религиозной общины. Однако восприятие угрозы не всегда соответствовало реальности, в большинстве случаев она носила символический или преувеличенный характер, позволяя радикальным лидерам использовать ее для легитимации своих действий. В нынешних условиях религиозный экстремизм сохраняет эту особенность, превращаясь в инструмент мобилизации масс и достижения политических целей. В российском многонациональном и поликонфессиональном обществе религиозно-политический экстремизм выступает серьезным дезинтеграционным фактором, поскольку апелляция к религиозному многообразию с намерением дестабилизировать общество ослабляет его интеграционный потенциал как выражение одного из принципов федерализма – единства в многообразии [8, с. 85].

Роль идеологии и пропаганды в формировании угроз. Ведущая роль идеологии и пропаганды проявляется в формировании деструктивных явлений, таких как агрессивный национализм, ксенофобия и религиозный экстремизм. Механизмы распространения радикальных идей способствуют не только зарождению подобных явлений, но и их укоренению, институционализации и массовой поддержке. Идеология систематизирует и легитимирует убеждения, оправдывающие агрессию, исключительность или насилие. В агрессивном национализме через нее формируется представление о нации как высшей ценности, превосходство которой необходимо защищать любой ценой, в том числе путем мобилизации людей через патриотизм, историческую миссию и противостояние врагам. Распространение ксенофобии через идеологические конструкции направлено на разделение общества на «своих» и «чужих», где вторые воспринимаются как угроза, ссылка на которую оправдывает дискриминацию. В религиозном экстремизме идеология обосновывает насилие как священное действие, направленное на достижение духовной чистоты или восстановление божественного порядка.

Пропаганда служит инструментом для распространения идеологических воззрений. Основная цель – формирование общественного мнения и массовых настроений, создающих представление об идеологических концептах как о естественных и неизбежных. Культивирование агрессивного национализма опирается на исторические мифы, героизацию прошлого и подчеркивание уникальности нации. Используемая риторика формирует образы врагов, якобы угрожающих целостности или культурной идентичности. Пропаганда ксенофобии активно эксплуатирует страхи, преувеличивая угрозу со стороны «чужих» и представляя их как источник экономических, социальных или культурных проблем.

Пропаганда играет ключевую роль в распространении идей религиозного экстремизма, поскольку направлена на радикализацию и мобилизацию членов общества. В целях усиления воздействия используются религиозные тексты, интерпретируемые в экстремистском толке, и эмоциональные апелляции, обещающие духовное вознаграждение или нахождение смысла через участие в «священной борьбе». Пропагандистские материалы обладают высокой адаптивностью, эффективно применяя как традиционные, так и современные средства коммуникации, включая социальные сети и цифровые платформы.

Таким образом, идеология и пропаганда усиливают угрозы многонациональному обществу, создавая символические образы врагов, служащие оправданием насилия и способом мобилизации группы вокруг общей цели. Формируемые конструкции характеризуются упрощением, эмоциональной насыщенностью и оторванностью от реальности, создавая благоприятные условия для манипулирования общественным сознанием. Распространение таких представлений способствует развитию дискурса исключительности и противопоставления «другому» («чужому»), подрывая возможности для диалога и взаимопонимания.

Обращение к идеологии и пропаганде способствует их институционализации. С их помощью через образовательные программы, медиа, религиозные институты и государственные структуры воспроизводятся и закрепляются угрожающие концепты, со временем превращающиеся в элемент социальной реальности. Так агрессивный национализм, ксенофобия и религиозный экстремизм становятся не только индивидуальными или локальными явлениями, но и частью массовой культуры и общественных процессов.

Значимость борьбы с угрозой дезинтеграции. Итак, многонациональному обществу угрожают агрессивный национализм, ксенофобия и религиозный экстремизм, а их распространению способствуют идеология и пропаганда. Воздействие перечисленных факторов приводит к деструктивным последствиям, среди которых наиболее значительным является дезинтеграция общества, создающая условия для масштабных негативных изменений, таких как сепаратизм и прямые вооруженные столкновения.

Деятельность, направленная на преодоление угрозы дезинтеграции многонационального общества, должна основываться на двух направлениях: работе спецслужб с экстремистскими и террористическими преступлениями, а также просветительской деятельности превентивного характера. Важное значение имеет воспитание патриотизма, уважения, толерантности, формирование неприятия радикальных идей. Особая роль принадлежит воспитанию поколения, воспринимающего многообразие не как источник нестабильности и разобщенности, а как возможность для творческого развития общества. Ключевое значение в этом имеет система образования и воспитания.

Внутренние проблемы также провоцируют дезинтеграционные процессы. Одной из них является ценностный разрыв, возникающий в ответ на противоречивые явления и события, такие как вестернизация и ориентация на национальные традиции, колоссальный социально-экономический разрыв, конфликт поколений и другие [6, с. 79]. Еще одним фактором становится несовершенство миграционной политики, которое рассматривается как причина межэтнической напряженности [5, с. 14]. Важно осознавать, что сложившаяся ситуация во многом обусловлена внутренними процессами, и преодоление перегибов наряду с защитой интересов коренного населения станет важным шагом на пути к ее разрешению [4, с. 110].

Существуют и внешние угрозы, связанные с политикой «мягкой силы». Так, концепция «деколонизации России» представляет собой попытку ослабить суверенитет, нарушить единство многонационального народа и поставить под угрозу территориальную целостность страны. Основными инструментами воздействия становятся ксенофобия, агрессивный национализм и религиозный экстремизм. Для России как многонационального государства федеративная система государственного управления остается единственным естественным и органичным способом сохранения внутренней стабильности, которая продолжает оставаться проблемной со времен распада СССР и последовавшего за ним «парада суверенитетов». Агрессивная риторика, усилившаяся с началом спецоперации, приобрела особую значимость среди противников России. В сложившихся условиях федеральный центр должен проявлять лояльность к регионам, оставаясь твердым в вопросах единства страны, поддерживать многообразие, одновременно предотвращая чрезмерную самостоятельность регионов.

Заключение. Многонациональное государство сталкивается с широким спектром угроз, одной из которых является дезинтеграция. Значимым негативным проявлением данного явления становится распад социальных институтов, утрачивающих способность обеспечивать сплоченность общества. Образование, правовая система и средства массовой информации играют ключевую роль в поддержании социальной целостности, однако снижение их эффективности приводит к превращению указанных сфер в катализаторы дезинтеграционных процессов. Кроме того, дезинтеграция сопровождается изменением ценностных ориентиров, поскольку в условиях глобализации и культурного обмена традиционные ценности нередко вступают в противоречие с новыми моделями поведения и мировоззрения, усиливая социальную фрагментацию.

Для России сплоченность и сохранение единства являются вопросами выживания как суверенного государства и самостоятельной цивилизации. Контртеррористическая и просветительская деятельность, эффективная система образования и воспитания, сбалансированная федеративная структура, работа СМИ, укрепление патриотизма (особенно среди молодежи) – ключевые меры, направленные на консолидацию многонационального общества. Реализация подобных инициатив позволяет стране противодействовать дезинтеграционным процессам, начавшимся во второй половине 1980-х годов, приведшим к распаду СССР и поставившим под угрозу территориальную целостность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брусиловский Д.А., Есипов И.И. Два мира – две интеграции: специфика соприкосновения цивилизаций с исламофобией // Вопросы политологии. – 2019. – Т. 9, № 6 (46). – С. 1282-1294.
2. Гаджиев К.С. Российская Федерация: национальное государство или государство народов? // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 3. – С. 130-146. DOI: 10.17976/jpps/2018.03.09.

3. Гегель Г.В.Ф. Философия права; пер. с нем.; авт. Вступ. ст., примеч. В.С. Нерсисянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
4. Иванова Г.П., Стецевич М.Ю., Ширкова Н.Н. Проблема адаптации детей-мигрантов в образовательном учреждении: результаты теоретического и эмпирического исследования // Социальные отношения. – 2018. – № 2 (25). – С. 106-115.
5. Истомина О.Б. Роль этической идентичности в социальной стабилизации // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2024. – № 3. – С. 10-18. DOI 10.18101/1994-0866-2024-3-10-18.
6. Кара-Мурза С.Г. Ценностный разрыв как политическая проблема // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 2. – С. 72-83.
7. Рагозина С. Защищая «традиционный» ислам от «радикального»: дискурс исламофобии в российских СМИ // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2018. – Т. 36, № 2. – С. 272-299. DOI: 10.22394/2073-7203-2018-36-2-272-299.
8. Савин С.Д., Касабуцкая М.С. Общенациональные российские ценности в контексте формирования коллективной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2019. – Т. 12, № 1. – С. 82-97. DOI: 10.21638/spbu12.2019.106.
9. Старицына О.А., Грищенко О.Н. Понятие «толерантность» и ее место в системе базовых ценностей жителей России и Германии // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2016. – Т. 5, № 2 (15). – С. 297-301.
10. Шмелев Б.А. Причины конфронтации между Россией и Украиной // Проблемы постсоветского пространства. – 2021. – Т. 8, № 1. – С. 33-53. DOI: 10.24975/2313-8920-2021-8-1-33-53.
11. Habermas J. Faktizität und Geltung. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992. – 666 s.

Поступила в редакцию 25.05.2025 г.

THE THREAT OF DISINTEGRATION IN A MULTINATIONAL SOCIETY: PHILOSOPHICAL REFLECTION

A.A. Kovalev

This article is devoted to a philosophical analysis of the threat of disintegration in a multinational society. The essence of disintegration is determined and the choice of a philosophical research method is justified. The problem is revealed through the categories of nationalism, tolerance and sovereignty. Aggressive nationalism, xenophobia and religious extremism are considered among the key threats to disintegration. The role of ideology and propaganda in the formation of these threats is analyzed, as well as their functioning as mechanisms of origin, dissemination, institutionalization and mass support. Special attention is paid to the importance of countering disintegration in modern Russia. It is noted that counter-terrorism and educational activities, an effective system of education and upbringing, a balanced federal model of public administration, work with the media and the development of patriotic education, especially among young people, are key measures to strengthen the integration of a multinational society.

Key words: integration, consolidation, state, sovereignty, tolerance, nationalism, propaganda, mass media, xenophobia, extremism, overcoming disintegration.

Ковалев Андрей Андреевич

Кандидат политических наук, доцент,
Северо-Западный институт управления – филиал
РАНХиГС, г. Санкт-Петербург, РФ.
E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Kovalev Andrey Andreevich

Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
The North-Western Institute of Management is a
branch of the RANEPa, St. Petersburg, RF.
E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ НОВОРОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ

© 2025 Г. В. Мишечкин

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского»

В статье предпринята попытка определить место и проанализировать роль Новороссии в социальной философии, жизни и творчестве великого русского писателя и мыслителя Н.В. Гоголя. Акцентируется внимание на том, что в социально-философском, аксиолого-символическом и религиозном плане присоединенные к России новороссийские земли очень много значили для духовного мира писателя.

Ключевые слова: Новороссия, Юг России, Н.В. Гоголь, социальная философия, творчество.

Возрождение идеи Новороссии, вхождение территорий, в советский период чаще называвшихся Северным Причерноморьем и Приазовьем, в состав Российской Федерации значительным образом повлияли не только на развитие Европы, но и всего земного шара, вызвали колоссальные геополитические изменения. Новороссийские земли, как известно, вошли в состав Российской империи в результате победы русского оружия в русско-турецких войнах, особенно в войне 1768–1774 гг.

Великий русский писатель и мыслитель Н.В. Гоголь родился в 1809 г., через немногим более трети столетия после окончания указанной выше русско-турецкой войны. Уроженец Малороссии, Гоголь несколько раз был в Новороссии, а в своих художественных произведениях, публицистике и эпистолярном творчестве обращался к новороссийской тематике. В социально-философских взглядах Н.В. Гоголя данная тема заняла определенную нишу, о чем свидетельствует историография анализируемой проблемы, представленная работами специалистов из различных отраслей научного знания [1–12]. На наш взгляд, социально-философские взгляды Н.В. Гоголя в отношении указанного аспекта нуждаются в более глубоком и системном исследовании.

Учитывая вышесказанное, в работе поставлена цель: проанализировать идеи Новороссии в творчестве Н.В. Гоголя и выявить их социально-философскую значимость.

Предваряя изложение основного материала, оговоримся, что под Новороссией мы будем понимать не только физическое и социальное пространство Херсонской, Екатеринославской, Таврической губерний, Кубанской, Бессарабской областей и Области войска Донского (в соответствии с административным делением Российской империи первой половины XIX века), но и символическую (вымышленную) территорию Новороссии, которая фигурирует в произведениях, публицистике и письмах русского писателя.

В последние годы отечественные специалисты провели большую работу по сбору и систематизации различных документальных свидетельств о Гоголе (воспоминаний, дневников, эпистолярного наследия и т. д.) [13–15]. В 2017–2018 гг. был опубликован 7-томный систематический летописный свод жизни и творчества великого писателя [16]. В данном издании с опорой на исторические источники, мемуарную литературу,

дневниковые записи, воспоминания самого Гоголя, представлено аналитическое описание почти каждого дня жизни писателя. Кроме того, дана хронология и географическая канва жизни и творчества выдающегося художника слова.

Новейшие научные изыскания в отношении перемещений Н.В. Гоголя позволяют констатировать, что он три раза был в Новороссии. Первый раз – на лечении в Крыму в 1835 г. (июнь – начало июля по старому стилю) [16, т. 2, с. 414-417]. Второй раз в 1848 г. – в Одессе (16 апреля – 7 мая по ст. стилю) [16, т. 6, с. 640]. В третий раз, и к сожалению, последний – снова в Одессе в 1850-1851 гг. (24 октября 1850 г. – 28 марта 1851 г. по ст. стилю) [16, т. 6, с. 652]. Как видим, последнее пребывание Гоголя в Одессе растянулось на пять месяцев. Следует заметить, что Крым и Одессу писатель собирался посетить еще раз, но смерть помешала осуществлению этих намерений.

На первый взгляд, представленная выше информация не свидетельствует об особой привлекательности Новороссийского края для Гоголя. Однако следует иметь в виду, что край только осваивался, подавляющее число друзей, приятелей, знакомых писателя проживали в Петербурге, Москве, Малороссии. Он часто бывал Европе, особенно любил жить в Италии. К сказанному добавим, что Гоголь имел слабое здоровье, поэтому предпочитал зиму проводить на теплом юге. В частности, в письме к графу А.П. Толстому (август 1850 г.) писатель замечал: «Если бы Одесса была хоть сколько-нибудь похожа климатом на Неаполь, разумеется, я и не подумал бы о выезде за границу» [16, т. 6, с. 548]. В письме к А.О. Смирновой (октябрь 1850 г.) он указывал на одесские «ветры, которые, говорят, зимой невыносимо суровы, но сила моря [была всегда спасительна для меня] была так полезна моим нервам» [16, т. 6, с. 567]. Именно пребывая в Одессе, мэтр русской литературы писал вторую часть «Мертвых душ» [15, с. 786].

Крым ему импонировал, но в те годы еще не превратился в «общероссийскую здравницу» и, как указывал писатель в письме к А. О. Смирновой (декабрь 1850 г.), был «безлюдным»: «Не прожить ли [нам] следующую зиму в Крыму? Ведь Крым отталкивает только тем, что нет людей. Но если соберемся человека два-три, вы да я, да еще кто-нибудь, право, этого будет довольно. Мы ведь люди уже старые, что нам за рауты?» [16, т. 6, с. 595].

Воспоминания уроженца и жителя Екатеринославской губернии Н. Д. Мизко, воспроизведенные в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша и имеющие отношение к январю 1851 года, свидетельствуют, что Гоголя интересовали различные аспекты общественно-политической, социально-экономической и культурно-религиозной жизни Новороссии: развитие Екатеринослава, добыча каменного угля в Екатеринославской губернии, функционирование находящегося на границе Екатеринославской и Харьковской губерний Святогорского монастыря на меловых горах [15, с. 763].

Каким бы ни было отношение Н.В. Гоголя к Новороссии, какое бы место она ни занимала в его жизни и практическом опыте, в более кристаллизованной форме место и роль Новороссийского края можно проследить в социально-философских взглядах писателя, которые получили отражение в его художественных, публицистических произведениях и эпистолярном творчестве.

Один из главных лейтмотивов социальной философии великого русского писателя высказан еще в статье «Взгляд на составление Малороссии» (1832 г.), которая должна была предварять так и не завершенную «Историю Малороссии»: «Многое в истории разрешает география» [17, с. 85].

В обозначенном выше труде автор подчеркивал, что «монголы» в XIII в. «наложили иго на северные и средние русские княжения», а в Южной России, более

всего пострадавшей от «татар» выросло «новое славянское поколение», смысл жизни которого свелся к постоянной борьбе. Необходимо учесть, что для Гоголя понятие «Южная Россия» было широким, оно включало современные земли Новороссии и Украины, но «не далее 50° широты» [17, с. 82; с. 85]. Представляя раннюю историю казачества и его этносоциальную структуру, Гоголь пишет: «Это было пестрое сборище самых отчаянных людей пограничных наций. Дикий горец, ограбленный россиянин, убежавший от деспотизма панов польский холоп, даже беглец исламизма татарин, может быть, положили первое начало этому странному обществу по ту сторону Днепра, впоследствии постановившему целью, подобно орденским рыцарям, вечную войну с неверными». При этом исследователь указывал, что большую часть этого «сборища» составляли коренные обитатели Южной России, обладающие языковой «славянской южной физиономией», близкой «к тогдашнему русскому» и являющиеся носителями греческой веры [17, с. 87]. Автор не уточняет, что понималось под «тогдашним русским» языком.

Гоголь указывал на реальные исторические черты казачьего общества: общинное братство, разбойничий характер, воинственность, разгульный образ жизни, беспечность и т. д. Вместе с тем, он идеализировал раннюю историю казачества, особенно это касалось якобы гармонии во взаимоотношениях казаков и крестьян. В настоящее время хорошо известно негативное отношение казачества к сельскохозяйственному труду.

Как нами уже отмечалось выше, молодой Гоголь настаивал на гармоничной взаимосвязи преподавания истории и географии. Специалистами подчеркивалось, что «свою карьеру в печати под собственным именем писатель начал именно со статьи о географии» [3, с. 24]. В этой связи необходимо подчеркнуть, что молодой писатель был знаком с произведениями выдающихся ученых А. Гумбольдта и К. Риттера, с «Путешествием...» П. Палласа и т. д. Будучи преподавателем Патриотического института в Санкт-Петербурге, он был в курсе многих значительных изменений, которые происходили в географической науке того времени. И. Видугирите в работе «Географическое воображение. Гоголь» заметила, что «Гоголь *первый в России [курсив в тексте]* обобщил географию как философский художественно-научный проект» [3, с. 91].

Учитывая данный факт, обращение Гоголя к тем или иным территориям Российской империи, в частности к Новороссии, было не случайным и выборочным, а, как мы покажем ниже, географически и философски выверенным и целесообразным, необходимым в контексте того или иного произведения.

Судя по воспоминаниям современников Н.В. Гоголя, сюжет к его двум наиболее известным произведениям – «Ревизору» и «Мертвым душам» – был подсказан А.С. Пушкиным, причем в период нахождения последнего в Новороссии. Так, в воспоминаниях В.И. Любича-Романовича – писателя и друга А.С. Пушкина, однокашника Гоголя по Нежинскому лицей, утверждалось: «А «Мертвые Души» – так это прямо идея Пушкина, возникшая в его уме еще в то время, когда он жил в Новороссии» [13, с. 562]. Идея «Ревизора», по мнению В.И. Любича-Романовича, тоже принадлежит Пушкину и относится ко времени пребывания его в Бессарабии (1820–1823 гг.). В воспоминаниях бессарабского знакомого Пушкина И.П. Липранди говорится, что события, подобные тем, что развернулись в «Мертвых душах», имели место в Бендерах. В указанном городке якобы не регистрировались смертные случаи, а имена умерших передавались другим лицам, в т. ч. беглым крестьянам, которые попадали в Новороссийский край со всех концов России. По этой причине жителей городка называли «бессмертным обществом» [18, с. 543]. Есть свидетельство, что

включить в повесть «Тарас Бульба» описание степи Гоголю также посоветовал Пушкин [3, с. 183].

По одной из версий прототипом главного героя «Мертвых душ» Павла Ивановича Чичикова был знакомый Гоголя титулярный советник Семен Данилович Шаржинский. Оба «персонажа» – реальный и выдуманный – имели отношение к Новороссии. Главный герой поэмы, как известно, намеревался переселять «мертвые души» в Херсонскую губернию, а Шаржинский, по словам Гоголя, был «охотником страшным до степей и Крыма» [16, т. 2, с. 328].

Безусловно, основным природно-географическим символом Новороссии была и есть Степь. Это в полной мере осознавал великий русский писатель. Достаточно вспомнить описание степных просторов в повести «Тарас Бульба»: «Тогда весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытоптывали их» [19, с. 25].

Упомянутая нами И. Видугирите считает, что в исторической концепции Гоголя «Степь» выступает как пространственный образ истории украинского народа. В то же время, исследователь сама указывает на тот факт, что у Гоголя часто климат Новороссии (Степи) контрастирует с климатом Малороссии (Лесостепи) [3, с. 33; с. 187]. Другой специалист, В. Звизняцкий, противопоставляя двух великих русских писателей Н.В. Гоголя и А.П. Чехова, замечает, что первый является в большей степени апологетом Лесостепи/Украины, а второй – Степи/Новороссии. Не вдаваясь в философский спор, который вполне может стать предметом отдельного глубокого исследования, заметим, что на наш взгляд, вторая точка зрения является более обоснованной. К тому же, даже в представленном выше небольшом отрывке из «Тараса Бульбы», где речь идет о степных просторах Новороссии, есть сравнение с лесом, что, вероятно, на подсознательном уровне выдает Гоголя как уроженца лесостепной зоны. Более того, С.А. Дубровская указывает, что после «Тараса Бульбы» в художественном мире писателя Степь не только перестает быть символом свободы, воли, бесконечности, но и обретает границы, и даже обозначает потусторонний мир [5, с. 111].

Тем не менее, можно согласиться со следующим утверждением И. Видугирите: «В одном Гоголь несомненно прав: встреча с географическим чужим позволяет прояснить собственный идентитет» [3, с. 184]. Хотя для самого художника слова до конца дней вопрос о собственной идентичности был довольно сложным. Так, в часто цитируемых сегодня строках письма к А.О. Смирновой (декабрь 1844 г.) он поясняет: «Скажу вам одно слово насчет того, какая у меня душа, хохлацкая или русская, потому что это, как я вижу из письма вашего, служило одно время предметом ваших рассуждений и споров с другими. На это вам скажу, что сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому пред малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой – явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве» [16, т. 4, с. 633]. Территория Новороссии для этого слияния представлялась идеальной площадкой, так как, несмотря на многонациональность, в крае численно преобладали великороссы и малороссы.

В развитие данного аспекта представляется важным следующее положение писателя: русский язык Пушкина [*Гоголь безмерно уважал и с благоговением относился к великому русскому поэту – М.Г.В.*] должен стать для всех славян, не только восточных, чем-то подобным Евангелию для христиан [4, с. 78]. И в этом он был твердо убежден до конца своих дней.

Исследователями творчества Гоголя давно замечено, что «херсонским помещиком» П.И. Чичиков представлялся не случайно, так же как переселять «мертвые души» намеревался именно в Херсонскую губернию. Еще русский символист А. Белый в «Мастерстве Гоголя. Исследованиях» отмечал, что именно в Новороссию «с помощью Гоголя вымчит он [*П.И. Чичиков – М.Г.В.*] мертвую свою душу» [1, с. 81]. Кажущаяся импровизация П.И. Чичикова по отождествлению себя с «херсонским помещиком» только на первый взгляд связана с продолжающимся в XIX веке процессом активной колонизации плодородных земель Новороссии. Это, так сказать, внешняя или открытая сторона проблемы. Как писал сам автор «Мертвых душ»: «...никогда вначале не видно всего широкого течения и объема дела» [20, с. 226].

По мнению К. Соливетти, один из важнейших городов в символическом пространстве «Мертвых Душ» – Херсон [11, с. 500]. Этот город противопоставлен Малороссии, отличен от населенных пунктов малороссийских губерний, близость которых только вредит ему, так как там «как известно, свободная продажа вина» [20, с. 584].

Специалисты полагают, что «за фигурой херсонского помещика на отдаленном историческом фоне встает фигура новороссийского губернатора» Г. А. Потемкина, способствуя тому, что литературный сюжет перекликается с историческим [11, с. 502]. В этой связи вспоминается история с т. н. «потёмкинскими деревнями», которая обладает чертами вымышленной деревни «херсонского помещика» П.И. Чичикова. Трудно сказать, насколько Гоголь владел информацией о «потёмкинских деревнях», но даже в западной историографии рассказ о них представляется «злой шуткой», «пустой игрой слов» [21, с. 593-594].

На наш взгляд, наиболее важна метафорическая связь Херсона с Херсонесом Таврическим. Название «Херсон» для образованного русского человека XVIII–XIX в. имело сакральное значение. В Указе Екатерины II от 9 сентября 1775 г. о создании Херсонской и Славянской епархий подчеркивалось: «...Херсон был источник христианства для России, где, по восприятию князем Владимиром крещения, свет благодатных веры и истинного богослужения просиял и насажден в России». Название нового города и новой епархии подчеркивало связь времен, Руси и Российской империи, отсылало ко временам важнейшего события русской истории – крещения князя Владимира Святославича в Херсонесе (Корсуне) [22, с. 238-243].

Необходимо сказать, что в екатерининские времена место принятия христианства князем Владимиром Святославичем не было четко локализовано. Существовала теория, что древний Херсонес (Корсунь) располагался в низовьях Днепра, т. е. поблизости от строившегося Херсона. Представление о том, что Херсонес (Корсунь) располагался на юго-западе Крымского полуострова, недалеко от твердыни Черноморского флота, «закрепилась в общественном сознании только в правление любимого внука Екатерины Александра I» [22, с. 246].

По мнению К. Соливетти, «если гоголевская поэма замышлялась как движение из ада через чистилище в рай, то гипотетически намеченное движение Чичикова в Херсонскую губернию составляло параллель не только общему вектору «божественной комедии» Гоголя, но и тому «пути на пользу», что совершила Екатерина II, отправляясь

в странствия по Новороссии» [11, с. 504]. Россия, по мысли Гоголя, должна возродиться, вернувшись к истокам, а «мертвые души» напиться у этого же истока «живой воды». Во многом это близко с утверждением немецкого философа М.°Хайдеггера: «В своем потаенном ходе история – это не поступательное движение от начала к концу, но возвращение бывшего-будущего в исток» [23, с. 352].

Чрезвычайно интересными в этой связи являются строки из письма Н.В. Гоголя А.О. Смирновой от 25 июля 1845 г. (н. ст.), в котором писатель, возвращаясь к вопросу о сожжении рукописи второго тома «Мертвых душ», замечает: «Вовсе не губерния и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают, есть предмет «Мертвых душ». Это пока еще тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех (ибо ни одна душа из читателей не догадалась), раскрыться в последующих томах, если бы Богу угодно было продлить жизнь мою и благословить будущий труд. Повторяю вам вновь, что это тайна, и ключ от нее покамест в душе у одного только автора...» [10, с. 454]. На эти строки обращали внимание специалисты-гоголеведы, в частности Ю.В. Манн. К тому же, А.О. Смирнова принадлежала к тому узкому кругу друзей писателя, с которыми он был предельно искренен.

В указанном письме есть продолжение: «Была у меня, точно, гордость, но не моим *настоящим*, не теми свойствами, которыми владел я; гордость *будущим* шевелилась в груди, – тем, что представлялось мне впереди, счастливым открытием, которым угодно было, вследствие Божией милости, озарить мою душу... Но некстати я заговорил о том, чего еще нет [16, т. 5, с. 142-143]. Подчеркнём, что слова «настоящим» и «будущим» выделены Гоголем в тексте письма. Сложно сказать, что скрывается за гоголевской тайной. Возможно, частью этой тайны и есть мысли Гоголя о возвращении России и российского общества к истокам христианства.

Одной из основных черт мировоззрения великого писателя был мессианизм [12]. Он был убежден, что высшей инстанцией выбран для того, чтобы донести до России и всего мира «спасительное слово, которое обличит всю меру падения и внушит надежду на будущее». Поэтому в поэме «Мертвые души» «все совершается ... как бы с оглядкой на «память смертную», на будущую жизнь души, на вечное существование». Гоголь ощущал себя последователем Данте. Он должен также, как и великий итальянец, вернуть человечество на праведную дорогу [9, с. 648-649].

Вернуться на верную колею сложно из-за еще одной интересной особенности пространственной структуры «Мертвых душ», подмеченной исследователями: «...она [*пространственная структура* – М.Г.В.] иерархична в одном в высшей мере любопытном отношении – герои, читатель и автор включены в разные типы того особого пространства, которое составляет знание законов жизни. Герои находятся на земле, горизонт их заслонен предметами, они ничего не знают, кроме практических житейских соображений, поразительно недалёковидных» [8, с. 447]. По меткому утверждению французского философа румынского происхождения Э. Чорана (рум. Emil Michel Cioran; во фр. произношении – Сьюран (Сиоран)): «Гоголя преследовали собственные персонажи. По его признанию, он всегда носил в себе и хлестаковых, и чичиковых. Его угнетала их несостоятельность. Никого из них он не спас, поскольку, будучи художником, просто не мог этого сделать» [24, с. 246].

Будучи глубоко религиозным человеком, Гоголь не советовал читать «Мертвые души» (речь шла о первом томе) в Великий пост, так как произведение, по его мнению, представляет собой «чертовщину» [2, с. 392]. Как известно, Великий пост заканчивается Светлым Христовым Воскресением, а этот Праздник, по мнению русского писателя, нигде так не празднуется как в России. Это верный знак «особости»

русского народа, его значительной роли в истории человечества, его всечеловечности [16, т. 5, с. 298].

Опираясь на великих классиков русской литературы, в т. ч. на мысли Н. В. Гоголя, немецкий философ В. Шубарт подчеркивал: «Русская душа ощущает себя наиболее счастливой в состоянии самоотдачи и жертвенности. Она стремится ко всеобщей целостности, к живому воплощению идеи о всечеловечности» [25, с. 29]. В полной мере сказанное относится к социальной философии, жизни и творчеству великого русского писателя, многие тайны которого еще только предстоит разгадать.

Таким образом, необходимо констатировать, соглашаясь с В. Зеньковским, что время «для исторической справедливой оценки Гоголя как мыслителя все еще не настало» [6, с. 176]. Социально-философские взгляды Н.В. Гоголя, базирующиеся на глубокой религиозности и антропоцентризме, нуждаются в дальнейшем скрупулезном изучении. Писатель не успел выработать собственной философской системы, но поиск будущей духовной сущности России, осознание особого пути её развития, способствовали превращению его в пророка православной культуры. Русская социальная и религиозная философия обогатилась его мыслями. Он очень сильно повлиял на развитие духовной жизни России XIX века, но его мысли не утратили своей актуальности и по сей день.

Несмотря на то, что Н.В. Гоголь нечасто бывал в Новороссии, в социально-философском, аксиолого-символическом и религиозном плане присоединенные к России новороссийские земли очень много значили для духовного мира писателя. Об этом свидетельствуют его художественные произведения, публицистика и эпистолярное творчество. По его мнению, именно с этих «новых» «старых» земель, через возврат к христианским истокам, должно начаться морально-нравственное христианское возрождение России и всего русского общества. Духовно умершие люди – «мертвые души» – получают, наконец, шанс стать живыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белый Андрей. Мастерство Гоголя. Исследование. – М.-Л.: ОГИЗ; Государственное издательство художественной литературы, 1934. – 324 с.
2. Вересаев В.В. Сочинения в четырех томах. Т. 4. Гоголь в жизни. – М.: Правда, 1990. – 560 с.
3. Видугирите Инга. Географическое воображение. Гоголь / Инга Видугирите. – Вильнюс: Вильнюсский университет: Petro ofsetas, 2015. – 296 с.
4. Воропаев В. А. Н. В. Гоголь как политический мыслитель // Два века русской классики. – 2020. – Т. 2, № 4. – С. 74–85.
5. Дубровская С.А. Образ степи в смеховом мире Н.В. Гоголя // Вестник Мордовского университета. Финно-угроведение. Филологические науки. – 2011. № 1. – С. 109-112.
6. Зеньковский В. История русской философии. – М.: Академический Проект, Раритет, 2001. – 880 с.
7. Кривонос В. «Херсонский помещик»: другое пространство в Мертвых душах Гоголя // Literatura. – 2015. – № 5. – С. 285-294.
8. Лотман Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Избранные статьи в трех томах. – Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин: Александра, 1992. – С. 413-447.
9. Манн Ю.В. Творчество Гоголя: смысл и форма. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 744 с.
10. Манн Ю.В. Гоголь. Книга вторая. На вершине: 1835-1845. [2-е изд., перераб. и доп.]. – М.: РГГУ, 2012. – 552 с.
11. Соливетти К. Из наблюдений за символикой пространства в поэме Н. В. Гоголя «Мёртвые души» // LAUREA LORAE. Сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой. – Санкт-Петербург, 2011. – С. 497-507.
12. Черепанова Р.С. Н.В. Гоголь как социальный философ // Вестник Челябинского университета. – 2001. – № 1. – Т. 1. – С. 107–121.
13. Виноградов И. А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание. В 3 т. Т. 1. – М.: ИМЛИ РАН, 2011. – 904 с.

14. Виноградов И. А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников [Текст]: полный систематический свод документальных свидетельств: в 3 т. / И. А. Виноградов; Учреждение Российской акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – Науч.-критическое изд. – Москва: ИМЛИ РАН, 2011. – Т. 2. – 2012. – 1031 с.
15. Виноградов И. А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание. В 3 т. Т. 3 / Издание подготовил И. А. Виноградов. – М.: ИМЛИ РАН, 2013. – 1168 с.
16. Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809-1852). С родословной летописью (1405-1808). Научное издание. В 7 т. – М.: ИМЛИ РАН, 2017-2018. Т. 1. 1405-1808; 1809-1828. 2017. – 736 с.; Т. 2. 1829-1836. 2017. – 672 с.; Т. 3. 1837-1841. 2017. – 673 с.; Т. 4. 1842-1844. 2018. – 704 с.; Т. 5. 1845-1847. 2018. – 928 с.; Т. 6. 1848-1850. 2018. – 656 с.; Т. 7. 1851-1852. 2018. – 640 с.
17. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем в двадцати трех томах / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М.: Наука, 2009. – Т. 3. – 1013 с.
18. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем в двадцати трех томах / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М.: Наука, 2012. – Т. 7. Кн. 2. – 888 с.
19. Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Издание подготовил И. А. Виноградов. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 696 с.
20. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем в двадцати трех томах / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М.: Наука, 2012. – Т. 7. Кн. 1. – 808 с.
21. Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. Пер. с английского Л.Н. Лужецкой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 976 с.
22. Храпунов Н. И. Византийский Херсон и Екатерина Великая // Античная древность и средние века. 2016. Вып. 44. – С. 236–251.
23. Хайдеггер М. Гераклит. Пер. с немецкого А.П. Шурбелева. СПб.: «Владимир Даль», 2011. – 503 с.
24. Сиоран Э. Испытание существованием / Пер. с фр., предисл. В. А. Никитина, редак., примеч. И.С. °Вдовиной. – М.: Республика; Палимпсест, 2003. – 431 с.
25. Шубарт В. Европа и душа Востока. Пер. с немецкого З.Г. Антипенко и М.В. Назарова. – М.: «Русская идея», 2000. – 443 с.

Поступила в редакцию 22.05.2025 г.

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL IDEAS OF NOVOROSSIYA IN THE WORKS OF N.V. GOGOL

G. V. Mishechkin

The article attempts to identify the place and analyze the role of Novorossiia in the social philosophy, life and work of the great Russian writer and thinker Nikolai Gogol. Attention is focused on the fact that in socio-philosophical, axiological, symbolic and religious terms, the Novorossiysk lands attached to Russia meant a lot to the spiritual world of the writer.

Key words: Novorossiia, the South of Russia, N.V. Gogol, social philosophy, creativity.

Мишечкин Геннадий Валерьевич

Кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный
университет экономики и торговли имени Михаила
Туган-Барановского», г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: mishechkin2213@mail.ru

Mishechkin Gennady Valerievich

Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor,
FSBEI HE «Donetsk National University of
Economics and Trade named after Mikhail
Tugan-Baranovsky», Donetsk, DPR, RF.
E-mail: mishechkin2213@mail.ru

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.046.4

DOI: 10.5281/zenodo.17897930

EDN: DJWOKS

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА НА УРОВНЕ НАЧАЛЬНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2025 Т. В. Аникина, Л. В. Шевчук

*Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»*

В статье анализируется потенциал нейропсихологических упражнений как эффективного средства стимулирования познавательной активности младших школьников на уроках русского языка. Уточняется понятие нейропсихологических упражнений, подчеркивается их значение для активации когнитивных процессов, обеспечивающих успешное усвоение языковых знаний и умений. Особое внимание уделяется упражнениям, направленным на развитие таких компонентов высших психических функций, как произвольное внимание, операциональная память, фонематическое восприятие и зрительно-моторная координация. Обосновывается целесообразность их интеграции в структуру уроков русского языка. Приводятся практические примеры упражнений, доказавших свою эффективность в преодолении учебных трудностей и повышении качества выполнения как устных, так и письменных заданий учащимися.

Ключевые слова: нейропсихологические упражнения, когнитивное развитие, младший школьный возраст, русский язык, учебные трудности, познавательная деятельность.

Введение. Настоящая статья посвящена рассмотрению нейропсихологических упражнений как одного из действенных средств стимулирования познавательной активности младших школьников в процессе обучения русскому языку. Актуальность данной проблематики определяется необходимостью повышения эффективности усвоения учебного материала за счёт целенаправленного воздействия на когнитивные процессы: внимание, память, мышление, зрительно-пространственную координацию и речь. Методологическим основанием для обращения к нейропсихологическому подходу служит теория высших психических функций, разработанная А. Р. Лурией. Согласно его концепции, высшие психические функции представляют собой системные и динамичные образования, функционирование которых обеспечивается совместной деятельностью различных мозговых зон. В условиях образовательного процесса особенно значимым становится вопрос о возможности опосредованного развития данных функций через специально организованную учебную деятельность. В этом контексте нейропсихологические упражнения рассматриваются не только как элемент коррекционной практики, но и как эффективный инструмент развивающего обучения, органично интегрируемый в структуру общеобразовательных уроков. Русский язык как предмет учебного плана начальной школы предъявляет высокие требования к уровню развития познавательной сферы обучающихся: от способности к фонематическому анализу и концентрации речевого внимания до формирования графомоторных навыков. Включение нейропсихологических упражнений в образовательный процесс способствует активации соответствующих психофизиологических механизмов,

создавая тем самым предпосылки для успешного формирования языковых компетенций. Таким образом, нейропсихологические упражнения в данной статье рассматриваются как средство, способное существенно повысить результативность обучения русскому языку на уровне начального общего образования путём целенаправленного развития познавательной активности обучающихся.

Материалы и методы. В ходе научного анализа были использованы разнообразные методы: теоретический анализ научной, учебно-методической и справочно-энциклопедической литературы; обзор публикаций в специализированных и массовых периодических изданиях; изучение и обобщение практического педагогического опыта по внедрению нейропсихологических упражнений в учебную деятельность младших школьников; анализ и сопоставление результатов констатирующего и формирующего этапов педагогического эксперимента; методы систематизации, интерпретации и научного обобщения полученных данных.

Методологическую базу исследования составили:

- научные труды, посвященные методике преподавания русского языка в начальной школе (М. Т. Баранов, Т. А. Ладыженская, Т. Г. Рамзаева, Н. А. Чуракова и др.);

- положения нейропсихологической теории развития высших психических функций (А. Р. Лурия, В. И. Лубовский, Т. В. Ахутиной, О. В. Правдина);

- идеи деятельностного подхода к обучению (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов);

- исследования, посвящённые когнитивному и эмоциональному развитию детей младшего школьного возраста (Г. А. Цукерман, Е. О. Смирнова, Н. Н. Поддьяков);

- концепции, раскрывающие взаимосвязь языка и мышления (Л. С. Выготский, А. А. Леонтьев, И. А. Зимняя, Н. И. Жинкин и др.). Выбор указанных теоретико-методологических оснований обусловлен целевой установкой исследования – выявить влияние нейропсихологических упражнений на формирование орфографической зоркости, развитие фонематического слуха и речевого внимания у младших школьников, а также определить педагогические условия, обеспечивающие результативную интеграцию нейропсихологических подходов в процесс обучения русскому языку на уровне начального общего образования.

Результаты исследования. Познавательная активность понимается как внутренняя готовность ученика к исследованию, самостоятельному осмыслению и усвоению нового материала. В основе данного понятия лежит термин «активность», трактуемый в научной и публицистической литературе по-разному. В бытовом и словарном значении активность ассоциируется с деятельностью, энергичностью, стремлением к развитию. Так, в толковом словаре русского языка «активный» описывается как деятельный, развивающийся, энергичный человек. В научной интерпретации, например у А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского, активность представляется в качестве одного из важнейших качеств личности, как способность к преобразованию окружающей действительности в соответствии с потребностями, целями и взглядами индивида [1, с. 2].

В педагогической науке проблема развития познавательной активности рассматривается как фундаментальная и долговременная. Её истоки прослеживаются ещё в трудах античных мыслителей – Сократа и Аристотеля, обращавшихся к вопросам познания и мышления как основам обучения. Идеи, заложенные ими, были в дальнейшем развиты выдающимися педагогами-гуманистами – Я. А. Коменским, И. Г. Песталотти, А. Дистервегом, а также отечественными исследователями:

К. Д. Ушинским, Л. С. Выготским и др. Современные трактовки понятия «познавательная активность» отличаются многокомпонентностью и глубиной анализа. Г. И. Щукина характеризует познавательную активность как «ценное и сложное личностное образование школьника, интенсивно формирующееся в школьные годы», указывая на ее интегративный характер и значимость в структуре учебной деятельности. Однако в данном определении, как справедливо отмечают исследователи, несколько размыты собственно характеристики активности, проявляющейся непосредственно в учебной деятельности. Более детализированный подход предлагает Т.И. Шамова, определяя активность в учении как не просто деятельностное состояние школьника, а как качество этой деятельности, в которой проявляется личностное отношение учащегося к содержанию и характеру учебной работы, а также его стремление мобилизовать волевые и нравственные усилия для достижения познавательной цели [2]. С позиций структурного анализа И. С. Морозова и И. С. Штепина выделяют три ключевых компонента, отражающих динамику развития познавательной активности у младших школьников: когнитивный, эмоциональный и деятельностный [3, с. 163]. Такое понимание позволяет рассматривать познавательную активность как целостное психолого-педагогическое образование, опосредующее успешность учебного процесса и формирование устойчивого интереса к познанию.

С позиций деятельностного подхода формирование личности осуществляется в процессе ее собственной активности, где субъект выступает как познающий, действующий и взаимодействующий с окружающей средой. Именно в деятельности раскрываются внутренние ресурсы личности, развивается ее мотивационная и когнитивная сферы [4, с. 24]. Личностно-ориентированный подход к построению образовательного процесса акцентирует внимание на максимальной реализации индивидуального потенциала обучающегося, что достигается через сотрудничество, диалог и сотворчество всех участников педагогического взаимодействия. При этом личность рассматривается как автономный субъект, обладающий устойчивой системой индивидуальных характеристик, ценностных ориентаций и способов взаимодействия с миром [5].

С. В. Рослякова подчеркивает, что применение личностно-ориентированного подхода позволяет не только трансформировать формы взаимодействия педагога и ученика, но и изменить саму структуру образовательного процесса. Это достигается через реализацию следующих установок [6, с. 58]:

- признание ценности и уникальности личности ученика;
- делегирование ответственности и проявление доверия;
- создание условий для переживания успеха каждым обучающимся;
- распределение ответственности за результат деятельности между учителем и учеником;
- содействие в процессе самоопределения, осознания своих способностей и направлений их реализации.

На различных возрастных этапах познавательная активность проявляется по-разному и напрямую зависит от ведущей деятельности, а также от уровня развития познавательных процессов, мотивации и социальной ситуации развития. В младшем школьном возрасте ключевым становится переход от игровой деятельности к учебной, которая теперь выступает как основная форма социализации и усвоения культурных норм. Школьная адаптация сопровождается формированием новой социальной роли, вхождением в систему нормативных ожиданий и требований, предъявляемых к ученику. Учебная деятельность как ведущая формируется не одномоментно, а

постепенно, по мере накопления школьного опыта и развития необходимых личностных новообразований. Как указывает И. Н. Матяш, поступление в школу сопровождается изменением социальной позиции ребёнка, что влечёт за собой необходимость формирования новых форм поведения, мышления, произвольности и учебной мотивации [7, с. 140]. В этот период происходят значимые преобразования в сфере внимания, памяти, логического мышления и способности к саморегуляции, что создаёт основу для осознанного и активного включения в процесс обучения. Возрастной отрезок 6–10 лет является критически важным (сензитивным) для становления познавательных способностей, и, по мнению Л. С. Выготского, именно в этот период происходит активное формирование таких базовых когнитивных механизмов, как произвольное внимание, логико-операциональное мышление и речевая рефлексия [8]. В то же время овладение языковыми нормами и коммуникативной компетентностью предполагает учет специфики психического развития младших школьников, что требует соответствующей организации учебного процесса.

В рамках нашего исследования познавательная деятельность младших школьников рассматривается как целенаправленный процесс активного постижения окружающего мира и самого себя. Эта деятельность может носить как самостоятельный, так и управляемый характер, осуществляться под педагогическим руководством, но всегда характеризуется стремлением к разрешению познавательных задач и потребностью в новых знаниях. Она основывается на внутреннем противоречии между уровнем уже освоенного опыта и необходимостью поиска новых способов его расширения. Именно поэтому познавательная активность должна развиваться посредством специально подобранных методов, средств и форм, направленных на формирование способности к познавательному усилию, саморефлексии и постановке учебной цели [9, с. 1]. Эмоциональная сфера младших школьников отличается особой чувствительностью и высокой степенью отзывчивости. Эмоции оказывают значительное влияние на функционирование всех психических процессов, включая познавательные. Под влиянием эмоциональной оценки у детей нередко наблюдаются искажения в восприятии объектов и явлений, а также ошибки в процессе мышления, запоминания и воспроизведения информации. В то же время по мере взросления происходит постепенное становление произвольности эмоциональных проявлений: эмоции становятся более уравновешенными по сравнению с дошкольным возрастом [7, с. 150]. Младшие школьники способны относительно легко переключаться с одного вида деятельности на другой, не испытывая при этом значительных затруднений. Однако особенности их внимания все еще сохраняют черты, свойственные более ранним этапам развития. Наиболее полное проявление внимания наблюдается в тех случаях, когда объект или явление вызывает у ребёнка живой интерес [10, с. 131]. Младший школьный возраст представляет собой критически важный этап в психическом развитии личности, в течение которого формируются основы учебной деятельности, произвольное поведение, мотивация к обучению, а также интенсифицируется развитие познавательных процессов. Особую роль в этом возрасте играет речь – одна из наиболее сложных и универсальных высших психических функций, обеспечивающая организацию и согласование остальных психических процессов, таких как внимание, восприятие, память и мышление [11, с. 127].

Для более глубокого осмысления механизмов психического развития в младшем школьном возрасте особое значение приобретает нейропсихология – наука, исследующая взаимосвязь между функциями мозга и психикой. Нейропсихологический подход позволяет объяснить, каким образом структура и функциональная организация

мозга обуславливают особенности поведения, обучения и эмоционального состояния ребёнка, а также выявлять возможные трудности, связанные с незрелостью отдельных нейropsychологических систем. Понимание сути нейropsychологии требует обращения к её этимологии: «нейро» указывает на связь с нервной системой, «психология» – на предмет изучения психики. Следовательно, нейropsychология занимается исследованием мозговых основ высших психических функций – памяти, внимания, мышления, речи, восприятия. Современная нейropsychология представляет собой мультидисциплинарное направление, находящееся на пересечении физиологии, психологии, биологии и медицины. Существенный вклад в её развитие внесли отечественные ученые, среди которых И. М. Сеченов, И. П. Павлов, А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин и Н. А. Бернштейн. Их работы позволили по-новому осмыслить роль центральной нервной системы как регулятора психической деятельности [12]. Вклад Т. В. Ахутиной в прикладной аспект нейropsychологии выражается в создании методик диагностики и коррекции когнитивных нарушений у детей школьного возраста, адаптированных под особенности их психического развития [13].

Таким образом, нейropsychология сегодня – это не только теоретическое направление, но и эффективный инструмент практической работы педагога и школьного психолога. Эмпирические исследования в этой области убедительно демонстрируют связь между работой различных отделов мозга и уровнем развития высших психических функций. На основании этих данных разработаны конкретные методы коррекции и развития познавательной сферы. Одним из таких методов являются нейроупражнения – специально организованные задания, направленные на активацию и восстановление когнитивных функций. Согласно Л. С. Выготскому, упражнение – это процесс, в результате которого действие становится автоматизированным и входит в структуру навыка [14, с. 30]. Принципиальная основа нейроупражнений заключается в использовании нейropsychологических механизмов, таких как пластичность мозга и межполушарное взаимодействие. Систематическая работа по этим методикам способствует укреплению нейронных связей, что положительно влияет на развитие памяти, внимания, пространственного восприятия и других когнитивных способностей. Применение нейроупражнений в образовательной практике особенно важно при работе с детьми, испытывающими трудности в обучении. Эти упражнения позволяют адаптировать учебный процесс к индивидуальным особенностям ребенка, повышая его вовлеченность и эффективность усвоения материала. Взаимосвязь нейropsychологии и когнитивной науки подтверждает: обучение немыслимо без участия мозга, его способности к нейропластичности и к формированию новых нейронных структур. В этой связи нейроупражнения становятся неотъемлемой частью современной образовательной среды, способствуя развитию таких ключевых функций, как внимание, координация, сенсомоторная интеграция и межполушарное взаимодействие.

Обсуждение результатов. Термин «нейроупражнения» охватывает широкий спектр техник, направленных на активизацию когнитивных и психофизиологических процессов, обеспечивающих развитие и коррекцию высших психических функций. Впервые элементы данной концепции были разработаны американскими нейropsychологами Гленом Доманом и Карлом Делагато, которые рассматривали нейроупражнения как неотъемлемую часть системы раннего развития. Основу их подхода составляло сенсорное и двигательное стимулирование, активизирующее функционирование головного мозга. Особое внимание ученые уделяли значимости ползания, хватательных движений, зрительно-моторной координации как базису для

формирования нейронных связей и развития интеллектуальных способностей ребенка. Существенный вклад в развитие нейропсихологического подхода внес Пол Деннисон, разработавший методику «Гимнастика мозга» (Brain Gym), которая представляет собой систематизированный комплекс упражнений, направленных на синхронизацию работы полушарий головного мозга, устранение психофизиологических блоков, а также повышение внимания и обучаемости. Среди ключевых категорий упражнений, предложенных Деннисоном, выделяются:

1. Перекрестные движения (Cross Crawl) – способствующие активации межполушарного взаимодействия и развитию пространственного восприятия за счёт пересечения средней линии тела.

2. «Ленивые восьмерки» – рисование горизонтальной восьмерки, направленное на улучшение зрительно-моторной координации и синхронизацию полушарий, особенно эффективное при коррекции дислексии и затруднений в чтении.

3. Дыхательные техники – включая дыхание через одну ноздрю и брюшное дыхание, оказывающие релаксирующее и когнитивно-активизирующее воздействие.

В отечественной научной традиции вопросы эффективности нейроупражнений изучались Т. И. Шамоной и С. Н. Шамоной. Авторы определяли нейроупражнения как совокупность когнитивных, двигательных и психофизиологических техник, способствующих активизации нейродинамических процессов в детском возрасте. Результаты их исследований свидетельствуют о положительном влиянии регулярной практики нейроупражнений на устойчивость внимания, пространственное мышление, снижение тревожности и повышение адаптационного потенциала ребенка [2]. На современном этапе разработаны и активно используются различные классификации нейроупражнений в зависимости от их функциональной направленности:

1. Кинезиологические упражнения нацелены на развитие координации движений и межполушарного взаимодействия. Примеры включают «крюки Деннисона», «ленивые восьмерки», перекрестные шаги.

2. Ритмические и дыхательные упражнения направлены на стабилизацию эмоционального состояния, нормализацию дыхания и сердечного ритма. Примеры: «квадратное дыхание», пальчиковая гимнастика.

3. Когнитивные упражнения способствуют тренировке памяти, внимания и логического мышления. В этой категории используются нейропсихологические задания А. Р. Лурии, задания на визуальное сканирование, а также упражнения на переключаемость внимания (например, Струп-тест).

4. Сенсомоторные упражнения направлены на совершенствование восприятия, пространственной ориентации и телесной осознанности. Включают в себя игры с мячом, массаж активных точек и упражнения на развитие баланса.

Применение нейроупражнений в образовательной практике позволяет стимулировать развитие ключевых когнитивных функций, что, в свою очередь, положительно сказывается на качестве обучения. Научные данные подтверждают их эффективность как инструмента для коррекции и развития таких психических процессов, как внимание, память и мышление [15]. Как указывается в сборнике научных трудов, нейропсихологические упражнения позволяют существенно повысить концентрацию, объем и устойчивость внимания у детей, улучшить его избирательность и способность к переключению [16 с. 169]. М. М. Семёнович подчеркивает, что нейроупражнения выполняют важнейшие функции: они способствуют росту познавательной активности, улучшению усвоения информации, развитию эмоционального самоконтроля, снижению уровня тревожности и повышению

адаптационных возможностей ребенка в образовательной среде. Таким образом, нейроупражнения представляют собой не вспомогательный компонент педагогического процесса, а полноценный и научно обоснованный инструмент комплексного развития когнитивной и эмоционально-волевой сферы учащихся. Их внедрение в образовательную практику способствует формированию более гибкой и эффективной системы обучения, учитывающей нейропсихологические особенности школьников.

Особую значимость нейроупражнения приобретают в процессе обучения русскому языку, где акцентируется внимание на развитии фонематического слуха, зрительно-моторной координации, орфографической зоркости и речевого внимания. Выполнение специально подобранных нейропсихологических движений до или во время изучения новых орфограмм, при анализе слов и построении предложений способствует более глубокому усвоению учебного материала, повышению грамотности и снижению количества ошибок. Русский язык занимает ключевое место в системе начального общего образования, поскольку выполняет не только предметную, но и метапредметную функцию. Освоение родного языка выступает как основа формирования познавательной активности младших школьников. Через язык ребенок осваивает не только устную и письменную речь, но и фундаментальные когнитивные процессы: память, внимание, логическое мышление, воображение и рефлексия. При этом субъективное восприятие школьной действительности формирует ассоциативно-смысловые реакции, обусловленные как индивидуальными, так и групповыми особенностями языкового сознания [17]. В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом начального общего образования (ФГОС НОО), русский язык реализует три ключевые функции: коммуникативную, познавательную и культурологическую. Это определяет его роль не только как дисциплины, но и как средства интеллектуального, личностного и культурного развития обучающихся [18]. Уровень владения родным языком напрямую влияет на успешность освоения всех остальных предметов: понимание задач по математике, анализ текстов по окружающему миру, интерпретация произведений по литературному чтению зависят от сформированности языковых навыков. Существенную роль в этом процессе играет дидактический материал, включающий тексты о природе, человеке, труде, открытиях, приключениях. Такой материал позволяет установить связь между языковым обучением и жизненным опытом ребенка, способствуя осмысленному и глубокому усвоению языка [19, с. 9].

Освоение родного языка представляет собой не только важнейшую составляющую образовательного процесса, но и выступает ключевым условием развития познавательной сферы ребенка младшего школьного возраста. Современные исследования подтверждают, что обучение русскому языку активно способствует формированию и развитию различных познавательных процессов, включая память, внимание, мышление, воображение и рефлексия. Во-первых, обучение родному языку способствует развитию памяти. Запоминание орфографических правил, словарных слов, грамматических конструкций, а также заучивание текстов (например, стихотворений или отрывков) требует от младших школьников интенсивной работы памяти. В силу возрастных особенностей дети в начальной школе проявляют большую сосредоточенность при выполнении практико-ориентированных заданий, что требует от педагога выстраивания учебной деятельности на основе зрительных, моторных и конструктивных видов деятельности – составление слов из букв, выполнение графических диктантов, работа с моделями предложений и др. [19, с. 12]. Во-вторых, систематическая работа с языковым материалом формирует произвольное внимание.

Задания, требующие сосредоточенности, такие как написание диктантов, орфографических упражнений, выполнение морфологического или синтаксического разбора, способствуют выработке умений удерживать внимание, его целенаправленно распределять и переключать. Эти процессы являются критически значимыми для формирования учебной деятельности и успешности школьного обучения в целом. В-третьих, в процессе изучения языковых явлений активно развивается логическое мышление. Работа с синтаксической и морфологической структурой высказывания, установление смысловых и грамматических связей, анализ текстов, построение собственных высказываний – все это способствует формированию у детей умений логического анализа, установления причинно-следственных отношений, классификации и обобщения, что является необходимыми когнитивными навыками для решения учебных задач. Четвертым важным аспектом является развитие воображения. Выполнение заданий, связанных с сочинением, описанием картин, пересказом литературных произведений, стимулирует творческую активность ребенка, позволяет формировать образное мышление и делает образовательный процесс более мотивированным и личностно значимым. Не менее значимым компонентом является формирование рефлексивных умений – способности осознавать и анализировать собственную речь, выявлять ошибки, корректировать их, осмысленно подходить к выполнению речевых и письменных заданий.

Особое внимание в процессе обучения русскому языку уделяется формированию смыслового чтения как универсального учебного действия. Уже во втором полугодии 1 класса дети переходят к чтению про себя, при этом для работы подбираются тексты, ранее прочитанные вслух. Задания на соотнесение текста с иллюстрацией, нахождение ответов на вопросы, определение реплик персонажей способствуют развитию понимания прочитанного. Во 2 классе школьники уже сталкиваются с заданиями, предполагающими осознанное восприятие и анализ текста. В 3 классе чтение про себя становится ведущим способом первичного знакомства с новым материалом и основой выполнения большинства заданий [19, с. 66]. В соответствии с требованиями ФГОС, данное умение должно формироваться с 1 класса и развиваться на протяжении всего начального образования, обеспечивая становление учебной самостоятельности учащихся.

Заключение. Анализ теоретических источников позволил установить, что развитие познавательной деятельности младших школьников является ключевой задачей начального общего образования. Современные подходы к развитию познавательной активности ориентированы на формирование у детей способности к самостоятельному познанию, критическому мышлению, осмысленной переработке информации и применению знаний в различных учебных ситуациях. Развитие этих навыков особенно важно в условиях интенсивного усложнения образовательных программ и необходимости адаптации детей к постоянно меняющимся требованиям общества. Таким образом, обучение русскому языку является мощным инструментом развития познавательной сферы младших школьников. Одним из эффективных средств повышения познавательной активности младших школьников являются нейропсихологические упражнения. Они базируются на принципах работы мозга и направлены на развитие и укрепление когнитивных функций, таких как внимание, память, зрительно-пространственное восприятие, моторика и межполушарное взаимодействие. Исследования показывают, что включение подобных упражнений в образовательный процесс способствует улучшению концентрации внимания, ускорению обработки информации, повышению обучаемости и уменьшению утомляемости учащихся. Это особенно актуально для младших школьников, так как их

нервная система продолжает активно развиваться, а учебная деятельность требует высокой когнитивной нагрузки.

Русский язык, как базовый предмет в школьном обучении, играет важную роль в формировании познавательной деятельности. Освоение грамоты, чтения, письма и языковых закономерностей требует от детей не только запоминания информации, но и активного использования мыслительных процессов – анализа, синтеза, обобщения, классификации. Однако успешность овладения этими навыками во многом зависит от уровня развития когнитивных функций, которые могут быть слабо сформированы у некоторых учащихся. В этом контексте нейропсихологические упражнения становятся важным инструментом коррекции и поддержки развития познавательной деятельности, позволяя снизить возможные трудности в обучении и повысить академическую успеваемость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балабаева Н. В. Понятие и сущность познавательной активности младших школьников // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2 (26). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-poznavatelnoy-aktivnosti-mladshih-shkolnikov> (дата обращения: 07.04.2025).
2. Воровщиков А. Г., Шамова Т. И., Новожилова Н. Г. Развитие учебно-познавательной компетенции учащихся: опыт проектирования внутришкольной системы. – М.: 5 за знания, 2010. – 402 с.
3. Штепина И. С., Морозова И. С. Познавательная активность младших дошкольников // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 12. – С. 162–165.
4. Смирнова Л. О. Использование деятельностного подхода в проектах цифровой трансформации в образовании: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2025. – 170 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/568244> (дата обращения: 07.04.2025).
5. Богоявленская И. Ф. Личностно ориентированный подход к развитию познавательной сферы старшеклассников: дис. ... канд. пед. наук. – 2010. – 205 с.
6. Рослякова С. В., Пташко Т. Г., Соколова Н. А. Педагогика: учебник и практикум для вузов / под ред. Р. С. Димухаметова. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2025. – 207 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/561880> (дата обращения: 07.04.2025).
7. Матяш Н. В., Павлова Т. А. Возрастная психология: учебное пособие [16+]. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 268 с. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=578503> (дата обращения: 06.04.2025).
8. Выготский Л. С. Педология школьного возраста. Лекции по психологии развития. – М.: Канон+, 2022. – 384 с.
9. Игошина Н. В., Хисамутдинова А. Л. Развитие познавательной деятельности младших школьников на уроках русского языка посредством проблемных ситуаций // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 75–2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-poznavatelnoy-deyatelnosti-mladshih-shkolnikov-na-urokah-russkogo-yazyka-posredstvom-problemnyh-situatsiy> (дата обращения: 11.04.2025).
10. Немов Р. С. Психология: учебник: в 3 кн. – 4-е изд. – М.: Владос, 2020. – Кн. 2: Психология образования. – 609 с. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=702724> (дата обращения: 03.04.2025).
11. Бутенко И. В., Антропова И. А., Гарипова Н. Р. и др. II Всероссийская научно-практическая конференция «Инновационная деятельность педагога в условиях реализации ФГОС». – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 307 с. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=601213> (дата обращения: 12.04.2025).
12. Бернштейн Н. А. О ловкости и ее развитии. – М.: Концептуал, 2024.
13. Ахутина Т. В. Методы нейропсихологического обследования детей 6–9 лет. – М.: В. Секачев, 2016. – 320 с.
14. Мирошниченко М. И. Формирование зрительно-моторной координации у старших дошкольников посредством нейропсихологических игр и упражнений [16+]. – Северодвинск: б. и., 2021. – 105 с. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=691354> (дата обращения: 01.04.2025).
15. Дмитриев А. А. Специальная (коррекционная) педагогика. – М.: Высшая школа, 2017. – 295 с.

16. Научная мысль: традиции и инновации: сб. науч. трудов V Всерос. науч.-практ. конф., 29–30 мая 2024 г. / ред. С. С. Великанова, И. В. Кашуба. – М.: Директ-Медиа, 2024. – 494 с. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=712939> (дата обращения: 06.04.2025).
17. Голубева И. С. Ассоциативно-смысловое пространство ключевых концептов школьного дискурса: дис. ... канд. филол. наук. – 2021. – 188 с.
18. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024).
19. Шевелёва Т. Н. Методика обучения русскому языку и литературному чтению: учеб. пособие. – Минск: РИПО, 2023. – 316 с. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=717824> (дата обращения: 06.04.2025).
20. Фролкова С. С. Реализация когнитивного подхода в методике преподавания русского языка (конец XX – начало XXI в.): дис. ... канд. пед. наук. – 2025. – 170 с.
21. Щетинина В. В. Обновление подходов к формированию познавательной активности дошкольников // Вектор науки ТГУ. – 2012. – № 4 (22). – С. 441–444.
22. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. – М.: АСТ, 2022.
23. Монтессори М. Полный курс воспитания. – М.: АСТ, 2019.
24. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. – М.: Смысл, 2020. – 368 с.
25. Коротяева Е. В. Методические рекомендации к обучению в начальной школе: учебное пособие [12+]. – М.: Директ-Медиа, 2021. – 144 с. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=619590> (дата обращения: 06.04.2025).

Поступила в редакцию 25.05.2025 г.

NEUROPSYCHOLOGICAL EXERCISES AS A MEANS OF DEVELOPING COGNITIVE ACTIVITY IN RUSSIAN LANGUAGE LESSONS AT THE LEVEL OF PRIMARY EDUCATION

T. V. Anikina, L. V. Shevchuk

The article examines the potential of neuropsychological exercises as an effective tool for enhancing the cognitive activity of primary school students in Russian language lessons. The concept of neuropsychological exercises is clarified, and their role in activating cognitive processes essential for the successful acquisition of linguistic knowledge and skills is emphasized. Special attention is given to exercises aimed at developing key components of higher mental functions, such as voluntary attention, working memory, phonemic perception, and visuomotor coordination. The relevance of integrating such exercises into the structure of Russian language lessons is substantiated. Practical examples are provided to demonstrate their effectiveness in overcoming learning difficulties and improving the quality of both oral and written performance.

Key words: neuropsychological exercises, cognitive development, primary school age, Russian language, learning difficulties, cognitive activity.

Аникина Татьяна Вячеславовна

Кандидат филологических наук, доцент.
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», г. Нижний Тагил, РФ.
E-mail: anikishna@mail.ru

Anikina Tatyana Vyacheslavovna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute (branch) of the FSAEI HE “Ural State Pedagogical University”, Nizhny Tagil, RF.
E-mail: anikishna@mail.ru

Любовь Валерьевна Шевчук

Магистрантка 1 курса,
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», г. Нижний Тагил, РФ.
E-mail: lyubov06045@yandex.ru

Lyubov Valeryevna Shevchuk

1st year undergraduate student,
Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute (branch) of the FSAEI HE “Ural State Pedagogical University”, Nizhny Tagil, RF.
Email: lyubov06045@yandex.ru

СОКРАТОВСКИЙ МЕТОД С ИНТЕГРАЦИЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ЭФФЕКТИВНАЯ СОВРЕМЕННАЯ ФОРМА ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ

© 2025 Д. М. Коляда, Т. И. Бугаева

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье показано как можно интегрировать искусственный интеллект при проведении занятий с будущими юристами через реализацию метода Сократа в судебно-процессуальном диалоге. Дан анализ последних исследований и публикаций, касающихся практико-ориентированного обучения для студентов-юристов с позиции использования сократовского метода. Рассмотрена методика создания промтов (запросов) в виде набора инструкций, которые пользователь передает нейросети для выполнения задач юридической направленности. Приведены примеры реализации на практике этого метода на основе образцов судебных диалогов, полученных системами искусственного интеллекта. В обучающих целях сделано сопоставление машинных образцов сократовских диалогов судебных разбирательств с примерами, взятыми из литературы и с эталонами, полученными в комментариях авторитетных юристов. Сделан вывод, что Сократовский метод с интеграцией искусственного интеллекта, позволяет не только моделировать реальные судебно-процессуальные ситуации, но и способствует развитию критического мышления студентов в системе правильного выстраивания шагов логических рассуждений, формировать у них навыки правоприменительной аргументации и анализа.

Ключевые слова: Сократовский метод, искусственный интеллект, создание промтов, образцы сократовских диалогов, форма обучения, будущие юристы.

Введение. Цифровизация юридической сферы требует новых подходов в образовании будущих юристов, и в этом плане, сократовский метод с элементами интеграции искусственного интеллекта, представляет собой перспективную и продуктивную форму обучения. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью подготовки специалистов, способных эффективно решать правовые вопросы в условиях быстро меняющегося технологического и информационного окружения.

Сократовский метод, основанный на диалоге и задавании вопросов, стимулирует критическое мышление и способствует глубинному пониманию правовых концепций. В сочетании с искусственным интеллектом этот метод может стать примером диалогового взаимодействия и повысит интерактивность образовательного процесса. Использование интеллектуальных систем позволяет анализировать большие объемы данных и поэтому они могут предоставлять студентам более адаптированный и выверенный результат практико-ориентированного характера, а также могут предлагать персонализированное обучение, что делает этот процесс более адаптивным.

Многие известные ученые исследовали эту тему, например, работы таких авторов, как О.В. Зарапина [1] и К.Н. Павлюц [2], подчеркивали важность интеграции интеллектуальных систем в образовательный процесс, в том числе с использованием Сократовского метода. Также интересные исследования проводятся в рамках программы «Legal Tech» (Юридические технологии) по направлению «Artificial Intelligence and Law» (Искусственный интеллект и юриспруденция). Эти исследования показывают, что искусственный интеллект уже активно используется в анализе судебной практики, правовых документов и в правозащитной деятельности.

На данный момент уже достигнуты определенные успехи в применении искусственного интеллекта через сократовский метод. Например, разработаны

платформы, которые позволяют использовать диалоговое взаимодействие с интеллектуальными системами для помощи студентам в понимании сложных правовых вопросов. Однако остаются нерешенными вопросы касательно применения интеллектуальных систем в сочетании с традиционным методом Сократа.

Цель статьи состоит в том, чтобы показать, как можно интегрировать искусственный интеллект при проведении занятий с будущими юристами через реализацию метода Сократа в судебно-процессуальном диалоге.

Среди важных аспектов в осуществлении этого метода, стоит отметить влияние использования искусственного интеллекта на учебную мотивацию студентов, а также отметить, что его эффективность в сравнении с традиционным способом его применения, существенно повышается.

Анализ последних исследований и публикаций, касающихся практико-ориентированного обучения для студентов-юристов, является основой для раскрытия нерешенных аспектов общей проблемы, связанной с применением активных форм обучения через реализацию средств искусственного интеллекта. Процесс интеграции таких инноваций в образовательные методики студентов юридических направлений подготовки привлек интерес исследователей разных уровней, как теоретиков, так и практиков. В этом контексте можно назвать научные работы Г.И. Баркаловой [3], В.Д. Хабалева [4], Т.В. Худойкиной [5], Д.А. Чернышев [6] и др., которые достаточно подробно осветили теоретические проблемы исследования в контексте практико-ориентированного обучения.

Исследования зарубежных авторов Н. Surden [7], R. Susskind [8], D.M. Katz, M.J. Bommarito и J. Blackman [9] также были сосредоточены на использование искусственного интеллекта юристами, но уже в практической деятельности. Эти авторы подчеркивают, что для успешной реализации искусственного интеллекта нужно, прежде всего, установить четкие этические границы его применения.

Отечественные исследователи Э.В. Горян [10], Н.В. Двоеглазов [11], И.В. Понкин [12, 13], занимающиеся вопросами внедрения сократовского метода с применением систем искусственного интеллекта в образовательный процесс студентов юридических специальностей, выделяют его основные особенности, связанные с инновационностью этого процесса. К положительным сторонам этой инновации они относят полезность, прогрессивность, эффективность использования и позитивное влияние на активизацию роли обучающихся. Как указывает И.В. Понкин [12, с. 41], «исследовательские методы и технологии прикладной аналитики необходимо преподавать, уделяя особое внимание их детальному объяснению. Важно методически передавать навыки и умения работы с этими методами, а также развивать понимание их уместности, оптимальности и границ применения». Как отмечал Иоганн Вольфганг Гёте, «чего человек не понимает, тем и не владеет» [14, с. 45].

Основная часть. Использование *сократовского метода в юридическом образовании* является эффективным средством при подготовке к выступлениям будущих адвокатов, прокуроров и следователей. С учетом современных цифровых технологий этот метод может быть обогащен новым наполнением его применения. Используя в этом методе искусственный интеллект, можно добиться лучших образовательных результатов.

Интеллектуальные системы выступают здесь в качестве инструмента для получения квалифицированного образца-шаблона судебных диалогов на тренировочных занятиях, а также ярких обучающих примеров технологии получения недостающей информации методом логического достраивания в цепочке вопросов и ответов. Все это способствует развитию критического мышления в системе правильного выстраивания

шагов логического рассуждения и получения из этого более полных данных для анализа и последующего принятия решения. Дело в том, что с течением времени законодательство часто претерпевает изменения, и проблемы, с которыми сталкиваются юристы, становятся все более разнообразными в плане их неопределенностей. Они порой не могут дать однозначные ответы в решении конкретных проблемных ситуаций, но с помощью этого метода они могут развить аналитические навыки мышления, которые можно применить для выхода из них. Так, например, формулирование многих позиций в судебном разбирательстве изначально могут быть основаны на интуиции, догадках тех, кто их озвучивает, а многие свидетели и обвиняемые не до конца открывают свои карты по рассматриваемому вопросу или представленной ситуации. Здесь постоянно присутствует неясность и недосказанность (умалчивании фактов и причин), и таким образом для судьи и присяжных заседателей не всегда абсолютно точна, прозрачна картина правонарушений и реальных событий. Поэтому часто юристам (особенно следователям) приходится в процессе поисковой подготовительной работы выяснять эти неясности, а адвокатам в процессе судебного разбирательства, получать новый исход и поворот в деле для получения реального положения вещей.

Метод Сократа представляет собой технологию ведения диалога между двумя оппонентами, для которых истина и знания не являются чем-то очевидным, а требуют исследования и поиска. Он включает в себя приемы или операции обычно в виде обсуждения, в ходе которого собеседники, отвечая на вопросы, выражают свои мнения, показывая и выявляя как свои знания, так и незнание. Метод рассматривается как способ исключения (путем позитивного или негативного подтверждения) различных предположений. В некоторых случаях одна из сторон стремится ослабить самоуверенность собеседника, который считает себя осведомленным, и показать ему, что он не только не знает ничего, но и, оставаясь ограниченным в своих представлениях, не осознает собственного незнания. В иных случаях цель заключается в том, чтобы помочь собеседнику в самопознании и в выявлении тех аспектов его внутреннего мира, которые до этого оставались неосознанными и неопределенными.

В процессе сократовского обсуждения часто выявляются противоречия, которые не согласуются с исходными утверждениями. Хорошо продуманная система вопросов помогает студенту не только запоминать изложенные идеи, но и анализировать их, а также приводит к своим собственным убеждениям, критически рассматривая их с различных ракурсов, что в конечном итоге может привести к истине. Важно отметить, что, отвечая на сложные вопросы, можно не только не найти истину, но и натолкнуться на ряд противоречий, которые могут указывать на отсутствие знаний в рассматриваемом вопросе.

Сократовский метод используется чаще всего тогда, когда, используемые доступные правовые средства не дают желаемого результата, но все же правовые доводы и оценочные суждения, не имеющие однозначных ответов, через специально созданный механизм этого подхода, позволяют прийти к позитивным и объективным выводам.

В рассматриваемой методике ключевую роль играют вопросы, которые должен задавать юрист. От формулировки и корректности этих вопросов зависит, насколько успешно будут достигнуты поставленные цели. Исследователи выделяют несколько категорий таких вопросов [11]: 1) вводные (должен ли юрист соглашаться с мнением участника диалога при выборе стратегии, и почему?); 2) уточняющие (что он имеет в виду? каким образом можно переформулировать его позицию?); 3) вопросы, скрывающие аргументацию (на каком основании он делает такой вывод? какие доводы можно привести в защиту его точки зрения?); 4) вопросы с использованием аналогий; 5) вопросы, которые помогают увидеть точку зрения собеседника (что по этому поводу

думает он?); 6) вопросы, касающиеся крайних позиций или псевдовыводов (означает ли это, что юрист должен избегать ответственности за предстоящее правонарушение?).

С учетом рекомендаций З.Г. Баишевой [15] для составления обвинительных речей на суде, нами был предложен перечень шагов поэтапного композиционного и риторического анализа в подготовке Сократовского диалога юридической направленности, в котором гармонично соединяются и акцентируются как содержательные, так и формально-процессуальные аспекты. В контексте машинного использования этих этапов, они могут быть применены в качестве основы для создания промтов для искусственного интеллекта. Представим некоторые из них:

- установление замысла, служащего основой для анализа всех факторов, связанных с судебным делом;

- подчеркивание сложности рассматриваемого вопроса и, как следствие, необходимость внимательного и ответственного подхода судей к принятию решения;

- определение ключевых вопросов, на которые будет дан ответ в ходе выступления юриста (например, обвинителя), что создает детализированное представление проблемы и полноценное изложение ее сути, а также насущные мысли, побуждающие к размышлениям и усиливающие экспрессивность;

- выявление скрытых взаимосвязей между сторонами, с последовательным представлением фактов так, как они развивались на самом деле; описание фактических обстоятельств правонарушения (преступления), сопровождаемое анализом и оценкой представленных доказательств;

- применение контраста, например, показывая разницу между обвиняемыми, у которых был шанс вести честный образ жизни, и теми, кто стал преступниками из-за сложных жизненных обстоятельств;

- изложение фактического материала дела (фабулы), оценка собранных доказательств, а также характеристика личностей как обвиняемого, так и потерпевшего, что помогает увидеть последовательность событий и настрой лиц, участвующих в них;

- использование системно-логического подхода, с акцентом на рассуждения;

- подбор и комбинирование средств воздействия в зависимости от фактического содержания и обстоятельств дела;

- аргументация, поддерживающая обвинительную или оправдательную позицию, с терпеливым объяснением, в чем заключается сила или слабость представленных аргументов, включая тщательный анализ смягчающих обстоятельств, что демонстрирует объективный и всесторонний подход;

- применение тщательной детализации, вплоть до, казалось бы, незначительных моментов, которые могут иметь значение в обосновании обвинения или оправдания;

- многостороннее освещение темы с использованием разнообразных доводов, при этом демонстрация уверенности без излишней торопливости;

- координация всех приемов для достижения единства содержательных, композиционных и стилистических компонентов, формирующих структурное и процессуальное единство всего выступления для обоснования позиции обвинения или защиты.

В качестве примера, приведем промт для его реализации в интеллектуальной системе. В начале запроса как правило перечисляется структура категорий общих вопросов, перечень шагов поэтапного композиционного и риторического анализа в контексте Сократовского диалога (образец представлен выше).

Затем интеллектуальной системе излагается (описывается) суть судебного дела, например, в качестве образца (тренировки) можно взять фабулу уголовного дела,

взятого в качестве эталона следственных действий, описанного Ф.М. Достоевском в его произведении «Преступление и наказание» [16].

Подозреваемый в деле Родион Романович Раскольников обвиняется в предумышленном двойном убийстве – убийстве старухи-процентщицы Алены Ивановны и ее сводной сестры Лизаветы Ивановны. Кроме убийства, Раскольников совершил кражу ценных вещей и денег. Обвинитель в лице следователя Порфирия Петровича заявляет, что виновность подсудимого не может быть под сомнением. В качестве аргументов он приходит к выводу, что Раскольников убил не для того, чтобы ограбить, а для проверки своей теории о праве сверхчеловека переступить через человеческую жизнь.

Кроме этого, интеллектуальной системе предлагается образец стиля диалога следователя и обвиняемого, например [16]:

Начните полемику следующим образом:

– Так... кто же... убил?.. – спросил он, не выдержав, задыхающимся голосом. Порфирий Петрович даже отшатнулся на спинку стула, точно уж так неожиданно и он был изумлен вопросом.

– Как кто убил?.. – переговорил он, точно не веря ушам своим, – да вы убили, Родион Романыч! Вы и убили-с... – прибавил он почти шепотом, совершенно убежденным голосом.

Это необходимо сделать для того, чтобы интеллектуальная система подстроилась под стиль рассматриваемого судебного дела. Задача заключается в том, чтобы она продолжила диалог по Сократовской методике, и подвила, подтолкнула в своих диалоговых рассуждениях обвиняемого к тому, чтобы он сам признался в совершении этого преступления.

Диалог, сгенерированный системой искусственного интеллекта Deep Seek выглядит следующим образом:

– Так... кто же... убил?.. – спросил он, не выдержав, задыхающимся голосом.

– Как кто убил?.. – переговорил он, точно не веря ушам своим, – да вы убили, Родион Романыч! Вы и убили-с...

– Это просто предположение, – тихо произнес Раскольников. – Убийство – это страшный поступок, и я не знаю, почему вы думаете так обо мне.

– Почему вы считаете, что это всего лишь предположение? – продолжил следователь, подаваясь чуть вперед. – Разве не очевидны улики? Вы находились на месте преступления, и алиби у вас нет.

– Но может быть, кто-то другой был там, – ответил он, стараясь сохранять спокойствие. – Я не мог совершить такого.

– Что вам дало основание сделать такой вывод? – спросил Порфирий Петрович, словно искал слабое место в аргументации подозреваемого.

– Я... я просто не чувствую, что мог бы так поступить. И, возможно, у меня были свои причины.

– Интересно, а какие именно причины могли бы оправдать предумышленное убийство? Как вы можете по-другому сформулировать свою позицию?

– Возможно, я хотел проверить свои идеи о том, что есть люди, выше других... – признаваться, Раскольников почувствовал, что его мысли начинают ускользать.

– Не похоже ли это на положение врача, который без раздумий выписывает рецепт по просьбе пациента? Вы ведь не считаете себя выше закона, верно? – с нажимом произнес следователь.

– Я не думал об этом так ясно. Я просто искал ответы...

– Если бы вы были клиентом, чтобы вы сказали по этому поводу? Разве не стоит взять на себя ответственность за свои действия?

– Да, возможно, я не совсем осознавал последствия...

– Не означает ли это, что, возможно, вы сделали выбор в пользу своих теорий, даже ценой чужих жизней? Как вы можете это объяснить?

– Я... я пытался понять, что это значит...

– Итак, вы пришли к выводу, что ваши идеи могли затмить человеческие жизни, и по сути, это всего лишь оправдание? Есть ли в этом логика?

– Получается, что да... возможно, я действительно совершил что-то ужасное...

– И в глубине души вы понимаете, что это преступление – не просто теоретическая концепция, а реальная трагедия для людей, их близких... Как же вы собираетесь с этим жить?

– Я не знаю...

– Это дает вам возможность взглянуть на ситуацию под другим углом: как вы можете исправить свою ошибку? Согласны ли вы с тем, что необходимо взять на себя ответственность за свои действия?

– Да, я понимаю... возможно, я и вправду виновен...

– И что вы собираетесь с этим делать, Родион Романыч? Вы действительно готовы признаться в своих преступлениях?

– Да... я готов признаться... – постепенно выдохнул он, осознавая всю тяжесть своих поступков.

Этот сгенерированный диалог дает образец или шаблон процессуального поведения следователя на допросе, с возможными (придуманными машиной) диалогическими ответами подозреваемого. На таких примерах Сократовского метода, реализованных интеллектуальными системами, можно эффективно обучать будущих юристов, вырабатывая не только правовые, но и информационные навыки, что способствует формированию у них основ информационно-правовой компетентности. Мы привели очень известный пример процессуальных действий следователя, описанный великим мастером слова Ф.М. Достоевским [17]. В учебных целях, представленный машинный вариант можно сравнить с досудебным диалогом, взятым из самого литературного произведения [16] и проанализировать его качество выполнения.

Приведем еще пример запроса (промта) по Сократовской методике для интеллектуальной системы Giga Chat в создании речи обвинителя, и покажем ответ, сгенерированный этой системой.

Используйте метод Сократа ведения обвинительной речи прокурора, с использованием серии следующих типов вопросов: 1) вводные (нужно ли соглашаться с защитой при определении стратегии обвинения? Почему?); прямые уточняющие (Что вы имели в виду? Как вы можете по-другому сформулировать свою позицию?); 3) скрывающие аргументацию вопросы (Что дало вам основание сделать такой вывод? Какие аргументы вы можете привести в подтверждение своей позиции?); 4) вопросы с использованием аналогий; 5) вопросы, позволяющие принять точку зрения защиты (что бы сказал по этому поводу сам адвокат?); 6) вопросы с использованием псевдовыводов или крайних позиций (Не означает ли это, что обвинитель должен обеспечить уход от ответственности за планируемое правонарушение?).

А также, используя метод поэтапного композиционного, риторического анализа, состоящего в подготовке сократовского диалога, где в композиции непосредственно объединяются, сочетаются, а также фокусируются содержательные и формальные элементы, состоящие в виде следующих шагов: 1) определение замысла, являющегося отправной точкой для изучения всех обстоятельств рассматриваемого дела; 2) применение приема, где подчеркивается сложность разбираемого дела и, соответственно, необходимость ответственного подхода судей к принятию решения; 3) акцентирование на всех важных вопросах, на которые будет дан ответ в выступлении обвинения, т. е. создание детализации для создания ощущения всестороннего исследования проблемы и предельно полного изложения сути; также уточнение мысли, которая заставляет задуматься над определенными моментами дела, усиливающая экспрессивность; 4) обнажение скрытых взаимосвязей различных сторон дела; события представляются в том порядке, в каком они происходили; изложение фактических обстоятельств совершения преступления обычно соединяется с анализом и оценкой доказательств; 5) использование приема контраста, например, противопоставление обвиняемых, которые имели все условия, чтобы жить честно и не преступать закон, лицам, становящимися преступниками в силу различных житейских обстоятельств; 6) изложение фактических обстоятельств преступления (фабула дела); анализ и оценка собранных по делу доказательств; характеристика личности подсудимого и потерпевшего (они позволяют говорить об определенной последовательности их расположения); 7) свойственное сократовскому методу системно-логическое, объясняющее, «рассуждающее» изложение; 8) расстановка и сочетание средств воздействия, обуславливаются содержанием фактов и продиктованными обстоятельствами разбираемого дела; 9) аргументация, подтверждающая позицию обвинения, с терпеливым разъяснением, в чем сила одних аргументов и доказательством какого положения обвинения они служат, а в чем слабость других

аргументов; с особым вниманием анализируются обстоятельства, смягчающие вину подсудимого (обвиняемых), в чем проявляется объективность и всесторонность подхода обвинителя к рассматриваемому делу; 10) прием детализации, т. е. очень подробное рассмотрение явлений, до мельчайших подробностей, казалось бы, не имеющих какого-либо значения для обоснования позиции обвинения; 11) подход к теме рассмотрения с разных сторон, используя разные виды доводов, демонстрируя уверенность и не обнаруживая излишней суетности; 12) ориентация всех применяемых приемов на одно: соотнесенность содержательного, композиционного и процессуального компонентов, создающие структурно-стилистическое единство всего выступления направленное на обоснование позиции обвинения.

Суть рассматриваемого дела. Молодой банщик Егор Емельянов женился на Лукерье, поколотил студента на своей работе и был посажен под арест. На другой день после этого нашли его жену утонувшей в мелководной речке. Проницательный помощник пристава усмотрел в смерти ее самоубийство с горя по муже, и тело было предано земле, а дело должны были закрыть. Но в околоте пошел говор об утопленнице, который группировался около Аграфены Суриной (бывшей любовницы Егора), где она была его узлом, так как она будто бы проговорила, что жена не утопилась, а была утоплена мужем. Емельянов был не в ладу с товарищами по работе, не было дня, чтобы не ссорился, человек он был «озорной», беспокойный, никому спускать не любил. Свидетель характеризовал жену Лукерью, скромной «Слова от нее трудно добиться», а также тихой, покорной, вялой, и главное – сучной, в отличие от Аграфены Суриной: «Она бойкая, за словом в карман не лезет, не может удержать улыбки, очень живого, веселого характера, энергическая, своего не уступит даром».

Было дано задание искусственному интеллекту: в соответствии со сказанным, приведите расширенную речь обвинителя (прокурора) в соответствии с Сократовской моделью ее реализации, и покажите кто в этом деле заслуживает наказания и почему (указав на причины и доказательства).

Вот речь обвинителя, сгенерированная в системе искусственного интеллекта Giga Chat (приводится в оригинале).

Уважаемые судьи!

Сегодня мы стоим перед судом, исследуя сложное дело, которое требует внимательного и серьезного отношения ко всем обстоятельствам произошедшего. Я хотел бы подчеркнуть, насколько важно нам разобраться в деталях этого трагического происшествия, чтобы справедливо оценить поступок обвиняемого и определить степень его вины.

Замысел нашего разбирательства заключается в следующем:

Мы обязаны выяснить истинные мотивы действий Егора Емельянова, которые привели к гибели его супруги Лукерьи. Необходимо выявить, действительно ли смерть Лукерьи является результатом случайного несчастного случая или же она стала следствием целенаправленных намерений мужа.

Давайте начнем наше разбирательство последовательно, следуя методу Сократа, задавая себе ряд ключевых вопросов.

Вопрос первый. Нужно ли соглашаться с защитой при определении стратегии обвинения?

Почему? Мы понимаем, что защита имеет право представить свою версию событий, однако наша задача состоит в том, чтобы подтвердить или опровергнуть представленные ими доводы. Важно помнить, что наши цели расходятся: обвинение стремится раскрыть истину, тогда как защита стремится минимизировать последствия для обвиняемого.

Таким образом, соглашаемся ли мы с позицией защиты? Нет, поскольку наша цель противоположна – показать суду полную картину произошедших событий и обоснованность предъявленного обвинения.

Второй вопрос. Что именно дало нам основание утверждать, что смерть Лукерьи не была естественной?

Доказательства свидетельствуют о ряде подозрительных моментов, которые указывают на криминальный характер случившегося. Например, найденные повреждения на теле Лукерьи, отсутствие очевидных признаков несчастного случая, странные следы борьбы вокруг места обнаружения тела, а также заявление бывшей возлюбленной Егора, Аграфены Суриной, которая утверждала, что Лукерья была убита.

Аграфена Сурина сказала следующее: «Егор раньше говорил, что эта женщина ему надоела, и он хочет избавиться от неё».

Это утверждение создает предпосылки для дальнейших расследований и позволяет предположить наличие мотива убийства.

Третий вопрос. Какие аргументы вы можете привести в подтверждение вашей позиции?

Обратимся к показаниям свидетелей. Вот некоторые важные свидетельства:

Один из сотрудников бани сообщил, что Егор часто конфликтовал с коллегами и мог проявлять агрессию даже в бытовых ситуациях.

Другой свидетель указал, что Лукерья вела себя тихо и спокойно, редко проявляя эмоции, и это могло раздражать её активного и вспыльчивого мужа.

Следователи обнаружили вещественные улики: на дне реки были найдены личные вещи Лукерьи, а рядом следы обуви, совпадающей с обувью Егора.

Эти данные подкрепляют нашу теорию о том, что убийство произошло не случайно, а было спланировано заранее.

Четвертый вопрос. Допустимо ли предположение, что муж убил свою жену из-за нежелания поддерживать дальнейшие семейные отношения?

Вероятно, да. Если учесть, что свидетели подтвердили агрессивное поведение Егора и постоянные конфликты в семье, можно предположить, что у него накопилось раздражение и недовольство своим браком. Возможно, желание расстаться с женой привело его к решению устранить её физически.

Вот какие подробности стали известны: «Один из коллег подтвердил, что слышал, как Егор неоднократно заявлял, что жизнь с Лукерьей становится невыносимой, и лучше бы ей исчезнуть».

Пятый вопрос. Есть ли основания полагать, что помощь оказанного пристава могла сыграть роль в сокрытии истины?

Да, возможно. Несмотря на первоначальное решение помощника пристава считать смерть Лукерьи самоубийством, позже выяснилось, что некоторые детали говорят о другом сценарии. Однако пристав действовал исходя из имеющихся на тот момент сведений, и поэтому его позиция понятна. Тем не менее, дальнейшее расследование выявило новые факты, заставляющие пересмотреть выводы.

Шестой вопрос. Какой смысл искать другие объяснения трагедии, кроме простого несчастного случая?

Несчастный случай предполагает непредвиденные обстоятельства, тогда как в данном случае имеются убедительные доказательства обратного. Совокупность факторов – описание поведения Егора, найденные улики, показанные фотографии повреждений – всё это говорит о запланированном преступлении.

Седьмой вопрос. Можно ли признать убийство действием оправданным хотя бы частично?

Нет, никакое оправдание невозможно. Преступление, совершенное умышленно, особенно в условиях домашнего насилия, недопустимо и подлежит строгому наказанию согласно действующему законодательству.

По статье 105 Уголовного Кодекса Российской Федерации убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

Преступления против жизни и здоровья являются одними из наиболее серьезных преступлений, предусмотренных уголовным правом. Они наносят огромный ущерб обществу и требуют самого тщательного расследования и справедливого наказания.

Кроме того, здесь присутствуют дополнительныеотячающие обстоятельства: жестокость, домашнее насилие, склонность обвиняемого к агрессии и злоупотреблению силой. Всё это должно учитываться при вынесении судебного вердикта.

Итоговая позиция обвинения:

Подсудимый Егор Емельянов совершил умышленное убийство своей супруги Лукерьи. Его вина доказана совокупностью представленных доказательств, показаний свидетелей и материалами следствия. Поэтому он должен нести предусмотренную законом ответственность.

Прошу суд квалифицировать данное деяние по пункту «и» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации – убийство, совершенное из хулиганских побуждений.

И прошу назначить ему соответствующее наказание в пределах санкции данной статьи.

Спасибо за внимание!

В обучающих целях, это выступление можно также сравнить с эталоном, полученным в комментариях знаменитого русского юриста А.Ф. Кони [18, с. 24]. Как видим качество «продукции», выполненной с научением интеллектуальной системы по

применению метода Сократа, имеет большой уровень правдоподобности, достоверности, и имеет высокий уровень профессионализма в сфере юриспруденции.

Заключение. Итак, Сократовский метод, как классический способ развития критического мышления через постановку вопросов и диалог, получает новое дыхание, если интегрировать в него искусственный интеллект. Такой подход позволяет не только моделировать реальные судебные ситуации с помощью чат-ботов и систем искусственного интеллекта, но и адаптировать вопросы под уровень знаний студентов, формировать у них навыки правовой аргументации и анализа с учетом автоматизированных образцов, полученных на больших массивах данных. Машинная композиция ответов на запросы юристов по Сократовской методике, представляет собой высокую организацию не только структурированной информации, но и высококачественную реализацию, усиливающую выразительность обрабатываемого материала, определяя не только его общий характер, но и уникальные черты, особенности и нюансы судебного дела, что способствует применению ее в формировании профессиональных компетенций будущих юристов. Использование искусственного интеллекта в дидактическом процессе подготовки будущих юристов имеет свои положительные стороны, связанные, прежде всего с тем, что он оживляет учебный процесс, привносит в него свежую новизну, отвечающую современному уровню юриспруденции. Таким образом, на стыке педагогики, права и искусственного интеллекта формируется новое направление подготовки юристов, особенно актуальное в условиях цифровой трансформации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зарапин О.В. Философский диалог в процессе человеко-машинной коммуникации. как действует «цифровой Сократ»? / О.В. Зарапин // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2022. – Т. 5, № 4. – С. 94-108.
2. Павлюц К.Н. «Сократическая машина»: использование искусственного интеллекта для развития критического мышления у обучающихся среднего профессионального образования / К.Н. Павлюц // Вестник МГПУ. Серия: Современный колледж. – 2024. – № 2 (10). – С. 47-54.
3. Баркалова Г.И., Наумов, Я.В. Российская модель практико-ориентированного обучения студентов-юристов в юридической клинике / Г.И. Баркалова, Я.В. Наумов // Аллея науки. – 2024. – Т. 2, № 11 (98). – С. 186-192.
4. Хабалев В.Д. Проблемы практико-ориентированного обучения при подготовке юристов и пути их решения / В.Д. Хабалев, И.А. Петрова, В.М. Асмандияров // Журнал прикладных исследований. – 2025, № 2. – С. 201-206.
5. Худойкина Т.В. Технологии практико-ориентированного обучения студентов-юристов // Т.В. Худойкина // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 11 (215). – С. 151-152.
6. Чернышев Д.А. Анализ проблемы цифровизации в высшем учебном заведении / М.С. Целик, Д.А. Чернышев // Педагогический журнал. – 2023. – Т. 13, № 6А. – С. 299-305.
7. Surden H (2019) Artificial Intelligence and Law: An Overview / Harry Surden, 35 Ga. St. U. L. Rev. Pp. 1305/ URL: <https://scholar.law.colorado.edu/faculty-articles/1234>.
8. Susskind R. Tomorrow's Lawyers, Online Courts and the Future of Justice / Richard Susskind. – Oxford Academ, 2019. – 368 p.
9. Katz D.M., Bommarito, M.J., Blackman, J. (). A general approach for predicting the behavior of the Supreme Court of the United States // PLOS One. Version 2.02 – 2017. – DOI: 10.1371/journal.pone.0174698
10. Горян Э.В. Сократовский метод в юридическом клиническом образовании: проблемы и перспективы применения / Э.В. Горян // Современное образование. – 2017. – № 2. – С. 102-113.
11. Двоеглазов Н.В. Метод Сократа в современном юридическом образовании / Н.В. Двоеглазов // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии: материалы семнадцатой Всероссийской научно-методической конференции (Иркутск, 1 марта 2012 г.). – Восточно-Сибирский институт МВД России. – С. 129-131.
12. Понкин И.В. Краткое субстратное изложение методологии прикладной аналитики / И.В. Понкин // Ветеранские вести [электронное издание]. – URL: <https://vvesti.com/obshchestvo/ponkin-iv-kratkoe->

substratnoe-izlozenie-metodologii-prikladnoj-analitiki?ysclid=mfhxwyi13x443113048 (дата обращения: 11.09.2025)

13. Понкин И.В. Chat GPT и проблема самостоятельности и оригинальности работы студентов / И.В. Понкин // Администратор образования. – 2024. – № 3. – С. 3–5.
14. 1001 Smartest Things Teachers Ever Said / Edited and with an Introduction by Randy Howe. – Kearney (Nebraska, USA): Morris Book Publishing, 2010. – Р. 45.
15. Баишева З.Г. Композиционные особенности обвинительных речей А.Ф. Кони / З.Г. Баишева // Вестник Российской правовой академии. – 2024. – № 1. – С. 54–70.
16. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Том 6. Преступление и наказание / ред. коллегия: В.Г. Базанов, Ф.Я. Прийма, Г.М. Фридлендер и др. – Ленинград: Наука, 1973. – 422 с.
17. Квашнина Е.И. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и проблемы следствия и правосудия в пореформенной России / Е.И. Квашнина // Вестник Пензенского государственного университета. – 2022. – № 4. – С. 74–79.
18. Кони А. Ф. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3, Судебные речи / Под общ. ред. В.Г. Базанова, Л.Н. Смирнова, К.И. Чуковского. – М.: Юридическая литература, 1967. – 535 с.

Поступила в редакцию 11.09.2025 г.

THE SOCRATIC METHOD WITH THE INTEGRATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN EFFECTIVE MODERN FORM OF TRAINING FOR FUTURE LAWYERS

D. M. Koliada, T. I. Bugaeva

The article shows how artificial intelligence can be integrated when conducting classes with future lawyers through the implementation of the Socrates method in the judicial and procedural dialogue. The analysis of recent research and publications concerning practice-oriented education for law students from the perspective of using the Socratic method is given. The method of creating prompts (queries) in the form of a set of instructions that the user transmits to a neural network to perform legal tasks is considered. Examples of the practical implementation of this method based on samples of judicial dialogues obtained by artificial intelligence systems are given. For educational purposes, machine samples of Socratic dialogues of court proceedings are compared with examples taken from the literature and with standards obtained in the comments of reputable lawyers. It is concluded that the Socratic method with the integration of artificial intelligence allows not only to simulate real judicial and procedural situations, but also contributes to the development of students' critical thinking in the system of correct alignment of logical reasoning steps, to form their skills of law enforcement argumentation and analysis.

Key words: Socratic method, artificial intelligence, creation of experiments, samples of Socratic dialogues, form of education, future lawyers.

Коляда Давид Михайлович
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: david_koliada@mail.ru

Koliada David Mikhailovich
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, DPR, RF.
E-mail: david_koliada@mail.ru

Бугаева Татьяна Ивановна
Кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры инженерной и компьютерной педагогики
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: bugaeva_tatyana@mail.ru

Bugaeva Tetiana Ivanovna
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of the
Engineering and Computational Pedagogic,
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, DPR, RF.
E-mail: bugaeva_tatyana@mail.ru

ДОМАШНИЕ ЗАДАНИЯ КАК СРЕДСТВО ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ УЧАЩИХСЯ СТАРШЕЙ ШКОЛЫ

© 2025 **О. В. Романова**

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Статья посвящена вопросу формирования навыков самостоятельной работы учащихся старшей школы. Многие педагоги убеждаются в мысли о том, что домашняя работа является самой эффективной системой организации самостоятельной познавательной деятельности учащихся школ, начиная с начальной школы и заканчивая старшими классами. Домашние задания при обучении важны для формирования и развития у ученика способностей самостоятельно формулировать проблему в познавательной деятельности, находить пути её решения, анализировать различные источники, обобщать, делать выводы. Эти элементы способности самостоятельно учиться составляет основу универсальных учебных действий (УУД) и современных результатов обучения.

В статье дается понятие домашней работы как элемента самостоятельной работы учащихся, описывается роль и функции домашних заданий в процессах повторения, обобщения и закрепления пройденного материала, связь домашних заданий с аудиторной работой учащихся, а также приведены конкретные примеры домашних заданий по биологии.

В процессе исследования нами было проведено анкетирование, главной задачей которого явилось выявление отношения старшеклассников к различным видам домашних заданий по биологии. Наибольшее количество учеников отдали предпочтение практическим и творческим заданиям. Проверка эффективности, разработанных нами заданий показала, что их применение повышает уровень сформированности универсальных учебных действий, что сказывается на качестве учебного процесса.

Ключевые слова: домашние задания, самостоятельная работа, универсальные учебные действия, образовательные результаты.

Введение. Современная система образования заинтересована как в целом в улучшении качества преподаваемых школьных учебных дисциплин, так и в развитии самостоятельности, личностных качеств, критического мышления, творческих способностей, исследовательских навыков у школьников. Поэтому проблема введения различных форм самостоятельной работы, в том числе домашней, уже долгое время заботит многих российских и зарубежных ученых-педагогов, психологов, учителей-практиков [1].

На сайте Кремля опубликовано послание Федеральному собранию Президента Российской Федерации В.В. Путина, который поручил правительству оптимизировать учебный процесс в школе, в том числе за счет сокращения объемов домашних заданий. В 2023 году депутаты Госдумы уже обсуждали этот вопрос. Некоторые предлагали отменить домашние задания совсем, но большинство поддерживало учителей в том, что необходимо переработать домашние задания так, чтобы на них не тратилось много времени, чтобы они были не сложными, интересными, запоминающимися и мотивировали детей к самостоятельной учебной деятельности [2].

По этой причине становится актуальной проблема разработки домашних заданий, где максимально формируется интерес к учебному предмету, творчество и самостоятельность. В процессе работы над такими заданиями способности к учению и самообучению старшеклассников выходят на новый качественный уровень.

Цель исследования – изучить особенности организации самостоятельной работы учащихся по биологии в старшей школе и на этой основе разработать серию домашних заданий, которые оптимизируют самостоятельную работу и способствуют формированию универсальных учебных действий старшеклассников.

Для достижения поставленной цели необходимо:

- проанализировать нормативные документы, опыт учителей-практиков и выявить возможности различных видов домашних заданий при формировании навыков самостоятельной работы старшеклассников;
- разработать комплект домашних заданий различного типа и разного уровня сложности по теме «Клетка единица живого» для учащихся 10-х классов;
- провести диагностику качества учебного процесса в аспекте формирования УУД с учетом организации домашней работы.

Еще в работах Ф. Рабле, М. Монтеня, Т. Мора обоснована значимость активного и самостоятельного овладения учеником знаниями, требования обучать его самостоятельности, воспитывать в нем критически мыслящего человека. Те же мысли можно увидеть в работах Ж.Ж. Руссо, К.Д. Ушинского. В педагогических трудах Я.А. Коменского были разработаны организационно-практические вопросы вовлечения школьников в самостоятельную познавательную деятельность. Б.П. Есипов отмечал, что роль самостоятельной работы школьников возрастает в связи с ее направленностью на формирование способности к исследовательской и творческой деятельности [3].

В области биологии проблемой формирования самостоятельности в процессе познавательной деятельности занимались Е.Н. Демьянков, Г.П. Игошин. Вопросы влияния домашних работ на качество школьного образования отражены в работах А.Ф. Дергачевой, П.Г. Ковалёва, Н.Н. Поспелова, В.А. Сухомлинского и др.

Результаты и дискуссия. ФГОС ориентируется на достижение учащимися личностных, метапредметных и предметных образовательных результатов, которые обеспечивают дальнейший успех на всех этапах образования. В нем уделяется большое внимание именно самостоятельной деятельности, которую как нельзя лучше можно реализовать через выполнение домашних заданий различной формы и различного уровня сложности [4].

Домашняя работа характеризуется двумя признаками – это конкретное задание, назначенное учителем и самостоятельное его выполнение [5]. Параметрами домашнего задания служат: цели, сроки выполнения, объем, выполнение заданий, форма представления задания. Домашняя самостоятельная работа в обучении биологии – это предоставление учащемуся выбора содержания, форм и методов принятия решений, самоанализа, самооценки в области его учебной деятельности [6]. Дискуссии и споры о необходимости выполнения домашних заданий учащимися не имеют смысла. Домашние задания нужны для достижения и получения качественного образования, а также для получения и закрепления новых учебных действий по биологии.

Биология входит в цикл естественнонаучных дисциплин, изучаемых в старшей школе, поэтому занимает важнейшую роль в формировании правильных и четких представлений старшеклассника о естественнонаучной картине мира. Чтобы процесс формирования данных представлений протекал правильно, последовательно и, что немаловажно, поистине мог заинтересовать современного школьника, обучение биологии должно вестись в соответствии со способностями и интересами школьников 10-11 классов.

М.А. Данилов считал, что для полного овладения знаниями, необходимо ежедневно выполнять домашние задания. Успех в их выполнении дома зависит от того как ученик усвоил урок в школе и какое задание получил на дом. Чем лучше учеником усваиваются знания в классе, тем успешнее будет выполнение заданий, заданных на дом [7]. При организации домашнего задания учитель планирует учебные действия учащихся.

Работа в классе и домашняя работа очень тесно взаимосвязаны между собой. Ведь очень часто домашняя работа это закрепление материала изученного в классе. В

педагогической литературе рассматриваются условия, влияющие на качество выполнения домашней работы обучающимися. Так, например, многие исследователи проблемы указывают, что на выполнение домашних заданий оказывает большое влияние их проверка учителем. Если учитель систематически проверяет домашние задания, анализирует их, выделяет учеников, выполнивших успешно домашнюю работу, то это стимулирует их ответственно подходить к выполнению домашних работ [8].

На добросовестность выполнения учениками домашних работ влияет и интересное содержание заданий. Каждый учитель знает своих учеников, поэтому добавить «новинки» в привычные задания ему не составит труда [9]. Домашние задания будут выполняться с интересом, если они например, практико-ориентированные или носят творческий характер.

В старших классах домашнее задание может выходить за рамки изучаемого на уроке учебного материала, включать вопросы и задачи, которые требуют дополнительного изучения нового материала помимо учебника. Чтобы уменьшить затруднения в выполнении домашних заданий необходимо выстраивать взаимосвязь классной работы и домашней [10]. Для успешного выполнения заданий нужно сразу приучить учащихся к самостоятельной работе с учебником и с дополнительными источниками информации.

В старшей школе выполняются домашние задания не только на усвоение и повторение пройденного материала в классе, но и с целью подготовки к пониманию и активному участию в изучении нового материала. Например, обучающиеся дома осуществляют наблюдение за явлениями природы, собирают статистический материал для подготовки практических и лабораторных работ, которые потребуют от них нового теоретического знания [11].

Однако большое значение все-таки имеет домашнее задание на повторение и закрепление пройденного материала [12]. Индивидуальность этих заданий заключается в том, что они охватывают уже пройденный материал и учителю нет необходимости объяснять их содержание, но тем не менее они предполагают трудоемкую и кропотливую работу со стороны обучающихся. Успех в выполнении домашнего задания, в том что они понимают связь с классными и домашними занятиями и более ответственно работают на уроке. На уроке необходимо запоминать объяснения учителя, а дома остается повторить пройденный материал и вникнуть в суть полученной информации.

При неправильной методике организации домашней работы и большой нагрузки школьников снижается качество выполнения домашних заданий. Как показывают наблюдения, учащиеся старших классов тратят много времени на выполнение домашних заданий. Причина этого кроется в том, что они не всегда могут рационально распределять время на выполнение домашних заданий [13].

Практически треть старшеклассников из общего количества класса не выполняет домашнее задание [14]. Поэтому необходимо провести анализ и выявить причины невыполнения домашнего задания:

При подготовке исследования нами была организована работа студентов – будущих учителей биологии на педагогической практике, которые провели анкетирование, главной задачей которого явилось выявление отношения старшеклассников к различным видам домашних заданий по биологии. Была разработана и предложена учащимся 9-11 классов анкета, включающая вопросы:

1. Какой вид домашних заданий из перечисленных Вы предпочитаете (устное, письменное, творческое или практическое(исследовательское))?

2. Почему Вы предпочитаете выбранный тип заданий?
3. Как Вы думаете какой вид домашних заданий больше эффективен в процессах повторения и закрепления? Ответ поясните.
4. Всегда ли Вам понятно задание, которое Вы выполняете дома?
5. Вы делаете домашнее задание самостоятельно или с помощью взрослых?
6. Проверяют ли взрослые выполнение Вами домашних заданий?
7. Бывают ли случаи, когда Вы просто списываете домашнее задание у одноклассников?
8. Хотите ли Вы, чтобы домашние задания были вариативными, дифференцированными в соответствии с Вашими интересами и способностями?

В эксперименте приняли участие 112 старшеклассников нескольких школ г. Ростова-на-Дону. Наибольшее количество учеников отдали предпочтение практическим и творческим заданиям. Свой интерес к этим заданиям ученики объясняют занимательностью и связью с жизнью этих заданий. Учащиеся также подчеркнули огромную роль учителя при организации работы и проведении уроков творческого характера, а также в прививании интереса и любви к предмету.

Школьники в своем большинстве пояснили, что интересные практические и творческие задания чаще вспоминаются через какой-то промежуток времени. Несколько учащихся ответили, что при выполнении заданий в письменной форме, они запоминают больше материала по биологии. В силу своей большей самостоятельности в отличие от учащихся средней школы старшеклассники чаще всего без помощи взрослых делают домашние задания и, к сожалению, взрослыми они редко проверяются. Довольно часто школьники списывают домашние задания у одноклассников, что объясняют большой занятостью при подготовке к ОГЭ и ЕГЭ по другим предметам. Примерно четвертая часть учащихся хотела бы, чтобы домашние задания были дифференцированы в соответствии с их интересами и способностями.

Обобщив данные анкетирования, можно сделать вывод о том, что творческие и практические домашние задания более интересны старшеклассникам, так как они занимательны, вызывают интерес, мотивируют к выполнению и способствуют запоминанию материала. Учащимся хотелось бы, чтобы домашние задания были вариативны и дифференцированы в соответствии с их интересами и способностями.

На первом этапе педагогического эксперимента в сентябре 2024 года, кроме выше описанного анкетирования мы провели опрос учеников 10-х классов 97 и 115 школ г. Ростова-на-Дону на предмет сформированности их УУД (по опроснику для школьников, разработанный Л.И. Тимониной) [15], для того чтобы сравнить полученные результаты с итогами нашей работы.

Второй этап исследования – основная часть педагогического эксперимента проводилась в 10-х классах тех же школ, так как они являются базовыми для проведения педагогической практики студентов – будущих учителей биологии Южного федерального университета. Нами была выбрана тема по биологии «Клетка единица живого» к которой студенты разрабатывали домашние задания различного типа в соответствии с рабочей программой по учебнику А.А. Каменского, Е.В. Криксуна, В.В. Пасечника «Биология. Общая биология». Приведем несколько примеров домашних заданий разного уровня сложности, устного или письменного типа, которые студентами апробировались на педагогической практике:

1. Вспомните химические элементы и соединения в клетке и ответьте на вопрос: в чем заключается единство (сходство) и различие живой и неживой природы по химическому составу?

2. Объясните, почему, по вашему мнению, жизнь клетки невозможна без воды и неорганических солей, хотя главным строительным материалом клетки являются органические соединения. В чем роль воды и неорганических солей в клетке? [9].

3. Задания «анализируем ситуацию» – почти готовый вариант мини-проекта, который выполняется дома с последующим обсуждением. Например, почему альпинисты жалуются, что на больших высотах они не могут сварить горячий и крепкий чай? Объясните ответ, используя знания о строении молекул воды и её свойствах.

4. Для сохранения клеток эпителиальной ткани их поместили в стерильную дистиллированную воду. Однако через некоторое время все клетки разрушились. Объясните, почему?

5. Также интерес представляет рубрика домашнего задания «работа с текстом», где каждое упражнение является практически предложением выполнить задание в различных вариантах - от сообщения до небольших докладов и презентаций. Например, используя содержание текста «Митохондрии и хлоропласты» и знания по биологии ответьте на вопросы:

- В процессе окисления каких веществ образуются молекулы АТФ?
- Какие вещества являются конечными продуктами энергетического обмена?
- Составьте уравнение реакции процесса дыхания.

Кроме этого, для учащихся 10 классов обязательна проектно-исследовательская работа, поэтому в качестве домашней работы старшеклассникам выдавались темы проектов, над которыми они могли работать дома самостоятельно индивидуально или в составе малых групп. Например, такие темы: «Неклеточные формы жизни», «По следам открытий – в микромире», «Кофе – вред или польза?», «Аллергия как фактор проявления иммунодефицита».

Заключение. Третий этап педагогического эксперимента – контрольный, в ходе которого в марте 2025 года были повторно проведены исследования уровня сформированности универсальных учебных действий учеников 10-х классов 97 и 115 школ г. Ростова-на-Дону, участвовавших в педагогическом эксперименте по опроснику для школьников, разработанный Л.И. Тимониной, который мы использовали в начале учебного года [15].

Подведение итогов контрольного этапа показал, что сформированность разных видов УУД учащихся 10-х классов возросла в среднем на 17 %, по сравнению с уровнем сформированности их УУД на сентябрь.

Таким образом, самостоятельная домашняя работа учащихся старшей школы играет немалую роль в образовательном процессе. Она активизирует познавательную деятельность, делает процесс обучения более успешным, позволяет восстановить пробелы в знаниях учеников, является неотъемлемой частью системы самостоятельной работы школьников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 года (с изменениями и дополнениями на 2018 г.) // Министерство образования и науки РФ. – 171 с. URL.: <https://минобрнауки.рф> (дата обращения: 5.12.2023).
2. Майер А. Президент поручил оптимизировать учебный процесс в школах // Ведомости / А. Майер – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/04/02/1029268-prezident-poruchil-optimizirovat-uchebnii-protsess-v-shkolah> (дата обращения: 26.09.2024).
3. Романова О. В. К вопросу о необходимости организации в школах исследовательской деятельности учащихся / О. В. Романова // Инновационная траектория развития биологического и экологического образования студентов и школьников: проблемы и перспективы: [сб. науч. тр.]. – Ростов-на-Дону, 2022. – С. 100-104.

4. Галямина И. Г. Проектирование государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования нового поколения с использованием компетентностного подхода / Галямина И. Г. // Россия в Болонском процессе: проблемы, задачи, перспективы: материалы методологического семинара. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2015. – С. 54–56.
5. Black S. Doing our homework on homework / S. Black // The education digest. – 2020. – Vol. 62, № 8. – P. 36-39.
6. Шадриков В. Д. От индивида к индивидуальности / Шадриков В. Д. – М.: Институт психологии РАН, 2009. – 656 с.
7. Earle R. S. Homework as an instructional event / R. S. Earle // Educational technology. – 2022. – Vol 32, № 4. – P. 36-41.
8. Аракелян Г. А. Совершенствование домашних заданий как одно из условий преодоления трудностей / Г. А. Аракелян. – М.: Просвещение, 1977. – 38 с.
9. Дергачева А. Ф. Вариативность домашних заданий как средство индивидуализации обучения школьников физике: дисс. канд. пед. наук. 13.00.02. / А. Ф. Дергачева. – Санкт-Петербург, 2001. – 20 с.
10. Романова О. В. Индивидуализация обучения учащихся с ограниченными возможностями здоровья / О. В. Романова // Теория и практика дистанционного обучения учащихся и молодежи с ограниченными возможностями здоровья: [сб. науч. тр.]. – Кемерово: КГУ, 2021. – С. 124-127.
11. Высоцкая М. В. Биология и экология. 10-11 классы: проектная деятельность учащихся / М. В. Высоцкая // Учитель. – 2018. – № 5. – С. 45-49.
12. Arends R. Learning to Teach / R. Arends. – Boston: Mc.Graw-Hill Companies. 2020. – 563 p.
13. Загвязинский В. И. Теория обучения: Современная интерпретация: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. И. Загвязинский. – М.: Академия, 2001. – 192 с.
14. Bruner J. S. The culture of education / J. S. Bruner. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, – 1996.
15. Адашан Е. И. Опросник для школьников (10-11 класс) «Сформированность универсальных учебных действий» (Тимонина Л.И.). / Е. И. Адашан. – URL: <https://nsportal.ru/shkola/materialy-k-attestatsii/library/2021/10/08/oprosnik-dlya-shkolnikov-10-11-klass> (дата обращения: 5.09.2023).

Поступила в редакцию 30.06.2025 г.

HOMEWORK AS A MEANS OF ORGANIZING SELF-INDEPENDENT ISSUES OF HIGH SCHOOL STUDENTS

O. V. Romanova

The article is devoted to the issue of developing independent work skills in high school students. Many teachers are convinced that homework is the most effective system for organizing independent cognitive activity of school students, starting from elementary school and ending with high school. Homework during training is important for the formation and development of the student's ability to independently formulate a problem in cognitive activity, formulate ways to solve it, analyze various sources, generalize, and draw conclusions. These elements of the ability to learn independently form the basis of universal learning activities (ULA) and modern learning outcomes.

The article gives the concept of homework as an element of independent work of students, describes the role and functions of homework in the processes of repetition, generalization and consolidation of the material covered, the relationship of homework with the classroom work of students, and also provides specific examples of homework in biology.

During the study, we conducted a survey, the main objective of which was to identify the attitude of high school students to various types of homework in biology. The largest number of students preferred practical and creative tasks. Checking the effectiveness of the tasks we developed showed that their use increases the level of formation of universal educational actions, which affects the quality of the educational process.

Key words: homework, independent work, universal learning activities, educational results.

Романова Ольга Викторовна

Кандидат педагогических наук, доцент.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

г. Ростов-на-Дону, РФ.

E-mail: romanovaov77@rambler.ru

Romanova Olga Viktorovna

Candidate of pedagogical Sciences, associate Professor

FSAEI HE «Southern Federal University»,

Rostov-on-Don, RF.

E-mail: romanovaov77@rambler.ru

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПСИХОЛОГИИ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2025 О. В. Сарычева, Д. А. Чернышев

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Статья посвящена выявлению специфики профессиональной деятельности психологов в силовых структурах, МЧС и иных госорганах, определению необходимых личностных качеств специалиста для выполнения профессиональных задач на высоком уровне. На основе выявленной специфики авторами предлагаются методы по усовершенствованию эффективности системы подготовки психологов служебной деятельности в части готовности к выполнению служебных задач в условиях чрезвычайных ситуаций (ЧС).

Ключевые слова: профессиональная деятельность, психолог, служебная деятельность, личностные качества, готовность, мониторинг, чрезвычайная ситуация (ЧС).

Введение. В современных условиях, характеризующихся динамичными социально-экономическими изменениями в России, особую значимость приобретает переосмысление и адаптация системы психологического сопровождения профессиональной деятельности специалистов силового блока. Трансформация общественных процессов предъявляет новые вызовы к созданию гибкой, актуальной системы психологической поддержки, обеспечивающей оперативное реагирование на потребности сотрудников правоохранительных и силовых структур. Как отмечает А. Г. Караяни, эффективность выполнения оперативно-служебных задач напрямую зависит от качества психологического сопровождения личного состава.

Основная часть. Психологическое сопровождение служебной деятельности представляет собой интегративную систему как организационных, так и психологических мероприятий, направленных на оптимизацию профессиональной деятельности сотрудников. Согласно исследованиям М. Ф. Секача, «профессиональная деятельность психолога в силовых структурах характеризуется высокой степенью ответственности, необходимостью принятия решений в условиях временной недостаточности и постоянной готовностью к экстремальным ситуациям» [2, с. 74].

Процесс подготовки психологов служебной деятельности имеет исключительную специфику, которая обусловлена необходимостью формирования у специалистов интегративных профессиональных компетенций и развития основных личностных характеристик. В нашем исследовании мы ставим цель изучить ключевые аспекты подготовки психологов к профессиональной деятельности в условиях чрезвычайных ситуаций (далее ЧС). Основное внимание будет уделено выявлению и анализу личностных качеств, являющихся критически важными для эффективной работы психолога в экстремальных условиях. Выявленная специфика позволит нам в контексте нашего исследования предложить методы по усовершенствованию профессиональной подготовки психологов служебной деятельности в области повышения профессиональной эффективности в условиях ЧС.

Согласно Н. В. Ткаченко, «эффективность профессиональной деятельности психолога служебной деятельности во многом определяется уровнем сформированности профессионально важных качеств» [3, с. 45].

Указанная эффективность особенно актуальна в отношении государственных служащих и представляет собой комплекс мероприятий по реализации государственных полномочий и функций [5].

Несмотря на ведомственные различия (МЧС, МВД, ФСО, ФСИН, ФСБ), служебная деятельность в силовых структурах обладает рядом общих психологических особенностей. К ним относятся системность субъекта, единство целей, доминирование служебного долга как мотива и сложные условия выполнения профессиональных задач. Указанные факторы определяют специфику психологического сопровождения служебной деятельности.

В современных силовых структурах концепция психологического обеспечения направлена на повышение надежности и эффективности выполнения профессиональных задач. С этой целью применяются различные психологические методы, позволяющие оптимизировать деятельность сотрудников и поддерживать их психологическую устойчивость. Эти методы включают в себя психологическую диагностику на выявление личностных качеств, профессиональной пригодности и уровня стрессоустойчивости сотрудников, а также психопрофилактику, тренировки по развитию стрессоустойчивости и навыков быстрого реагирования в экстремальных ситуациях, психологическую поддержку и коррекцию. Комплексное использование этих методов повышает профессиональную эффективность и психологическую устойчивость сотрудников силовых структур.

Психолог, работающий в силовых структурах, не просто оказывает помощь сотрудникам, он сам является частью системы и сталкивается с теми же самыми стрессовыми факторами. Чтобы самому проводить мероприятия по психологическому обеспечению, психолог сам должен обладать рядом профессионально важных качеств. Более того, подготовка квалифицированных специалистов в области психологии служебной деятельности особенно актуальна в контексте современных вызовов, что подчеркивает значимость разработки и внедрения профессиональных стандартов и образовательных программ. В частности, Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования специальности 37.05.02 Психология служебной деятельности, утвержденный приказом Министерства образования и науки от 31.08.2020 № 1137, определяет основные аспекты подготовки психологов, которые необходимо учесть при разработке программ обучения [4]. Они включают:

1. Когнитивную готовность в виде совокупности теоретических знаний в области психологии ЧС, стресса и травм.
2. Профессиональную готовность как совокупность практических навыков и умений в области кризисного вмешательства, психодиагностики пострадавших и лиц, причастных к ликвидации последствий ЧС.
3. Эмоциональную готовность в виде стрессоустойчивости, способности к эмоциональной саморегуляции и профилактики профессионального выгорания.
4. Культурную и социальную готовность как способность понимать, ценить, взаимодействовать с людьми различной культурной принадлежности.
5. Этическую готовность в виде соблюдения нравственных принципов и норм во взаимодействии с коллегами и пострадавшими.
6. Готовность к научно-исследовательской работе в виде аналитических и исследовательских навыков психолога [4].

Профессиональная деятельность психологов данной специализации предполагает работу с представителями силовых структур, формирование системы психологической поддержки в сфере обороны страны, в сфере правопорядка и сопровождение работы

образовательных и социальных организаций. Это подчеркивает необходимость комплексной подготовки, направленной на развитие не только теоретических знаний, но и практических навыков применительно к самым разнообразным и экстремальным условиям [1].

Как один из ведущих компонентов в системе личности, внутренние психологические резервы являются особым феноменом, который выступает источником и средством профессионального развития. Индивидуально-психологические характеристики личности, связанные с успешным выполнением должностных инструкций и высоким уровнем психологической стабильности, эмоциональные установки личности, способности, черты характера, ценностные установки, способы совладания со стрессом и многие другие, выступают в роли системообразующих качеств профессиональной культуры психолога служебной деятельности.

Общеизвестно, что личностные ресурсы – категория динамичная, т.е. способная к развитию, коррективке, совершенствованию. Именно поэтому в российских вузах отдается приоритет повышению психологической устойчивости будущих специалистов в области психологии служебной деятельности.

Условия труда психологов в государственных структурах характеризуются интенсивным режимом работы, высоким уровнем стресса и размытыми временными рамками. Важными личными качествами являются внутренняя мотивация, способность к быстрому восстановлению и умение сохранять ментальное здоровье [5, с. 71]. Работа психолога включает индивидуальное консультирование, тренинги и коучинговое сопровождение, направленные на улучшение межличностных коммуникаций и личной продуктивности. Основой служебных отношений является жесткая вертикаль, где приоритет отдается индивидуальным контактам. Права психолога включают гарантии психической и социальной безопасности, социальные гарантии и возможности профессионального роста, а обязанности – соблюдение этических норм, конфиденциальность и высокую профессиональную компетентность.

Исследованием профессионально важных качеств психолога занималось большое количество авторов. Среди них А. А. Абрамова, Н. С. Пряжников, Д. И. Кечил, Е. А. Климова, Т. П. Гаврилова, А. А. Деркач, Е. С. Романова, Л. И. Анцыферова, Н. И. Рейнвальд, В. В. Кулишов и др. Каждый из авторов делает акцент на определенный набор качеств, необходимых психологу в разнообразном диапазоне областей его практики. Для успешного выполнения профессиональных задач психологу служебной деятельности следует развивать и укреплять в себе ряд качеств:

1. Ценностные ориентации и мотивация личности. Отражение в сознании психолога ценностей, которые он признает в качестве стратегических жизненных целей и мировоззренческих ориентиров. Мотивация как побуждение к выполнению профессиональных действий, в том числе в условиях ЧС.

2. Навыки целеполагания. Способность планировать, организовывать и выполнять профессиональные задачи, в том числе и в условиях ЧС.

3. Навыки командной работы и способность к сотрудничеству. Умение эффективно взаимодействовать с различными специалистами для достижения общих целей.

4. Внешние данные психолога. Презентабельность и опрятный внешний вид, способствующие созданию благоприятного впечатления о психологе как о профессионале.

5. Когнитивные качества личности психолога. Способность к анализу и решению проблем. Гибкость мышления. Скорость обработки информации.

6. Способность к быстрой адаптации в изменяющихся условиях. Способность психолога к изменениям и использованию своих внутренних резервов.

Таким образом, структурными компонентами профессионализма психолога служебной деятельности являются мотивация к выполнению профессиональных задач в условиях повышенной стрессогенности, способность к целеполаганию и сотрудничеству с различными специалистами, участвующими в ликвидации ЧС, способность к анализу, способность к быстрой адаптации к изменяющимся условиям среды.

При этом для специалистов, занятых в государственных организациях, нежелательны в высшей степени такие личностные качества, как ориентация на личные удовольствия, сосредоточенность на собственных интересах, стремление к независимости и склонность к враждебности, поскольку они противоречат ключевым критериям, установленным в данной области.

Таким образом, представленные качества создают основу для эффективной деятельности психолога в государственных структурах, обеспечивая его адаптацию и продуктивность в рамках служебных обязанностей.

Психолог служебной деятельности должен сочетать знания психологии с пониманием задач структур экстремального профиля. Его работа предполагает взаимодействие с муниципальными служащими, сотрудниками правоохранительных органов и военнослужащими с учетом их профессиональных особенностей. Как подчеркивают В. В. Василенко, А. Г. Караяни, С. Ф. Секач и Д. И. Кечил, компетенции такого специалиста формируются на основе междисциплинарного подхода и опыта взаимодействия с представителями разнообразных профессий.

Профессиональные умения психолога включают анализ и оценку психологических аспектов, написание характеристик сотрудников и групп с учетом их особенностей, осуществление психодиагностики, наблюдение с акцентом на психологические стороны, установление контакта, предупреждение конфликтов и использование методов психологического воздействия. Как подчеркивается в исследованиях А. Г. Караяни, профессионализм психолога в служебной деятельности определяется способностью адаптировать методы работы к особенностям специализированных профессиональных сред.

Эти навыки требуют определенных умений и устойчивого профессионального развития, что подчеркивает значимость междисциплинарного и компетентностного подходов к подготовке специалистов различных госструктур.

Подготовка психолога к деятельности в чрезвычайных ситуациях должна основываться на передовых требованиях к обучению, способствующих формированию выносливости, навыков быстрого принятия решений и применения методик психологической поддержки в стрессовых условиях. Как отмечают М. Ф. Секач и Д. И. Кечил, такие образовательные программы направлены на формирование профессионализма и устойчивости к стрессу [2, с. 74].

Учитывая вышеизложенные требования к личности и профессиональной компетентности психологов служебной деятельности, компетентностный подход к подготовке специалистов в области психологии служебной деятельности приобретает особую значимость. Данный подход акцентирует внимание на практическом применении знаний и навыков, что крайне важно при подготовке психологов, которые будут работать в условиях ЧС. Важно также учитывать междисциплинарный подход, который рассматривает подготовку психологов как неотъемлемую часть более широкой системы экстренных служб. Подход включает интеграцию различных

дисциплин, обеспечение эффективного взаимодействия между психологами и другими специалистами экстренных служб реагирования, а также создание взаимосвязанных и скоординированных механизмов для решения комплексных задач в условиях ЧС. Междисциплинарный подход позволяет рассматривать подготовку как процесс, включающий все уровни и аспекты служебной деятельности, что существенно повышает эффективность работы психологов и их готовность к быстрому и правильному реагированию в кризисных ситуациях.

При формировании готовности психолога к работе в экстремальных ситуациях в рамках компетентностного подхода, важно выделить несколько ключевых направлений работы. В первую очередь это развитие когнитивной готовности, включающей в себя овладение теоретическими знаниями в области психологии экстремальных ситуаций, стресса и травм, освоение методик диагностики психологического состояния пострадавших и оказания им помощи, а также формирование навыков быстрой оценки ситуации и адаптации к имеющимся условиям.

Для эффективного развития этих компетенций мы предлагаем внедрение системы обратной связи, которая обеспечит динамическую оценку результатов обучения и практической подготовки. В рамках данного подхода важно проводить регулярный мониторинг профессиональной готовности с использованием комплексных диагностических методик, включающих оценку стрессоустойчивости, уровня тревожности и типов реагирования в стрессовых ситуациях, что позволит объективно отслеживать прогресс студентов, а также своевременно корректировать образовательный процесс, делая его максимально приближенным к реальным условиям работы в ЧС.

Следующим важным направлением является формирование профессиональной готовности к деятельности в условиях ЧС. С этой целью в рамках междисциплинарного подхода, мы предлагаем включить в рабочую программу дисциплины «Психология экстремальных ситуаций» комплекс практических заданий и ситуационных задач, моделирующих взаимодействие психологов с представителями экстренных служб и ведомств – МЧС, правоохранительных органов, медицины. Такой формат подготовки позволит будущим психологам служебной деятельности освоить алгоритм работы в экстремальных условиях, развить навыки командного взаимодействия и адаптации к кризисным ситуациям, что немаловажно для эффективного оказания экстренной психологической помощи.

Заключение. Таким образом, подготовка психологов к профессиональной деятельности в условиях ЧС требует комплексного подхода, объединяющего теоретические знания, практические навыки и развитие личностных качеств. Важным элементом успешной подготовки является междисциплинарное взаимодействие в создании комплекса практических заданий, моделирующих реальные условия и регулярный мониторинг готовности будущих специалистов к выполнению профессиональных задач в условиях ЧС, что обеспечит высокую профессиональную готовность будущих психологов служебной деятельности и их способность эффективно работать в условиях неопределенности и кризиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астахова А. А. Психологические основы профессионального обучения лиц, впервые принятых на службу в органы внутренних дел // Актуальные проблемы психологической практики в силовых структурах: профессионально-психологическая подготовка: сб. докл. V Всерос. межвед. науч.-практ. Конф., 19 нояб. 2020 г. – Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2020. – С. 12–16.
2. Секач М. Ф., Кечил Д. И. О построении психологической компетенции профессионализма психологов служебной деятельности // Человеческий капитал. – 2021. – № 10. – С. 72–77.

3. Ткаченко Н. В. Профессионально важные качества психолога служебной деятельности как фактор эффективности профессиональной деятельности // Вестник Белгородского государственного университета. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 45–52.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – специалитет по специальности 37.05.02 Психология служебной деятельности: утв. Приказом Мин-ва науки и высшего образования Рос. Федерации от 31.08.2020 № 1137. – М.: Минобрнауки России, 2020.
5. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 22. – Ст. 2063
6. Чвякин В. А. Медико-педагогическая подготовка населения к действиям в условиях чрезвычайных ситуаций // Вопросы безопасности. – 2020. – № 3. – С. 68–73.

Поступила в редакцию 30.05.2025 г.

ON THE ISSUE OF THE SPECIFICS OF PROFESSIONAL ACTIVITY OF PROFESSIONAL PSYCHOLOGY SPECIALISTS

O. V. Sarycheva, D. A. Chernyshev

The article is devoted to identifying the specifics of the professional activities of psychologists in law enforcement agencies, the Ministry of Emergency Situations and other government agencies, and determining the necessary personal qualities of a specialist to perform professional tasks at a high level. Based on the identified specifics, the authors propose methods to improve the effectiveness of the training system for career psychologists in terms of readiness to perform official tasks in emergency situations.

Key words: professional activity, psychologist, professional activity, personal qualities, readiness, monitoring, emergency situation.

Сарычева Ольга Витальевна

Старший преподаватель кафедры общей психологии
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: sarycheva_olga@internet.ru.

Sarycheva Olga Vitalievna

Senior Lecturer at the Department of General Psychology,
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, DPR, RF.
E-mail: sarycheva_olga@internet.ru.

Чернышев Дмитрий Алексеевич

Доктор педагогических наук, доцент.
Профессор кафедры педагогики
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: chernishevdmity_1972@mail.ru

Chernyshev Dmitry Alekseevich

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Pedagogy,
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, DPR, RF.
E-mail: chernishevdmity_1972@mail.ru

МЕТОДИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ МАТЕМАТИКИ К ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

© 2025 Д. А. Скворцова

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Рассматривается проблема методической подготовки учителя математики в условиях цифровой трансформации образования. Обосновывается необходимость разработки и внедрения в образовательную практику методики подготовки будущих учителей математики к организации обучения в цифровой образовательной среде. Предложено разрабатывать методику в виде методической системы, компонентами которой являются цели, содержание, методы, организационные формы, средства обучения, а также результаты учебной деятельности, свидетельствующие о сформированности соответствующего компонента профессиональной компетентности. Предложена структурная модель методической системы подготовки будущих учителей математики, включающая в себя концептуально-целевой, содержательно-целевой, организационно-технологический и оценочно-коррекционный блоки. Описаны компоненты методической системы обучения, показаны преимущества разработанной методики по сравнению с другими методическими решениями. Охарактеризованы этапы экспериментального обучения студентов направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (профиль: математика и информатика) по проверке эффективности разработанной методики.

Ключевые слова: методическая подготовка учителя математики, цифровая образовательная среда, профессиональная цифровая компетентность учителя, цифровые средства обучения, интегративные проекты, цифровые средства в работе учителя, цифровой помощник учителя математики.

Введение. В настоящее время в связи со стремительной цифровизацией всех сфер жизни общества актуализируется проблема подготовки нового поколения педагогов, обладающих цифровыми компетенциями. Особое значение эта проблема имеет в подготовке учителей математики, которые должны не только осуществлять математическую деятельность с помощью цифровых инструментов, но и организовывать обучение в цифровой образовательной среде (ЦОС).

Многие отечественные и зарубежные ученые, исследуя пути усовершенствования методической подготовки будущих учителей в условиях ЦОС, предлагают такие решения, как: методическая система обучения математике студентов гуманитарных направлений подготовки в ЦОС [1]; методика подготовки будущих учителей математики к созданию и использованию технологий дополненной и виртуальной реальности в учебном процессе [10]; организация сопровождения учебно-методического комплекса в цифровой образовательной среде [15]; система многоуровневого оценивания знаний студентов с помощью технологии непрерывной оценки [14]; учет особенностей реализации современных технологий обучения в цифровой образовательной среде [3]; моделирование процесса формирования готовности будущих учителей к профессиональной деятельности в условиях ЦОС [11]; разрешение противоречия между профессиональной подготовкой будущего учителя в условиях цифровой трансформации образования, обладающего сформированной цифровой компетентностью [5]; методический онлайн-навигатор современного учителя [2]; система подготовки нового поколения учителей математики на основе проектно-эвристической деятельности [12]; технология формирования у учителей профессиональных знаний и умений использования цифровых технологий [19]; оценка влияния инструментов визуализации на понимание учащимися математических

концепций [18]; оценка эффективности использования цифровых технологий для математического моделирования [17].

Несмотря на многообразие теоретическо-методических разработок, направленных на повышение эффективности обучения математике в условиях ЦОС, проблема подготовки учителей математики, способных к проектированию и организации такого обучения, остается не решенной.

Нами был проведен опрос 229 учителей математики об использовании в своей педагогической деятельности цифровых средств обучения математике. Распределение по возрасту опрошенных было следующим: 19-25 лет (10,5%), 25-40 лет (21,4%), 40-60 лет (50,7%) и 60 и старше (17,5%). Не используют в обучении готовые цифровые средства обучения 6,6%, используют очень редко или редко 28,3%, а используют часто и постоянно 65,1%. В большинстве случаев учителя используют в профессиональной деятельности готовые разработки: тестов и викторин (24,9%), онлайн уроков (18,6%), интерактивных тренажеров (16,8%), интерактивные онлайн досок (15,3%), кроссвордов (8,7%) и интерактивные плакаты (8,7%). Меньше всего используются ментальные карты (2,5%) и ленты времени (2,5%). При этом только 21,8 % опрошенных указали на то, что разрабатывают авторские электронные средства учебного назначения.

Таким образом, результаты опроса подтвердили мнение ученых о необходимости разработки и внедрения в образовательную практику методики подготовки будущих учителей математики к организации обучения в цифровой образовательной среде.

Основная часть. Подготовка будущих учителей математики к работе в цифровой образовательной среде в Донецком государственном университете осуществляется по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями), профили: математика и информатика при изучении дисциплин «ИКТ в обучении математики и информатики» (ИКТвОМИ), «Проектирование и разработка информационных систем в образовании» (ПиРИСвО) и «Технологии цифрового образования» (ТЦО). Методика такой подготовки разработана нами в соответствии с теорией развития методических систем обучения математике (Е.И. Скафа, Е.Г. Евсеева, Г.И. Саранцев, А.М. Пышкало и др.).

Традиционный подход к проектированию методической системы обучения математическим дисциплинам в высшей школе предполагает выделение таких ее компонентов как цели, содержание, методы, организационные формы и средства обучения. Рассматривая методическую систему подготовки будущих учителей математики, к традиционной структуре мы предлагаем добавить результаты учебной деятельности, свидетельствующие о сформированности соответствующего компонента его профессиональной компетентности. Мы считаем, что таким компонентом является профессиональная цифровая компетентность (ПЦК) [7].

При этом формирование ПЦК осуществляется в цифровой образовательной среде университета, а организацию обучения учителя математики будут осуществлять в ЦОС общеобразовательной школы. В связи с чем особого внимания потребовало уточнение понятия и структурирование цифровой образовательной среды, под которой мы понимаем систему условий для обеспечения электронного обучения, включающую нормативный, технический, организационный компонент и цифровой компоненты [9].

Используя метод педагогического моделирования [13], мы разработали структурную модель методической системы подготовки будущих учителей математики, включающую в себя концептуально-целевой, содержательно-целевой, организационно-технологический и оценочно-коррекционный блоки (рис. 1). Блоки модели располагаются в поле ЦОС, сконцентрированной в верхней части модели, так как она представляет собой те условия, в которых непосредственно осуществляется учебный процесс.

Рис. 1. Модель методической системы подготовки будущих учителей математики к организации обучения в цифровой образовательной среде

В концептуально-целевом блоке модели отражена цель подготовки, методологические подходы и принципы, на которых основывается подготовка будущего учителя.

Цель подготовки состоит в формировании профессиональной цифровой компетентности будущих учителей математики, так как сформированность именно этого компонент профессиональной компетентности обеспечивает студентам готовность к работе в ЦОС [9].

Методологические подходы к подготовке будущих учителей математики включают:

- компетентностный подход, предполагающий определение образовательных результатов подготовки студентов в терминах цифровых компетенций по проектированию и организации обучения в ЦОС;

- деятельностный подход, позволяющий определить цели обучения дисциплинам подготовки к работе в ЦОС через способы будущей профессиональной деятельности учителя математики;

- системный подход, позволяющий рассматривать методику обучения как методическую систему, реализация которой, обеспечивает достижение результатов обучения за счет выполнения свойств целостности, структурности, эмерджентности, функциональности и устойчивости её элементов;

- профессионально-ориентированный подход, требующий выполнения будущими учителями математики деятельности не только по проектированию и разработке цифровых образовательных ресурсов, но и по использованию их для организации реального учебного процесса по математике;

- интегративный подход в рамках которого осуществляется интеграция на трех уровнях: внутрипредметная (интеграция математической деятельности и цифровых инструментов для ее выполнения), межпредметная (интеграция дисциплин подготовки к работе в ЦОС с методикой обучения математике), метапредметная (формирование метапредметных компетенций по разработке цифровых образовательных ресурсов);

- когнитивно-визуальный подход, предполагающий широкое и целенаправленное использование познавательной функции средств визуальной наглядности [4; 16]. Для его реализации нами разработаны средства визуальной наглядности, направленных на активизацию наглядно-образного мышления обучающихся за счет использования цифровых средств и специальных приёмов схематизации.

Принципы подготовки будущих учителей математики включают в себя наряду с традиционными принципами обучения дисциплинам ИКТвОМИ, ТЦО и ПиРИСво принципы цифровой дидактики (доминирования, персонализации, целесообразности, гибкости, адаптивности, практико-ориентированности, включенного оценивания, нарастания сложности, насыщенности образовательной среды), на основе которых учитель будет осуществлять будущую профессиональную деятельность в ЦОС.

Содержательно-целевой блок описывает цели и содержание обучения дисциплинам подготовки бакалавров к работе в ЦОС. Для каждой дисциплины указаны деятельностные цели обучения, а содержание обучения описано в блоке, расположенном ниже на рисунке 1, и включает в себя средства работы с цифровыми инструментами и платформами, которые должны быть освоены студентами. Например, для разработки тестов и кроссвордов необходимо овладеть такими инструментами, как OnlineTestPad, EasyQuizzy, Яндекс Формы, ментальных карт – Draw.io, MindMup, интерактивных плакатов – Genially, Visme, Interacty и т.п.

Организационно-технологический блок состоит из описания организационных

форм, методов и средств подготовки, а также результатов учебной деятельности студентов. Так, нами предлагается использовать организационные формы цифрового, электронного и интерактивного обучения с учетом количества участников (индивидуальная, парная, групповая и фронтальная) и способов взаимодействия обучающихся (синхронное и асинхронное, контактное офлайн, дистанционное (удаленное) онлайн, смешанное и гибридное).

Кроме традиционных методов обучения мы предлагаем использовать в подготовке будущих учителей математики и цифровые методы, позволяющими сформировать у студентов готовность к работе в условиях цифровой образовательной среды. Традиционные методы обучения (объяснительно-иллюстративный, репродуктивный, частично поисковый, исследовательские проектный и кейс-метод) требуют адаптации к условиям ЦОС, а цифровые методы («перевернутый цифровой класс», имитации цифрового обучения, цифровой коммуникации, цифрового следа, тестирование цифрового ресурса) являются авторскими и описаны в работе [6].

Средства обучения дисциплинам ИКТвОМИ, ТЦО и ПиРИСвО мы предлагаем дополнить авторскими средствами, включающими: 1) системы заданий для освоения демонстрационных и имитационно-моделирующих программ; 2) индивидуальные учебные проекты; 3) задания для интегративных проектов; 4) средства когнитивно-визуальной наглядности; 5) сайт «Цифровой помощник учителя математики»; 6) учебно-методическое пособие «Цифровые средства в работе учителя». Например, средства когнитивно-визуальной наглядности мы предлагаем разрабатывать в виде коллекции по каждой дисциплине, включающей ментальные карты, интерактивные плакаты, презентации, разработанные с использованием искусственного интеллекта. Подробно авторские средства обучения описаны в работах [8].

Результаты учебной деятельности студентов аккумулируются в интегративные проекты, разрабатываемые в рамках изучения дисциплин при выполнении индивидуальных заданий: по дисциплине ИКТвОМИ проект «Компьютерно-ориентированный урок математики», ТЦО – «Сайт учителя математики» и ПиРИСвО – «Цифровой урок математики». Эти результаты формируют цифровой след студента, по которому можно судить о его готовности к организации обучения в ЦОС.

Контрольно-оценочный блок содержит описание результата применения разработанной методики, которым является сформированность профессиональной цифровой компетентности будущего учителя математики, а также критериев, показателей и измерителей сформированности ПЦК будущего учителя математики.

Нами выделены три критерия сформированности ПЦК, а именно математико-цифровой, методико-цифровой и проектно-цифровой, показателями которых являются соответственно сформированность способов математической деятельности с применением цифровых инструментов, сформированность умений организовывать математическую деятельность обучающихся, готовность и способность проектировать математическую деятельность средствами ИКТ [7]. В качестве измерителей выступают учебные проекты: по математике с применением цифровых инструментов, по организации обучения математике в школе с применением цифровых инструментов, по разработке электронных средств учебного назначения по математике. Данные проекты выполняются в рамках учебных дисциплин и в дальнейшем являются элементами интегративных проектов.

Следует отметить, что разработанная нами методическая система направлена на формирование профессиональной цифровой компетентности студентов, которая является необходимым качеством личности учителя математики для организации

обучения в ЦОС, в то время как существующие методические разработки имеют целью формирование математической компетентности студентов [1], навыков создания обучающих проектов на основе дополненной и виртуальной реальности [10]; повышение качества математической подготовки студентов с помощью многоуровневой системы оценивания [14] и др.

Предложенные нами цифровые методы и средства подготовки учителя к работе в условиях ЦОС направлены на овладение будущими учителями математики способами разработки и использования в обучении разнообразных авторских цифровых инструментов, в отличие от предлагаемого другими авторами использования готовых цифровых технологий и средств обучения [2].

Разработанный сайт «Цифровой помощник учителя математики» в отличие от средств обучения, предлагаемых другими авторами, например методический онлайн-навигатор современного учителя [2], или виртуальный информационно-коммуникационный помощник [14], помогает учителю не просто ориентироваться в существующих цифровых инструментах, но и дает пошаговые инструкции по созданию собственной коллекции цифровых средств обучения.

Использование средств когнитивно-визуальной наглядности в подготовке учителя математики позволяет сформировать не только сбалансировать работу правого и левого полушарий мозга у самих студентов, за счет реализации познавательной функции наглядности, но и сформировать у будущих учителей математики способность к разработке когнитивно-визуальной инфографики для использования в обучении математике в школе. В то же время другими учеными инструменты визуализации рассматриваются с целью иллюстрации математических концепций и задач, а также повышения мотивации обучающихся [18].

Заключение. Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время актуализировалась проблема методической подготовки будущих учителей математики к работе в условиях цифровой образовательной среды. Эффективность такой подготовки обеспечивается за счет реализации методики обучения дисциплинам, при изучении которых происходит формирование у студентов профессиональной цифровой компетентности.

Представление методики в виде методической системы обучения и разработка её структурной модели дали основание сформулировать методические требования к целям, содержанию, методам, организационным формам, средствам и результатам обучения, основными из которых являются: постановка компетентностной цели подготовки по формированию профессиональной цифровой компетентности; определение деятельностных целей обучения дисциплинам, состоящих в освоении способов действий по проектированию и организации обучения в ЦОС; включение в содержание обучения цифровых средств обучения, которые должны быть освоены студентами для работы в ЦОС; адаптация традиционных методов и форм обучения к условиям ЦОС и дополнение их цифровыми, позволяющими формировать умения по организации цифрового обучения; дополнение традиционных средств обучения авторскими системами заданий для проектной деятельности студентов, коллекциями средств когнитивно-визуальной наглядности по дисциплинам, учебным пособием и сайтом «Цифровой помощник учителя математики»; разработка средств диагностики сформированности ПЦК будущих учителей математики.

Перспективы дальнейших исследований состоят в разработке методики подготовки действующих учителей математики к работе в ЦОС в системе дополнительного образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арттюхина М.С. Методическая система обучения математике студентов гуманитарных направлений подготовки в цифровой образовательной среде: монография / М.С. Арттюхина, С.В. Щербатых. – Арзамас, 2023. – 118 с.
2. Будкина А.В. Методический онлайн-навигатор современного учителя как инструмент повышения компетентности педагога / А.В. Будкина, Д.М. Городецкая, Т.М. Резер // Современные проблемы науки и образования. – 2025. – № 2. – С. 51. – DOI 10.17513/spno.33992.
3. Глузман А.В. Особенности реализации современных технологий обучения в цифровой образовательной среде / А. Глузман В., Р.Р. Тимиргалеева, И.Ю. Гришин // Проблемы современного педагогического образования. – 2025. – № 86-1. – С. 96-98.
4. Далингер В. Когнитивно-визуальный подход, его сущность и методические особенности в обучении математике / В. Далингер // EESJ. – 2015. – №3. – С. 28-32.
5. Дикая Ю.В. Противоречия профессиональной подготовки будущего педагога в условиях цифровой трансформации образования / Ю.В. Дикая // Преподавание истории в школе. – 2025. – № 5. – С. 75-79. – DOI 10.51653/0132-0696_2025_5_75.
6. Евсеева Е.Г. Методы и формы подготовки будущих учителей математики к цифровому обучению / Е.Г. Евсеева, Д.А. Скворцова // Дидактика математики: проблемы и исследования. – 2025. – Вып. 2 (66). – С. 55-67. – DOI: 10.24412/2079-9152-2025-66-55-67.
7. Евсеева Е.Г. Моделирование цифровой компетентности учителя в контексте математического образования / Е.Г. Евсеева, Д.А. Скворцова // Дидактика математики: проблемы и исследования. – 2023. – Вып. 2 (58). – С. 29-36. – DOI: 10.24412/2079-9152-2022-58-29-36.
8. Евсеева Е.Г. Средства подготовки будущих учителей математики к организации обучения в цифровой образовательной среде / Е.Г. Евсеева, Д.А. Скворцова // Человеческий капитал. – 2025. – № 5(197). – С. 87-95. – DOI 10.25629/НС.2025.05.08.
9. Евсеева Е.Г. Цели и содержание подготовки будущих учителей математики к организации обучения в цифровой образовательной среде / Е.Г. Евсеева, Д.А. Скворцова // Педагогическая информатика. – 2025. – № 2. – С. 75-88.
10. Родионов М.А. Подготовка будущих учителей к разработке и применению технологий дополненной и виртуальной реальности в профессиональной деятельности / М.А. Родионов, О.А. Кочеткова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2022. – № 4(68). – С. 183-187. – DOI 10.52452/18115942_2022_4_183.
11. Романова К.Е. Моделирование процесса формирования готовности бакалавров – будущих учителей труда (технологии) к профессиональной деятельности в условиях цифровой образовательной среды / К.Е. Романова, С.Ю. Коэн // Педагогическая информатика. – 2025. – № 2. – С. 89-103.
12. Система подготовки нового поколения учителей математики на основе проектно-эвристической деятельности / Е.И. Скафа, Е. Г. Евсеева, Ю.В. Абраменкова, И.В. Гончарова // Перспективы науки и образования. – 2021. – № 5 (53). – С. 208-222. DOI: 10.32744/pse.2021.5.14.
13. Складенко И.С. Моделирование в педагогическом процессе / И.С. Складенко // Педагогика и психология: академический журнал. – 2024. – №1 (4). – С. 14-21.
14. Смоленцева Т.Е. Система многоуровневого оценивания знаний студентов в условиях цифровой образовательной среды вуза / Т.Е. Смоленцева // Современные наукоемкие технологии. – 2025. – № 6. – С. 115-122. – DOI 10.17513/snt.40431.
15. Шапиро К.В., Макарова Н.В. Организация сопровождения учебно-методического комплекса в цифровой образовательной среде / К.В. Шапиро, Н.В. Макарова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2025. – № 216. – С. 54-65. – DOI 10.33910/1992-6464-2025-216-54-65.
16. Яковлева Е.В. Реализация когнитивно-визуального подхода и метода схематизации при обучении математике студентов медицинских специальностей вуза: автореф. дис. .... канд. пед. наук. – Елец, 2024. – 24 с.
17. Cevikbas M, Greefrath G and Siller H-S (2023) Advantages and challenges of using digital technologies in mathematical modelling education – a descriptive systematic literature review. Front. Educ. 8:1142556. DOI: 10.3389/educ.2023.1142556.
18. Fokuo, M.O., Opoku-Mensah, N., Asamoah, R., Nyarko, J., Agyeman, K.D., Owusu-Mintah, C., & Asare, S. (2023). The use of visualization tools in teaching mathematics in college of education: A systematic review. Journal of Science and Technology, 09(01), 1-9.
19. Gumiero, B.S., & Pazuch, V. (2024). Digital technologies and mathematics teaching: An analysis of teacher professional knowledge. Pedagogical Research, 9(2), em0200. <https://doi.org/10.29333/pr/14342>.

Поступила в редакцию 28.08.2025 г.

METHODOLOGICAL SYSTEM FOR TRAINING FUTURE MATHEMATICS TEACHERS TO ORGANIZE LEARNING IN A DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

D. A. Skvortsova

The article deals with the problem of methodological training of mathematics teachers in the context of digital transformation of education. The necessity of developing and introducing into educational practice a methodology for preparing future mathematics teachers to organize education in a digital educational environment is justified. It is proposed to develop this methodology in the form of a methodical system, which includes goals, content, methods, organizational forms, teaching aids, as well as results of educational activities indicating the formation of relevant components of professional competence. A structural model of a methodological system for training future mathematics teachers has been proposed, which includes concept-target, content-target, organization-technology and evaluation-correction blocks. The components of the methodological training system are described, and the advantages of the developed methodology are shown in comparison with other methodological solutions. The stages of experimental training for students in the training area of 44.03.05 "Pedagogical Education" (profile: Mathematics and Computer Science) to test the effectiveness of the methodology developed are characterized.

Key words: methodological training of a mathematics teacher, digital educational environment, professional digital competence of a teacher, digital learning tools, integrative projects, digital tools in the work of a teacher, digital assistant to a mathematics teacher.

Скворцова Дарья Александровна

старший преподаватель кафедры высшей математики и методики преподавания математики, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: darsanna97@mail.ru

Skvortsova Darya Alexandrovna

Senior lecturer at the Department of Higher Mathematics and Methods of Teaching Mathematics, FSBEI HE «Donetsk State University», Donetsk, DPR, RF.
E-mail: darsanna97@mail.ru

ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ УМЕНИЕ РАБОТАТЬ С ИНФОРМАЦИЕЙ НА ОСНОВЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБУЧЕНИЯ КАК НЕОБХОДИМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ЖУРНАЛИСТОВ

© 2025 Т. А. Сирота

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Статья посвящена проблеме профессиональной подготовки будущих журналистов на основе иноязычного обучения. Сделана попытка исследовать проблему развития общепрофессионального умения работать с информацией будущих журналистов как необходимой составляющей профессиональной подготовки специалистов. Выделены уровни сформированности общепрофессионального умения работать с информацией. Дано авторское понятие «общепрофессиональное умение журналиста работать с информацией», раскрыта его сущность и актуальность в современном информационном обществе.

Ключевые слова: умение, работа с информацией, профессиональная подготовка журналиста, иноязычное обучение.

Введение. Динамическое развитие мирового информационного пространства связано с созданием новых информационных технологий, стремительным развитием системы масс-медиа. Эти процессы требуют умения ориентироваться в потоках информации, применять на практике мультимедийные программные средства, пользоваться электронными каталогами, справочниками и др. Поэтому грамотное владение новейшими информационными разработками стало приоритетным направлением современного образования на всех уровнях. Психолог Герберт Герджой считает, что новое образование должно научить индивида классифицировать информацию, оценивать ее достоверность, изменять категории, переходить от конкретного к абстрактному, заниматься самообразованием. Неграмотным в будущем будет не тот человек, который не умеет читать, а тот, кто не научился учиться [1].

Журналисты оказывают влияние на политические и экономические процессы в обществе, способствуют формированию общественного мнения. От уровня их профессиональной подготовки зависит стабильность и безопасность общества. Высококвалифицированный журналист должен иметь глубокие знания в различных сферах науки и культуры, быстро принимать решения, заниматься самообразованием на протяжении всей жизни. Доступ к информационным источникам на иностранном языке открывает новые перспективы для специалиста. Возможность общения, обмен опытом, анализ аутентичных источников способствует профессиональному росту.

Понятие «умение» по своей природе многогранно и во многом берет начало в исследованиях психологов (А.Н. Леонтьев, Е.А. Милерян, С.Л. Рубинштейн и др.). Феномен «умение» рассматривается учеными как структурное образование (Ф.Э. Зеер), как действие или способ выполнения этого действия (Ф.Н. Гоноболин, В.В. Давыдов, Т.Е. Демидова), как готовность к выполнению действия (Л.В. Андрухив, А.Г. Атанов, И.Я. Лернер), как способности к применению знания на практике (Е.И. Литневская, К.К. Платонов). Общепрофессиональное умение работать с информацией (ОПУРИ) в последние годы рассматривается как умение применять компьютерные технологии, а также как умение работать с реальными объектами (Л.В. Андрухив, О.А. Митрахович, О.Н. Солуянова). Различным аспектам профессиональной иноязычной подготовки

журналистов посвящены диссертационные работы Н.В. Базиной (развитие аудиовизуальных умений), Н.В. Чичериной (обучение деловому английскому языку), Т.В. Емельяновой, Л.Е. Нагорнюк (формирование коммуникативной компетенции), Е.В. Агриковой, О.В. Лушинской, Е.Г. Кашиной (обучение письменной речи), Т.А. Бударинной, Е.А. Макеевой, М.В. Петровой (обучение интервьюированию), И.А. Колеговой (формирование иноязычной конвергентной компетенции), А.Р. Акчуриной (управление проектной деятельностью) и др. Ученые отмечают важность развития умения работать с информацией для журналиста, поскольку эта профессия связана с профессиональным поиском и обработкой материалов для опубликования в СМИ. Поэтому данная проблема актуальна и требует дальнейшей разработки.

Целью статьи является исследование проблемы развития общепрофессионального умения работать с информацией на основе иноязычного обучения как необходимой составляющей профессиональной подготовки журналистов, уточнение сущности понятия, его актуальности в образовательном процессе.

Основная часть. Конкуренция на рынке труда приводит к тому, что приоритетным направлением в образовании становится творческое развитие личности будущего специалиста, с сформированной целостной системой профессиональных знаний, умений и навыков. Поскольку данное исследование связано с развитием умений, уточним данное понятие. Разделяя мнение тех ученых, которые рассматривают умение как способность к выполнению действия, мы будем придерживаться той точки зрения, что *умение – это способность человека выполнять определенные действия на основании ранее полученных знаний и сформированных умений.*

Рассмотрим *процесс формирования умения.* На начальном этапе формирования умений необходимо обоснование действия, осознание приемов, на которых эти действия строятся. Совершенствование умений приводит к тому, что умения приобретают свернутость, не все операции осознаются. Показателем того, что умение сформировано на высшем уровне, является его сознательный перенос на решение новых задач.

По мнению Г.А. Атанова, усвоение какого-либо учебного предмета означает последовательное освоение блоков (базовых, методологических, общих, межпредметных, предметных, профессиональных). Умения из каждого блока сначала являются целью обучения, а после того, как они трансформируются в навыки, т.е. соответствующее действие примет умственную форму, они перестают быть целью и превращаются в средство достижения новой цели, а именно – овладение умениями следующего блока. В свою очередь, каждый из блоков представлен различными умениями. Так, например, в блок общих умений входят умения находить информацию по оглавлению, справочнику и словарю, пользоваться информационно-поисковыми системами. В свою очередь, каждое умение из этого блока является составным и может быть разложено на более простые умения. Так умение работать с учебником состоит из следующих умений:

- выделять в прочитанном материале главные идеи и опорные понятия;
- выявлять связи между фактами, закономерностями и понятиями;
- разбивать и группировать материал по смыслу;
- самостоятельно формулировать выводы из прочитанного;
- составлять план воспроизведения прочитанного;
- конспектировать прочитанное [2].

Умение как системное образование обладает интегративными качествами, которыми не обладает каждое частное умение, входящее в его состав. Только в системе взаимодействия компонентов можно решить поставленную задачу. Более того, частные умения могут входить в различные системы, образуя новое системное образование.

По мнению О.Н. Солуяновой, необходимо развивать как специальные профессиональные, так и общепрофессиональные умения. Под общепрофессиональными умениями исследователь понимает умения, общие для широкого круга профессий (умения работать на компьютере, представлять продукт или информацию, пользоваться информационными базами, работать с проблемами и т.д.) [3].

Рассматривая умения как систему, мы будем трактовать *общепрофессиональное умение как качество личности специалиста, проявляющееся в способности самостоятельно выполнять системные действия, общие для определённой сферы деятельности, необходимые для решения профессиональных задач интегративного характера.*

Как уже было отмечено выше, общепрофессиональные умения необходимы широкому кругу специалистов и состоят из следующих компонентов:

- умение работать с людьми (коммуникация);
- умение работать с текстом;
- умение работать с техническими средствами;
- умение учиться на протяжении всей жизни;
- умение быстро и грамотно применять полученные знания и оперативно решать проблемы в процессе профессиональной деятельности и др.

Общепрофессиональное умение работать с информацией (ОПУРИ) в последние годы рассматривается как умение применять компьютерные технологии, а также как умение работать с реальными объектами.

Проблема качества подготовки будущих журналистов определяет необходимость организации их профессиональной подготовки, обеспечивающей эффективный результат посредством совмещения теоретического обучения с развитием общепрофессиональных умений, в том числе и умения работать с информацией. Данное умение является необходимым для современного журналиста. Оно представляет собою синтез общекультурных, индивидуальных и профессиональных характеристик специалиста.

Таким образом, *общепрофессиональное умение журналиста работать с информацией рассматривается нами как качество его личности, проявляющееся в способности понимать, критически оценивать, обрабатывать и воспроизводить информацию, прогнозировать ситуации и поведение субъектов коммуникации для создания информационного продукта при решении интегративных задач, сочетающих в себе элементы творческой и пропагандистской деятельности специалиста данной профессии.*

С повышением своего профессионального уровня человек чувствует себя востребованным, поскольку приобретенные знания соединяются с творческой составляющей личности. Конкурентоспособность на современном рынке труда требует от выпускников вузов нелингвистического профиля достаточно высокого уровня иноязычной коммуникативной компетенции, что определяет интерес к особенностям преподавания «языка для специальных целей» [4]. Получение информации предполагает коммуникацию. Коммуникативные навыки необходимы для получения и передачи новой информации разными способами. Следовательно, способность будущего специалиста владеть различными методами работы с информацией с использованием языков и технических средств для передачи полученных сведений в соответствии с поставленной задачей является важным компонентом в профессиональной подготовке.

Чтобы информация соответствовала вышеперечисленным свойствам, журналисту необходимо владеть методологическими основами сбора и интерпретации данных. Низкий

уровень методологии сбора приведет к искажению сведений, представлению аудитории ложных фактов. Более того, для сбора данных важна способность интерактивно использовать язык, символику, тексты; способность использовать знания (информационная грамотность); способность применять (новые) интерактивные технологии; способность человека ориентироваться в информационном пространстве, оперировать данными на основе использования современных ИКТ в соответствии с потребностями рынка труда и для эффективного исполнения профессиональных обязанностей. Информационная компетентность должна включать такие элементы, как ценностные ориентации, т.е. критический анализ сведений и данных, составляющих содержание, полученное из разных источников. Сформированное умение отбирать, анализировать, преобразовывать и получать информацию, будет способствовать развитию готовности к познавательной самостоятельности в процессе изучения иностранного языка посредством перехода от изучения иностранного языка как дисциплины в вузе к его практическому применению в профессиональной деятельности и повышению уровня сформированности информационной компетентности [5].

Общепрофессиональные умения работать с информацией предполагают умения работать с устными и письменными текстами и реальными объектами как источниками информации и представляют собой умения, общие для широкого круга профессий. Содержание иностранного языка является основным интегрирующим моментом развития умений работать с информацией. Представляется важным добавить еще одну особенность иностранного языка, которая способствует расширению его интегративных возможностей. Данная дисциплина является одной из немногих дисциплин в учебном плане, непосредственно направленная на развитие у студентов практического умения работать с информацией, т.е. общепрофессионального умения, необходимого для изучения любой дисциплины профессиональной подготовки. Данное положение выводит иноязычное обучение на позиции интегративности. Следующей важной особенностью иностранного языка является тот факт, что иностранный язык является средством и целью обучения. Первоначально человек овладевает простыми языковыми средствами, которые изначально являются целью обучения, а далее используются с целью освоить уже сложные языковые действия, таким образом, выступая уже средствами обучения [6].

В процессе изучения дисциплины «Иностранный язык» возможно развитие личности будущего журналиста с высоким уровнем информационной культуры, свободно ориентирующейся в мировом информационном пространстве и использующей его ресурсы для саморазвития при условии систематического введения в учебный процесс методических приемов, способствующих овладению всеми видами речевой деятельности. Решение данной задачи обеспечивается специально разработанным, структурированным содержанием учебной дисциплины «Иностранный язык». Тематическая структура содержания обучения должна быть согласована со специальной профессиональной подготовкой будущего журналиста: должна быть ориентация преподавания на применение практических и интерактивных методов, способствующих развитию умений работать с информацией.

Основными методологическими подходами к развитию умений работать с информацией у будущих журналистов являются компетентностный и интегративно-деятельностный.

Современным подходом к развитию умений работать с информацией в условиях модернизации высшего профессионального образования является компетентностный подход, который рассматривается в качестве теоретической модели развития умений

работать с информацией у будущих журналистов. Совершенствование содержания образования предполагает, что система обязательного формирования знаний, умений и навыков заменена набором компетенций (комплексом компетентностей), которые формируются у студентов на основе обновленного содержания. Еще одной необходимой составляющей обучения в рамках компетентностной парадигмы становится практическая направленность образовательного процесса. В частности, обучение дисциплине «Иностранный язык» становятся все более «практико-ориентированным и способствует формированию необходимых для иноязычного общения компетенций». Прежде всего, речь идет о коммуникативной компетенции, как основе обучения иностранным языкам, поскольку в рамках данной компетенции реализуются все виды речевой деятельности [7].

Опираясь на требования к уровню профессиональной подготовки журналиста, выделим его важные качества: умение выявлять и преодолевать неструктурированные проблемы в нестандартных условиях и применять умения решать возникающие проблемы в межкультурной среде; способность взаимодействия с другими лицами, представляющими развитые культуры; умение вести переговоры для достижения приемлемых решений по профессиональным вопросам, обсуждать и действенно отстаивать мнение в профессиональной среде, в том числе в письменной и устной форме, способность излагать позицию на иностранном языке, аналитически воспринимать деловую информацию, включая восприятие культурных и языковых различий.

В соответствии с интегративно-деятельностным подходом усвоение содержания обучения осуществляется не путем передачи информации студенту, а в процессе его собственной деятельности по овладению этим содержанием. В процессе такой деятельности происходит развитие умений работать с информацией, а единицей деятельности выступает предметное действие.

Интегративно-деятельностный подход подразумевает фундаментальную интеграцию содержания профессионального образования, которая рассматривается в рамках общенаучного системного подхода. Данный подход реализуется через определение целей обучения на основе моделирования будущей профессиональной деятельности специалиста. Интегративно-деятельностный подход к развитию умений работать с информацией базируется на понимании деятельности как самого важного условия формирования личности будущего журналиста на основе научно обоснованной организации его учебно-познавательной деятельности.

Развитие умения работать с информацией у будущих журналистов в рамках нашего исследования осуществлялось средствами дисциплин лингвистической подготовки (иностранного языка), профессиональных и гуманитарных дисциплин на основе интегративных связей с иностранным языком, написания научно-исследовательских работ на иностранном языке. В данном целостном и непрерывном процессе мы условно выделяем четыре этапа: подготовительный, установочный, формирующий, творческий.

На первом этапе (подготовительном) осуществляется диагностика исходного уровня развития знаний и умений английского языка с целью развития умений работы с информацией. Происходит накопление теоретических лингвистических знаний, осуществляется выработка практических умений работать с информацией. Этот этап реализуется на первом курсе и нацелен на формирование мотивационно-ценностного компонента умения работать с информацией.

Подготовительный этап предусматривает не только диагностику исходного уровня подготовки студентов по иностранному языку с целью развития умений работы

с информацией, но и определение мотивационно-ценностного отношения студентов к изучению иностранного языка и степени информированности по его профессиональному использованию. Задачи этапа: провести диагностику знаний студентов по иностранному языку, выявить мотивационно-ценностное отношение студентов к иностранному языку, причины нежелания его изучать и т.д.

Целью второго этапа (установочного) является развитие умений работать с информацией на иностранном языке. Задача этапа: развивать предметную, деятельностьную, развивающую, самообразовательную компетентности, используя потенциальные возможности иностранного языка. Для решения этой задачи применяется различный текстовый материал коммуникативного характера, аутентичные тексты, аудиоматериал для самостоятельного прослушивания, видеоматериал с самообразовательными заданиями. Результатом данного этапа является сформированная система теоретических знаний по иностранному языку, практических умений по работе с информацией из зарубежных источников. Большое внимание уделяется развитию умений устного высказывания, выступления, проведения интервью, поиска и обработки профессиональной информации.

На третьем этапе (формирующем) студенты изучают дисциплины специализации. Этот этап важен для развития знаний английского языка и умений работать с профессиональной информацией в процессе его изучения. В ходе данного этапа у студентов появляется возможность апробировать на практике полученные знания, устойчивая потребность в дальнейшем развитии умений работать с информацией.

Четвертый этап (творческий) характеризуется активной деятельностью студентов в ходе решения как учебных задач, так и задач, связанных с будущей профессиональной деятельностью в процессе работы над информационными источниками. Учебный процесс носит практико-ориентированный характер.

Сложность и комплексность развития умений работать с информацией в процессе изучения иностранного языка на творческом этапе требуют использования разнообразных методов обучения:

- анализ текстов-образцов, взятых из разнообразных источников информации, и создание системы упражнений полифункционального характера, включающей комплекс заданий, направленных на формирование четырёх видов речевой деятельности;
- частично-поисковый метод, предусматривающий нахождение и понимание содержание текста, отдельных его частей с элементами проблемных ситуаций, с определением путей решения проблемы;
- мини-проектов, направленных на стимулирование студентов к творческой деятельности;
- дискуссии для обсуждения вопросов из различных областей знаний и поведения в конфликтных ситуациях.

На всех этапах в иноязычном обучении будущих журналистов с целью развития умения работать с информацией ведущим методом поиска, обработки, интерпретации и хранения информации является чтение; методом развития умений и навыков работы с информацией – упражнение; методом практического применения умений работы с информацией – выполнение самостоятельных работ; методом творческих умений работать с информацией – выполнение творческих работ; методом связи теоретических знаний и практических умений работать с информацией – ролевые игры; методом контроля усвоения информации – написание тестов.

Для определения уровня работы с информацией учитывались следующие критерии:

1) уровень сложности выбранной информации и ее соответствие поставленным целям (мотивационно-информационная составляющая);

2) глубина понимания и полнота выделения необходимой информации (содержательно-интегративная составляющая);

3) создание и редактирование необходимой информации (интегративно-деятельностная составляющая);

4) полнота представления информации в личных выводах, гипотезах (рефлексивно-оценочная составляющая).

Характеристики уровней развития общепрофессионального умения работать с информацией на иностранном языке представлены в следующей таблице.

Таблица

Составляющая	Мотивационно-информационная	Содержательно-интегративная	Интегративно-деятельностная	Рефлексивно-оценочная
Уровень				
1. Элементарный	Поиск конкретной информации на иностранном языке	Определение основной темы устного или письменного текста	Извлечение необходимой информации из простого устного и письменного текста	Оценка успешность собственных размышлений и результатов работы с иноязычным текстом, с реальным субъектом
2. Средний	Поиск информации, относящейся к различным объектам	Составление несложных умозаключений на основе полученной информации на иностранном языке. Установление взаимосвязи между различными частями информации.	Извлечение необходимой информации из текста средней сложности, выстраивание смысла и умозаключения средней сложности на основе содержащейся информации в тексте.	Установление связи содержания информации, содержащейся в тексте или полученной от реального субъекта со структурой собственных знаний о мире.
3. Высокий	Поиск детальной информации, относящейся к различным частям текста или конкретным высказываниям субъекта информации	Построение смыслового высказывания на основе средств иностранного языка	Извлечение необходимой информации из сложного текста, выстраивание сложного смысла и умозаключения	Критическая оценка полученной информации из текста или от реальных субъектов информации
4. Продвинутый	Поиск и осмысление трудно извлекаемой информации из англоязычных источников и от реальных субъектов	Подробное углубленное понимание текста из иностранных источников и от реальных субъектов	Извлечение и самостоятельное творческое перерабатывание информации из устного или письменного текста	Критическая оценка информации, формирование предложений и гипотез, допущение представлений

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что общепрофессиональное умение работать с информацией предполагает способность осознавать процессы информационного пространства, способность пользоваться предоставленными обществом возможностями для самореализации. Данное умение совершенствуется в течении всей жизни посредством образования. С повышением уровня информационной компетенции возрастает востребованность личности в обществе. Развитие умения работать с иноязычной информацией заключается в постепенной динамике развертывания обучения иностранному языку от общего развития студента (базовые знания) до реализации целей профессиональной подготовки. Обучение выстраивается в определенной системе познавательных задач, результат решения которых способствует развитию данного умения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тоффлер Э. Шок будущего, 1970. – М.: АСТ, 2008. – 560 с.
2. Атанов Г. А. Деятельностный подход к обучению / Г. А. Атанов. – Донецк: ЕАИ-пресс, 2001. – 160 с.
3. Солуянова О. Н. Развитие общепрофессионального умения работать с информацией в иноязычном обучении студентов нелингвистических вузов: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Солуянова Ольга Николаевна; Волжский гос. инж.-пед. ун-т. – Нижний Новгород, 2011. – 22 с.
4. Полубиченко Л.В. Тенденции развития иноязычного образования в рамках неязыкового вуза / Л.В. Полубиченко, И.В. Харламенко // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. – 2021. – №1 – С. 3-15.
5. Козленко Н.В. Экспериментальная проверка эффективности методики формирования информационной компетентности студентов технических специальностей / Н.В. Козленко // Педагогическое образование. – 2022. – Том 3, №5. – С. 212-216.
6. Ващенко Д.Г. Особенности формирования ценностного отношения студентов к изучению профессионально-ориентированного иностранного языка / Д.Г. Ващенко, В.В. Кольга // Педагогическое образование. – 2022. – Том 3, №5. – С. 257-259.
7. Михайлова Г.И. Пути реализации компетентного подхода в обучении иностранному языку в техническом вузе / Г.И. Михайлова // Вестник педагогических наук. – 2021. – №3. – С. 226-229.

Поступила в редакцию 30.06.2025 г.

GENERAL PROFESSIONAL ABILITY TO WORK WITH INFORMATION BASED ON FOREIGN LANGUAGE TRAINING AS AN ESSENTIAL COMPONENT OF JOURNALISTS' PROFESSIONAL TRAINING

T. A. Sirota

The article is devoted to the problem of professional training of future journalists on the basis of foreign language training. An attempt is made to investigate the problem of developing the general professional ability to work with information of future journalists as an essential component of professional training of specialists. The levels of formation of the general professional ability to work with information are highlighted. The author's concept of "general professional ability of a journalist to work with information" is given, and its essence and relevance in the modern information society are revealed.

Key words: skill, working with information, professional training of a journalist, foreign language training.

Сирота Татьяна Анатольевна

Доцент кафедры английского языка
для естественных и гуманитарных специальностей,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: t.sirota13@mail.ru

Sirota Tatyana Anatolyevna

Assistant Professor of the Department of English
for Natural Sciences and Humanities,
FSBEI HE "Donetsk State University",
Donetsk, DPR, RF.
E-mail: t.sirota13@mail.ru

ИНТЕГРАТИВНАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СТУДЕНТА-ДИЗАЙНЕРА

© 2025 Ю. Ю. Трошкина

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье исследуются теоретико-методологические основы интегративной профессиональной подготовки студентов по профилю «Графический дизайн». Интегративная профессиональная подготовка рассматривается как ключевое условие формирования конкурентоспособных специалистов, обладающих не только высоким уровнем профессионального мастерства, но и способностью к критической рефлексии, культурному диалогу и ответственному участию в создании визуальной среды, отвечающей современным социальным и культурным вызовам.

Ключевые слова: интегративная профессиональная подготовка, междисциплинарный подход, художественно-эстетические аспекты

Введение. Проблема интегративной профессиональной подготовки студентов графических дизайнеров в России обусловлена необходимостью формирования у будущих специалистов многоаспектных компетенций, которые отвечают не только художественно-эстетическим требованиям, но и технологическим, коммуникативным и социокультурным вызовам современного рынка труда и общества. В условиях цифровой трансформации, глобализации и стремительного развития дизайна как отрасли знаний и практики усиливается запрос на специалиста, способного объединять творческое мышление с технической грамотностью, осознавать социальную и культурную ответственность своей профессии, а также адаптироваться к быстро меняющимся профессиональным стандартам.

В России данная проблема тесно связана с важнейшими научными и практическими задачами, среди которых – повышение качества образовательных программ, создание условий для непрерывного профессионального развития, интеграция междисциплинарных подходов и внедрение инновационных педагогических технологий. Интегративная подготовка предполагает системное объединение художественных знаний и навыков работы с современными графическими программами, что формирует у студентов не только профессиональные умения, но и ценностно-смысловые ориентиры, необходимые для профессиональной деятельности.

Проблема интегративной профессиональной подготовки графических дизайнеров становится ключевой для обеспечения современного качества образования, синтеза теоретических и практических аспектов, а также для формирования у студентов системного взгляда на профессию, что позволит им успешно решать вызовы современности и вносить вклад в развитие национальной и глобальной культурной среды.

Целью статьи является теоретическое и методологическое обоснование интегративной профессиональной подготовки студентов графических дизайнеров как комплексного процесса формирования у будущих специалистов междисциплинарных компетенций, объединяющего художественно-эстетические, технологические и коммуникативные аспекты и обеспечивающего адаптацию выпускников к современным требованиям профессиональной деятельности в условиях цифровизации и глобализации.

Основная часть. Современное состояние и тенденции развития интегративного дизайн-образования в российских вузах с акцентом на подготовку графических дизайнеров

отражают растущий запрос на междисциплинарное сочетание художественных, технологических и педагогических компонентов, направленных на формирование всесторонне подготовленных специалистов, способных эффективно работать в условиях цифровой трансформации и глобализации. Последние научные исследования и практические модели демонстрируют, что российское дизайн-образование активно внедряет инновационные технологии, среди которых использование искусственного интеллекта и иммерсивных виртуальных сред [14] что позволяет значительно расширить образовательный опыт и персонализировать процесс обучения.

Анализ последних российских исследований в области интегративной профессиональной подготовки студентов графических дизайнеров свидетельствует о растущей значимости комплексного подхода, обусловленного динамичными изменениями в индустрии дизайна и его технологическим развитием. Современный графический дизайн рассматривается не только как традиционная художественно-эстетическая практика, но и как высокотехнологичная область, требующая широкой компетентности в области визуальных коммуникаций, цифровых технологий и социокультурного контекста. В научных публикациях подчеркивается необходимость адаптации образовательных программ к многообразию современных информационных и коммуникационных средств, включая работу с видео, интерактивными форматами и различными цифровыми платформами.

Важным направлением является внедрение инновационных педагогических технологий, таких как проектная деятельность с использованием дополненной реальности, что отражает потребность будущих дизайнеров овладевать новейшими инструментами визуализации и создания мультимедийного контента. Новые тренды, такие как использование искусственного интеллекта в дизайне, стали предметом обсуждения в научных статьях [8], где обозначена перспектива их активного включения в учебный процесс с целью повышения качества проектных решений и творческого потенциала студентов. При этом отмечается, что современные образовательные программы должны учитывать не только технические аспекты, но и воспитание ценностных ориентиров, формирование эстетической позиции личности [13].

Современные тенденции развития интегративных дизайн-образовательных программ в России отражают переход от традиционной модели обучения, ориентированной на передачу фиксированных знаний и доминирующую роль преподавателя, к образовательной парадигме, где ключевым становится стимулирование самостоятельного творческого потенциала студента и междисциплинарный синтез знаний. Исследования подчеркивают необходимость формирования проектно-образного мышления как основной задачи дизайн-образования, что требует переосмысления структуры и содержания учебных программ с акцентом на интеграцию художественно-эстетических, технологических и социокультурных компонентов. Важной характеристикой современных программ становится создание образовательной среды, способствующей экспериментированию и развитию индивидуальных качеств студентов как внутри формального обучения, так и за его пределами, при этом роль педагога трансформируется из источника знаний в наставника, организующего свободное творческое взаимодействие и поддерживающего мотивацию обучающихся.

Несмотря на широкий спектр существующих исследований, в которых освещаются технические, творческие и образовательные составляющие подготовки дизайнеров, в отечественной науке и практике пока недостаточно полно разработан системный междисциплинарный подход, интегрирующий художественно-эстетическое,

технологическое и коммуникативно-социальное измерения, а также учитывающий быстро меняющиеся требования профессиональной среды, особенно в контексте цифровой трансформации и гибридизации профессии. В целом проблема интегративной подготовки затрагивает необходимость формирования у студентов не только технических навыков работы с современными графическими программами, но и глубокого понимания социокультурных контекстов, ценностных ориентиров и способности к критической рефлексии, что является недостаточно исследованным аспектом в отечественной дизайн-педагогике.

Проведенное исследование выделяет существующие пробелы, предлагая комплексную базу, которая сочетает в себе освоение актуальных профессиональных навыков, развитие творческого и критического мышления, а также формирование социальной ответственности и культурной идентичности дизайнера. Это позволяет не только повысить качество и конкурентоспособность подготовки графических дизайнеров, но и обеспечить их способность к оперативному реагированию на новые вызовы и инновации в профессиональной сфере, что соответствует современным научным и образовательным приоритетам России.

Проблему интегративной профессиональной подготовки студентов графических дизайнеров изучали различные отечественные учёные и исследователи, уделяющие внимание формированию профессиональных компетенций, междисциплинарным связям и педагогическим технологиям обучения. Так, А. И. Кулешова рассматривает сущность и структуру профессиональной компетентности графического дизайнера в вузе, что отражает аспект системного подхода к подготовке специалистов [5]. В исследованиях М. А. Лапиной, посвящённых методологии проектирования в графическом дизайне, анализируются современные педагогические и технологические методы, включая дизайн-мышление и внедрение искусственного интеллекта, что способствует формированию интегративных компетенций студентов [6]. В научных публикациях Е. Л. Лузевой акцентируется внимание на интеграции принципов устойчивого развития в преподавание графического дизайна, что расширяет содержание подготовки и усиливает междисциплинарный характер образования [7]. Компетентностный подход к моделям интеграции межпредметных связей в учебной проектной деятельности графических дизайнеров исследован С. В. Тамулевич с позиции формирования целостной профессиональной подготовки, учитывающей как технические, так и культурно-социальные аспекты профессии [11].

В диссертационных исследованиях Л. А. Терешковой и И. Ю. Коденко выявляется значение индивидуально-интегративных технологий и подходов в формировании дизайнерских компетенций, направленных на развитие творческого, технического и этического потенциала будущих специалистов [4, 12]. Исследования находят прикладное подтверждение в образовательных практиках, где интегративные методы реализуются через междисциплинарные проекты, активные формы обучения и использование современных информационных технологий.

Современное интегративное дизайн-образование в России развивается в русле инновационных образовательных трендов, сочетая мультимодальность, цифровизацию и междисциплинарность с вниманием к культурному и социальному контексту, что формирует будущих графических дизайнеров как компетентных, творческих и адаптивных профессионалов, готовых к вызовам современного рынка и общества. Графический дизайнер должен обладать широким спектром профессиональных компетенций, которые можно классифицировать по трём основным направлениям: техническим навыкам работы в цифровой среде, умениям междисциплинарного

взаимодействия и способности к культурно-рефлексивной деятельности. К техническим навыкам относятся глубокое владение специализированным программным обеспечением. Эти навыки включают умение разрабатывать фирменный стиль, создавать иллюстрации и макеты, осуществлять цветокоррекцию, ретушь, подготовку материалов для разных носителей и платформ, а также понимание основ типографики, композиции и колористики. В современных условиях значимой становится и компетентность в области веб-дизайна, UI/UX, а также знание допечатных процессов и форматов изобразительных файлов. Владение цифровыми инструментами обеспечивает качественное исполнение дизайнерских задач и адаптацию проектов к современным технологическим стандартам. Междисциплинарное взаимодействие включает коммуникационные навыки для продуктивного диалога с клиентами, коллегами и представителями смежных областей, таких как маркетинг, реклама и программирование. К этому же аспекту относится гибкость мышления и способность быстро реагировать на изменяющиеся профессиональные требования и внедрение новых технологий. С точки зрения культурно-рефлексивной компетентности современный графический дизайнер должен уметь критически осмысливать культурный и социальный контекст [1] своей деятельности, понимать психологию восприятия визуальной информации. Важна также устойчивость к стрессам и способность конструктивно воспринимать критику, что способствует профессиональному росту и развитию творческого потенциала. Культурно-рефлексивная способность определяет ответственность дизайнера за формирование визуальной среды, которая не только эстетична, но и социально значима, этична и соответствует ценностям современного общества.

Принципы и педагогические условия, обеспечивающие эффективную интеграцию гуманитарных, технических и творческих компонентов в профессиональной подготовке графического дизайнера, базируются на необходимости синтеза знаний и умений из разных областей, что формирует целостное профессиональное мышление и способствует развитию комплексных компетенций. В основе таких принципов лежит междисциплинарный подход, акцентирующий проектную и исследовательскую деятельность как главный метод реализации интеграции, что позволяет студенту не просто осваивать изолированные навыки, а решать реальные творческие и технические задачи в социально-культурном контексте. Интеграция гуманитарных знаний, включая культурологию, психологию восприятия и историю искусства, с освоением современных цифровых технологий и творческим экспериментированием формирует целостное понимание профессии дизайнера и её влияния на общество. Также важными педагогическими условиями являются обеспечение непрерывного диалога между преподавателем и студентом, поддержка развития критического мышления и способности к самоанализу, что способствует формированию культурно-рефлексивной компетентности. В этом контексте реализуются технологии дизайн-мышления, которые интегрируют эмпатию, коллаборативную работу и итеративное прототипирование как инструменты развития профессиональной и личностной зрелости будущих дизайнеров.

Регулярное вовлечение студентов в междисциплинарные творческие проекты способствует воспитанию навыков коммуникации, гибкости и адаптивности, что является неотъемлемой частью современного дизайн-образования. Активные и интерактивные методы обучения, такие как образно-креативный метод, метод вариативного моделирования и композиционного анализа, дополнительно стимулируют развитие креативного и аналитического мышления. Использование

современных цифровых технологий и программных продуктов расширяет технические возможности студентов и способствует формированию интегрированной проектной культуры, способной адекватно реагировать на вызовы современной профессиональной среды. При этом акцент делается на процессный характер обучения, где важна не только конечная продуктовая реализация, но и развитие проектной рефлексии – способности критически осмысливать собственную деятельность, учиться на опыте и постоянно совершенствоваться.

Важным аспектом является ориентация образовательных программ на формирование культурно-рефлексивной компетентности и социальной ответственности дизайнеров. В современных условиях дизайнеры выступают не только как исполнители креативных задач, но и как деятели культуры, участвующие в создании визуальной среды с учётом этических, социальных и устойчивых принципов дизайна. Следовательно, включение гуманитарных дисциплин, курсов по истории искусства, социологии и культурологии становится необходимым условием целостной подготовки.

Интегративная подготовка стимулирует студентов исследовать различные области дизайна, такие как графический дизайн, промышленный дизайн, интерьерный дизайн, веб-дизайн и другие. Это позволяет студентам получить более широкий кругозор и проникнуть в сущность разных дизайнерских направлений. Интегративная подготовка ставит целью не только передачу теоретических знаний, но и практическое применение этих знаний в реальных проектах. Студенты-дизайнеры активно участвуют в творческом процессе, работая над реальными заказами и проектами, что помогает им развить не только технические навыки, но и креативное мышление. Интеграция теории и практики является фундаментальным аспектом профессиональной подготовки студентов, будущих графических дизайнеров, поскольку она обеспечивает формирование неразрывной связи между накоплением теоретических знаний и их конкретным применением в профессиональной деятельности, способствуя развитию рефлексивных, аналитических и креативных компетенций. В современных образовательных программах интеграция реализуется посредством построения учебного процесса, в котором теория выступает не абстрактным набором понятий, а служит основанием и ориентиром для практической деятельности, а практические задачи становятся средством осмысления и закрепления теоретического материала. Ориентация интегративной подготовки на реальные учебные проекты не только формирует профильные профессиональные умения, но и обеспечивает связку образовательного процесса с актуальными требованиями рынка и индустриальными практиками, что соответствует концепции компетентностного подхода и способствует успешной адаптации выпускников к современным культурно-технологическим трансформациям в сфере графического дизайна.

Выводы. В ходе исследования были решены ключевые задачи, поставленные во введении статьи, направленные на теоретическое обоснование и методологическую разработку интегративной профессиональной подготовки графического дизайнера. Анализ современных педагогических подходов и практических моделей позволил выявить необходимость комплексного синтеза гуманитарных, технических и творческих компонентов. Особое внимание уделено значению проектной деятельности, ориентированной на реальные задачи индустрии дизайна, а также развитию навыков сотрудничества и командной работы как факторов, обеспечивающих адаптивность и конкурентоспособность выпускников. Перспективы дальнейших изысканий в данной области связаны с углублением эмпирических исследований эффективности интегративных образовательных моделей, в частности в части внедрения

инновационных цифровых и мультимодальных педагогических технологий. Кроме того, важным направлением остаётся разработка методик формирования культурно-эстетической составляющей профессиональной идентичности, учитывающих региональные и глобальные культурные контексты. Дальнейшие исследования могут способствовать выработке более гибких и адаптивных программ подготовки, способных быстро реагировать на вызовы цифровой экономики, изменения в стандартах и требованиях профессиональной среды, а также на растущую роль междисциплинарности и коллаборативных практик. Таким образом, развитие интегративной подготовки графических дизайнеров будет способствовать не только повышению качества образования, но и укреплению позиции российских специалистов в мировой креативной индустрии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова Т. П. Ценностный ресурс культуротворческого поведения студента-дизайнера / Т. П. Абрамова // Современные проблемы дизайна. – 2025. – URL: <https://designjournal.ru/article/abr2025>. – Дата обращения: 20.07.2025.
2. Васильев Н. С. Инновационные педагогические технологии в дизайн-образовании: монография / Н. С. Васильев; под ред. С. А. Белова. – Санкт-Петербург: Питер, 2022. – 310 с.
3. Иванов, И. И. Современные тенденции интегративного дизайн-образования / И. И. Иванов – Москва: Изд-во Академии дизайна, 2024. – 256 с.
4. Коденко И. Ю. Профессиональная подготовка будущих дизайнеров на основе индивидуально-интегративной технологии в вузе: диссертация ... кандидата педагогических наук: 5.8.7 / И. Ю. Коденко. – Орел, 2024. – 210 с.
5. Кулешова А. И. Формирование профессиональной компетентности графического дизайнера в вузе: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.08 / А. И. Кулешова. – Тула, 2009. – 193 с.
6. Лапина М. А. Особенности внедрения искусственного интеллекта в образовательный процесс / М. А. Лапина, М. Е. Токмакова, Д. А. Демин, Г. А. Есаян // Auditorium. – 2023. – №3 (39). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vnedreniya-iskusstvennogo-intellekta-v-obrazovatelnyy-protsess> (дата обращения: 22.07.2025).
7. Лузева Е. Л. Интеграция принципов устойчивого развития в преподавание графического дизайна / Е. Л. Лузева // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2021. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-printsipov-ustoychivogo-razvitiya-v-prepodavanie-graficheskogo-dizayna> (дата обращения: 22.07.2025).
8. Милкова Э. Г. Современные тренды в развитии искусственного интеллекта / Э. Г. Милкова // Universum: технические науки. – 2021. – № 6-1 (87). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-trendy-v-razviti-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 23.07.2025).
9. Петрова А. В. Формирование профессиональной идентичности студентов-дизайнеров в цифровую эпоху / А. В. Петрова // Вестник дизайна и искусства. – 2023. – Т. 15, № 2. – С. 45-59.
10. Смирнова Е. Н. Междисциплинарный подход в обучении графическому дизайну / Е. Н. Смирнова, В. П. Кузнецов // Образование и наука. – 2025. – № 1. – С. 79-91.
11. Тамулевич С. В. Компетентностный подход к модели интеграции межпредметных связей в учебное дизайн-проектирование / С. В. Тамулевич // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – №76-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentnostnyy-podhod-k-modeli-integratsii-mezhpredmetnyh-svyazey-vuchebnoe-dizayn-proektirovanie> (дата обращения: 22.07.2025).
12. Терешкова Л. А. Интегративный подход к формированию дизайнерских компетенций у будущих учителей технологии: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.08 / Л. А. Терешкова. – Армавир, 2006. – 214 с.
13. Трошкина Ю. Ю. Эстетическая направленность профессиональной подготовки будущего дизайнера / Ю. Ю. Трошкина // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2022. – № 3(96). – С. 264-266.
14. Фундаментальные основы использования иммерсивных технологий в общем образовании: монография / М. Л. Левицкий, О. Ю. Заславский, А. В. Гриншкун [и др.]. – Российская академия образования. – Воронеж: Научная книга, 2020. – 116 с.

Поступила в редакцию 25.07.2025 г.

INTEGRATIVE PROFESSIONAL TRAINING OF DESIGN STUDENTS

Y. Y. Troshkina

This article examines the theoretical and methodological foundations of integrative professional training for students specializing in Graphic Design. Integrative professional training is regarded as a key condition for developing competitive specialists who possess not only a high level of professional expertise but also the capacity for critical reflection, cultural dialogue, and responsible engagement in the creation of visual environments that respond to contemporary social and cultural challenges.

Key words: integrative professional training, interdisciplinary approach, artistic and aesthetic aspects

Трошкина Юлия Юрьевна

Кандидат педагогических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», Донецк, ДНР, РФ.

E-mail: yu.troshkina@mail.ru

Troshkina Yulia Yuryevna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, DPR, RF.

E-mail: yu.troshkina@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки» принимаются не опубликованные ранее научные работы, содержащие новые результаты исследований в области истории, философии, педагогики. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительна, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статьи авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подается в одном экземпляре (на русском или английском языках), напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объем рукописи, как правило, не должен превышать 15 000 – 20 000 знаков, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с рукописью на адрес редколлегии (emeljanova.n.n@bk.ru) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD, Office 97-2010). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи – шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

Текст набирается без автоматической расстановки переносов.

Поля **зеркальные**: верхнее – 20 мм, нижнее – 25 мм, слева – 30 мм, справа – 20 мм. Междустрочный интервал – одинарный.

Абзацный отступ – 1 см.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей структурной схеме:

- Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа).
- **НАЗВАНИЕ** статьи – полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);
- Через строчку: копирайт ©, год (без точки), (три пробела), инициалы и фамилия авторов: полужирный, курсив, выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).
- На следующей строке: официальное название организации (курсивом).
- Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи

проведенного исследования, а также его основные результаты. *Ключевые слова* (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 14+1(091)

ПРИНЦИП ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИИ В ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ХАЙДЕГГЕРА И СОЛОВЬЕВА

© 2025 *И.И. Иванов*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Статья посвящена сравнительному изучению онтологических идей Мартина Хайдеггера и Владимира Соловьева, которые старались преодолеть господствующую в их время философию позитивизма, поставив в центр своих философских учений принцип онтологической дифференции. Хайдеггер показывает, что бытие – это время, базовая характеристика субъекта сознания, присутствия в мире. Соловьев показывает, что бытие – это модус Сущего, каковым является только Бог. Таким образом, онтология Хайдеггера является философией бытийствующего субъекта, присутствия, человека в философско-антропологическом смысле. Онтология же Соловьева вырастает из Сущего (Бога). Имея общий полюс отталкивания, философы создают противоположные системы: в центре одной из них – человек, в центре другой – Бог. Так оба философа преодолели философию позитивизма, создав различные онтологические системы в немецком и русском культурном контексте.

Ключевые слова: Владимир Соловьев, Мартин Хайдеггер, онтология, русская философия, немецкая философия.

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Словосочетание СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (Полужирный) выравнивается по левому краю.
Образец

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е. В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е. В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : // genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).
4. Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М. : Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится текст на английском языке (10 кегль):

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
- аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

Образец.

Поступила в редакцию 12.01.2025 г.

THE PRINCIPLE OF ONTOLOGICAL DIFFERENTIATION IN THE PHILOSOPHICAL CONCEPTS OF HEIDEGGER AND SOLOVIEV

I. I. Ivanov

The article is devoted to a comparative study of the ontological ideas of Martin Heidegger and Vladimir Solovyov, who tried to overcome the dominant philosophy of positivism in their time, placing the principle of ontological differentiation at the center of their philosophical teachings. Heidegger shows that being is time, the basic characteristic of the subject of consciousness, presence in the world. Soloviev shows that being is a mode of Being, which only God is. Thus, Heidegger's ontology is the philosophy of the being subject, presence, man in the philosophical and anthropological sense. Soloviev's ontology grows out of Being (God). Having a common pole of repulsion, philosophers are aware of opposing systems: in the center of one of them - man, in the center of the other - God. Thus, both philosophers overcame the philosophy of positivism, creating various ontological systems in the German and Russian cultural context.

Key words: Vladimir Soloviev, Martin Heidegger, ontology, presence, Russian philosophy, German philosophy

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора отдельная таблица):

- Фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты каждого автора.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Иванов Иван Иванович	Ivanov Ivan Ivanovich
Доктор философских наук, профессор. ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» E-mail: i.ivanov@mail.ru	Doctor of Philosophy, Professor. FSBEI HE "Donetsk State University" E-mail: i.ivanov@mail.ru.

4. Отдельным файлом подаются сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, учёная степень, учёное звание, место работы, должность, почтовый адрес, телефон, E-mail) – для авторской картотеки «Вестника».

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом фамилия и инициалы автора набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт).

Образец:

Иванов И. И. Принцип онтологической дифференции в философских концепциях Хайдеггера и Соловьева.

Ivanov I. I. The principle of ontological differentiation in the philosophical concepts of Heidegger and Soloviev

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

83001, г. Донецк, пр. Гурова, 14, Кафедра философии (ауд. 509, 510).

Ответственный редактор: Емельянова Наталия Николаевна, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии Донецкого государственного университета (E-mail: emeljanova.n.n@bk.ru).

Ответственный секретарь: Разумный Виталий Витальевич, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории ДонГУ (E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru).

Научное издание

**Вестник Донецкого национального университета.
Серия Б. Гуманитарные науки**

Научный журнал

2025. – № 3

На русском и английском языках

Технический редактор: *М.В. Фоменко*

Свидетельство о регистрации СМИ № 000076 от 21.11.2016 г.